

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Сильченко Иван Сергеевич

**Части особого назначения и органы милиции
в Екатеринбургской губернии. 1919–1923 гг.**

Специальность: 07.00.02 Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
Кандидат исторических наук, доцент
Смирнов Сергей Викторович

Екатеринбург – 2019

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Предпосылки формирования политико-административных органов Екатеринбургской губернии.....	23
1.1. Военно-политическое, экономическое и социальное состояние Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.....	23
1.2. Опыт создания карательных структур и органов правопорядка на территории Екатеринбургской губернии в 1917–1919 гг.....	35
Глава 2. Части особого назначения как военизированные партийные органы.....	43
2.1. Начальный этап формирования Частей особого назначения Екатеринбургской губернии в 1919 г.	43
2.2. Особенности деятельности Частей особого назначения в 1920-середине 1921 гг.	54
2.3. Части особого назначения Екатеринбургской губернии в 1921–1923 гг.	68
Глава 3. Развитие органов Рабоче-крестьянской красной милиции Екатеринбургской губернии.....	92
3.1. Милиция в период организации управленческих структур Екатеринбургской губернии.....	92
3.2. Задачи и деятельность органов милиции в 1920–1922 гг.	109
3.3. Рабоче-крестьянская милиция на завершающем этапе существования Екатеринбургской губернии	130
Заключение.....	159
Список литературы.....	165
Приложение А. Схема подчинения отрядов особого назначения (14 мая 1919 г.).....	182

Приложение Б. Схема подчинения отрядов особого назначения. (ноябрь 1919 г.)	183
Приложение В. Схема подчинения отрядов особого назначения. (25 марта 1921 г.)	184
Приложение Г. Именной список Штаба Частей особого назначения Екатеринбургской губернии (сентябрь 1922 г.).....	185
Приложение Д. Количественные показатели кадрового и милиционного состава Частей особого назначения Екатеринбургской губернии. (январь 1923г.).....	189
Приложение Е Процент обеспеченности Екатеринбургских Частей особого назначения основными видами вооружения (январь-февраль 1923 г.).....	190
Приложение Ж. Схема работы Екатеринбургской губернской Милиции.....	191
Приложение И. Сравнение штатных и фактических показателей деятельности промышленной милиции Екатеринбургской губернии. (27 октября 1920 г.).....	192
Приложение К. Список начальствующего состава Уголовного розыска (сентябрь 1921 г.).....	194
Приложение Л. Программа школы политграмотности для милиционеров Екатеринбургской губернии.....	198
Приложение М. Текст «Обязательства» милиционера.....	199
Приложение Н. Списки милиционеров уволенных из милиции Екатеринбургской губернии (апрель-май 1922 г.).....	201
Приложение П. Сведения о результатах борьбы с самогоноварением в Екатеринбургской губернии (январь – февраль 1923 г.).....	205

Введение

Актуальность темы исследования. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали знаковыми событиями в отечественной истории XX века. Социальные и политические установки, сформированные во время внутреннего противостояния и в первые послевоенные годы, стали отправной точкой в определении путей развития Советского государства. В настоящее время научное осмысление политических потрясений столетней давности способно не только содействовать консолидации общества, но и выявить закономерности, необходимые для успешного государственного развития.

Противостояние военно-политических сил в период Гражданской войны показало, что вопрос установления государственной власти не был до конца решен. Силы различной политической направленности вели вооруженную борьбу за укрепление своего влияния во всех без исключения регионах страны. Советское правительство, сформированное после событий октября 1917 г., старалось укрепить свои позиции и остаться на вершине политической власти. Одновременно с организацией военных сил создавались административно-политические органы, главной целью которых являлось подавление антиправительственных выступлений и наведение конституционного порядка на территориях, подконтрольных советской власти. Наряду с Чрезвычайной комиссией (ЧК) такими органами являлись Части особого назначения (ЧОН) и Рабоче-Крестьянская Красная милиция (РККМ). Несмотря на то, что деятельность данных структур в некоторых случаях осуществлялась параллельно, основной задачей Чрезвычайной комиссии являлась борьба с различными проявлениями контрреволюции, тогда как для ЧОН и РККМ отстаивание политических интересов советской власти являлось одной из функций, среди которых также выделялись административные и полицейские задачи. Необходимо отметить, что Части особого назначения и милиция являлись исполнительными структурами советско-партийных органов, что вносило

определенные особенности во внутренние процессы их функционирования и специфику применения.

Процессы создания и функционирования Частей особого назначения и органов милиции имеют схожую периодизацию, которая является отражением административных и социально-политических изменений, произошедших не только на территории региона, но и во всем советском государстве. В то же время обращение к региональному опыту строительства советско-партийных органов позволяет выявить специфику и уникальность протекания процесса становления советской государственности. В этом отношении территория Урала в 1919 – 1923 гг. являлась регионом, где шло не поэтапное, а параллельное становление партийных и советских административных и карательных органов, что в комплексе с социальными, военными и экономическими региональными особенностями формировало особую среду, способствовавшую принятию уникальных управленческих решений.

Формирование ЧОН и РККМ началось в условиях тяжелой экономической ситуации с полным отсутствием опытных руководящих кадров и стало не только уникальным примером создания исполнительных советско-партийных органов в чрезвычайных условиях Гражданской войны, но и показателем всех противоречий нового строя. Комплексный анализ особенностей формирования и деятельности Частей особого назначения и органов Рабоче-крестьянской милиции Екатеринбургской губернии, осуществляемый в немалой степени на основе неизученных документов, позволяет осветить различные аспекты функционирования первых советских административных органов, выявить закономерности их развития, а также определить особенности внутривидовых процессов. Актуальность темы обусловлена тем, что опыт формирования и развития Частей особого назначения и органов милиции может быть применен и сегодня в целях создания военных, правоохранительных и гражданских структур с минимальными затратами кадровых и материальных ресурсов.

Степень разработанности проблемы. К настоящему времени история формирования и деятельности Частей особого назначения и органов Рабоче-крестьянской красной милиции как в масштабах всей Советской республики, так и в Екатеринбургской губернии достаточно широко освещена в исследовательской литературе. Историографию изучаемой проблемы можно разделить на три хронологических периода, различающиеся своими теоретико-методологическими основами, широтой источниковой базы и глубиной проработки различных аспектов изучаемой проблемы как на общероссийском, так и на региональном уровнях: 1) 1920–1930-е гг.; 2) 1950–1980-е гг.; 3) 1990–2010-е гг.

Опубликованные в 1920–1930-е гг. работы, посвященные деятельности отрядов и Частей особого назначения, как правило принадлежали перу представителей партийных органов и выступали скорее пропагандистско-справочными изданиями, нежели историческими исследованиями¹. Информация в этих работах носила фрагментарный характер, а факты подавались в свете идеологических задач РКП(б). Как отмечал в своей книге «ЧОН. Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии» А. Захаров, «история ЧОН-а полна примерами выдержанности, стойкости, сознании долга революционера-борца, товарищеской дисциплинированности и энтузиазма»². Член Реввоенсовета РСФСР С. И. Гусев писал: «Наравне с Красной Армией необходимо создание специальных отрядов для борьбы с мелкобуржуазной и анархистской контрреволюцией»³. В. О. Шеметов в своих публикациях уделял основное внимание особенностям партийного руководства коммунистическими частями, практически не обращаясь к социальным вопросам и особенностям снабжения

¹ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. М.: Гос. Изд-во, 1925, 218 с.; Подвойский Н. И. О милиционной организации вооруженных сил РСФСР. М.: Б. И., 1921, 23 с.; Его же. Доклад начальника Главного управления Всевобуч, терккадров и коммунистических частей т. Подвойского на совещании начальников полковых округов. М.: Б. И., 1920, 16 с.; Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. М.: Издание журнала «Война и революция», 1925, 42 с.; Шеметов В. О. О Частях особого назначения // Армия и революция. 1923. № 1. С. 14.

² Захаров А. ЧОН. Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. Н. Новгород: Издание Нижегородского истпартотдела, 1927. С. 3.

³ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия... С. 101.

ЧОН. Стоит отметить, что, несмотря на присутствие статистических данных, основной упор в исследованиях этого периода был сделан на освещение вопросов, связанных с обучением личного состава коммунистических отрядов и процессом их формирования.

В 1930-е гг. историография изучаемой проблемы пополнилась рядом работ, в которых рассматривались не только организационно-кадровые проблемы формирования Частей особого назначения, но и особенности их боевого применения¹. И хотя авторами этих работ по-прежнему являлись военные и политические руководители, в целом исследования приобрели более научный характер. В то же время источниковая база этих исследований достаточно узка и в основном представлена личными воспоминаниями и отдельными внутрипартийными документами, обращение к архивным материалам, в связи с ограниченностью к ним доступа со стороны государства, отсутствует. Поскольку часть видных советских деятелей времен Гражданской войны в 1930-е гг. была подвергнута репрессиям, исследователи в своих публикациях вынуждены были обходить роль репрессированных лиц в описании процесса становления и функционирования ЧОН.

В это же время за рубежом в среде русской эмиграции появился ряд сочинений, в той или иной степени описывавших советские Части особого назначения². Работы эмигрантов представлены в основном сборниками воспоминаний и публицистическими произведениями, выдержанными в антибольшевистском духе, где деятельность ЧОН оценивалась крайне негативно. Так, например, автор книги «На заре красного террора» Г. С. Аронсон сравнивал отряды особого назначения с опричниной царя Ивана IV³.

Исследования 1920–1930-х гг., освещавшие деятельность РККМ, в основной массе представляют собой справочные издания, основанные на статистических

¹ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне в трех томах. М.: Б. И., 1934, 343 с.; Разгон И., Горбункова В., Мельчин А. Женщина в Гражданской войне. М.: ОГИЗ, 1938, 246 с.

² Аронсон Г. С. На заре красного террора. Берлин: Б. И., 1929, 256 с.; Корсак В. У красных. Париж: Б. И., 1929, 169 с.

³ Аронсон Г. С. Указ. соч. С. 12.

данных и аналитических выкладках сотрудников советских органов внутренних дел¹. В литературе данного периода подчеркивается временный характер формирования силовых структур, деятельность которых предполагалось свернуть при завершении строительства социалистического общества. Одним из самых информативных изданий этого периода являлся профильный ведомственный журнал «Рабоче-крестьянская милиция»², позже переименованный в «Административный вестник»³. На страницах журнала описывались разные стороны функционирования органов охраны правопорядка⁴. Так, в статье И. М. Зайцева⁵ приведены статистические данные о кадровом составе работников Уголовного розыска, соотношение числа преступлений и количества раскрытых дел. В работах указанного периода отсутствуют попытки комплексного всестороннего анализа направлений развития силовых структур, четко выражено партийное влияние, а действия органов милиции подаются исключительно в положительном свете. Также стоит сказать, что публикации, относящиеся к данному периоду, в целом охватывают события, происходившие в западных и центральных регионах советского государства, и не уделяют должного внимания истории милиции Екатеринбургской губернии.

С начала 1930-х гг. в изданиях, посвященных милиции, все активнее стала подчеркиваться роль И. В. Сталина, как основного организатора системы органов правопорядка. Во второй половине 1930-х гг. в связи с волной репрессий, затронувших руководство милиции, а также с трансформацией системы органов

¹ Зайцев П. Рабоче-крестьянская милиция. М.: Власть Советов, 1930. 2 с.; Добронравин Л. За 8 лет. Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска за 1917–12 ноября 1925 г. Ленинград: Издание журнала «На посту», 1925, 179 с.

² Рабоче-крестьянская милиция. Орган Управления милиции Республики. 1922–1923 гг.

³ Административный вестник. Издательство Наркомата внутренних дел. 1923–1930 гг.

⁴ Болдырев М. Борьба с бандитизмом и уголовщиной // Административный вестник. 1925. № 3. С. 6–9; Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 11. С. 8–12; Киселев И. Ф. 10 лет Рабоче-крестьянской милиции // Административный вестник. 1927. № 10. С. 29–35; Петкар И. Историческая справка, необходимая для создания истории Рабоче-крестьянской милиции // Административный вестник. 1924. № 6. С. 11–13.

⁵ Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 11. С. 8–12.

внутренних дел в закрытую организацию публикации, касавшиеся истории Рабоче-крестьянской милиции, практически исчезли.

С середины 1950-х гг. в развитии советской историографии произошли некоторые изменения, в немалой степени ставшие следствием XX съезда КПСС и развенчания культа личности И. В. Сталина. Исследователи получили возможность обращаться к ранее закрытой проблематике, расширился доступ к архивным документам. Вместе с тем, исследования 1950–1980-х гг., посвященные работе ЧОН и РККМ, оставались выдержаны в рамках господствовавшей идеологии¹.

К наиболее значимым исследованиям, освещавшим деятельность Частей особого назначения, нужно отнести работы И. Б. Дементьева, С. Ф. Найды, В. Л. Кротова, Н. С. Тельнова, И. А. Абраменко².

¹ Гаврилова Н. Г. Деятельность Коммунистической партии по руководству частями особого назначения в период Гражданской войны и восстановления народного хозяйства (на материалах Тульской, Рязанской, Иваново-Вознесенской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 1983, 203 с.; Дементьев И. Б. Руководство партийных организаций Пермской губернии частями особого назначения в 1919–1923 гг. Пермь: Б. И., 1972, 18 с.; Его же. ЧОН Пермской губернии в борьбе с врагами Советской власти: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1972, 218 с.; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). М.: Наука, 1978, 191 с.; Его же. Борьба с контрреволюцией в советском тылу в годы Гражданской войны. М.: Б. И., 1985, 80 с.; Маландин В. Г. Коммунистические отряды особого назначения в Москве в годы Гражданской войны // Материалы к научной конференции кафедры общественных наук I-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова. М.: Б. И., 1967, С. 84–93; Петров Ю. П. Партийные мобилизации в Красную Армию 1918–1920 гг. М.: Б. И., 1956, 123 с.; Софинов П. Г. Очерки истории ВЧК. М.: Госполитиздат, 1959, 260 с.; Терентьев В. Д. Разработка В. И. Лениным, Коммунистической партией форм активного участия масс в вооруженной защите Октября (1918–1920). М.: Б. И., 1971, 78 с.

² Найда С. Ф. О военно-партийных отрядах – Частях особого назначения // О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1958, 244 с.; Его же. С. Ф. Части особого назначения (1917–1925). Руководство партии созданием и деятельностью ЧОН // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 106–112; Кротов В. Л. Чоновцы. М.: Изд-во политической литературы, 1974, 127 с.; Тельнов Н. С. Из истории создания и боевой деятельности коммунистических частей особого назначения в период Гражданской войны // Ученые записи Коломенского педагогического института. Том. 6. Коломна: Б. И., 1960, С. 180–201; Его же. Боевые коммунистические отряды особого назначения в борьбе с контрреволюцией (1918 год) // Ученые записи Московского педагогического института. Выпуск 14. М.: Б. И., 1968, С. 80–95; Абраменко И. А. Создание коммунистических отрядов особого назначения в Западной Сибири. Ученые записи Томского университета. Т. 43. Томск: Б. И., 1971, С. 83–97; Абраменко И. А. Партийно-политическая работа в Частях особого назначения (ЧОН) Западной Сибири. Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск: Б. И., 1972, С. 77–107; Его же. Формирование коммунистических частей (отрядов) особого назначения в системе Всеобуча Сибири (август 1920 – август 1921 гг.) // Ученые записи Томского университета. Т. 43. Томск: Б. И. 1971, С. 98–112.

Работы С. Ф. Найды явились первой попыткой систематизации информации о политической основе формирования ЧОН, их численности, вооружении, кадровом обеспечении. Достоинством работ С. Ф. Найды является то, что автор не только представил отдельные аспекты функционирования территориальных подразделениях ЧОН, но и предложил периодизацию их существования. В диссертационном исследовании И. Б. Дементьева освещена деятельность коммунистических отрядов Пермской губернии. Работа основана на региональном материале и является первым исследованием, в котором рассматриваются процессы, происходившие на территориях, граничивших с Екатеринбургской губернией. Однако, несмотря на серьезную документационную основу, в работе Дементьева рассмотрены главным образом вопросы взаимоотношения коммунистических подразделений и местных партийных органов, при этом малое внимание уделено особенностям снабжения, обучения и кадрового отбора. Н. С. Тельнов, характеризуя организацию и боевое применение коммунистических частей в масштабах всей страны, практически не уделил внимания региональным особенностям их деятельности. И. А. Абраменко, напротив, рассматривал вопросы формирования, политической работы и боевого применения ЧОН исключительно в рамках Западно-Сибирского региона. В исследовании В. Л. Кротова «Чоновцы» описана история возникновения и боевая деятельность ЧОН в связке с развитием партийных организаций в общероссийском масштабе. При этом, особое внимание автор уделял социально-политической работе военно-партийных отрядов.

В исследованиях 1950–1980-х гг., посвященных органам охраны правопорядка и нередко приуроченных к празднованиям очередных юбилеев Октябрьской революции и Рабоче-крестьянской милиции, история системы общественной безопасности подавалась как последовательность безошибочно верных решений советского правительства, а проблемы, возникавшие на первоначальных этапах деятельности милиции, объяснялись наличием скрытых

противников советской власти¹. Знаковым событием этого периода можно считать выход в свет в 1977 г. двухтомного труда «История советской милиции»². В работе последовательно рассмотрен процесс развития органов охраны правопорядка в период с 1917 по 1966 гг. Особое внимание авторы уделили структуре, задачам и функциям милиции, а также подбору, расстановке и воспитанию кадров. При этом, в исследовании отсутствует критический анализ действий руководства милиции, а события, происходившие на территории Екатеринбургской губернии, не освещены.

В это же время появились работы, посвященные региональным аспектам строительства органов правопорядка³. Из ряда исследований можно выделить публикации В. Г. Андреевой и А. И. Трофимова⁴, посвященные истории уральской милиции. Несмотря на наличие архивных документов, работы указанных авторов в большей степени основаны на воспоминаниях ветеранов милиции и представляют собою публицистические произведения.

Для современной отечественной историографии изучаемой проблемы, становление которой ведет отсчет от начала 1990-х гг., характерным является

¹ Андреева В. Г. Из истории становления уральской милиции // Проблемы правовых наук и специальных дисциплин. Сборник статей. М.: Издательство академии МВД СССР, 1977, С. 38–45; Биленко С. В., Желудкова Т. И., Искрина Н. А. Косицын А. П. Советская милиция: история и современность. М.: Издательство юридической литературы, 1987, 336 с.; Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 гг. // Труды Высшей школы МООП СССР. Выпуск. 20. М.: Б. И., 1968, С. 5–54; Кудин М. В. Советская милиция в период организации и упрочения Советской власти. М.: Б. И., 1957, 168 с.; Мулукаев Р. С. Исторический опыт развития организационных форм участия трудящихся в охране общественного порядка. М.: Б. И., 1986, 133 с.; Николаев П. Ф. Омская милиция в борьбе за установление советской власти (1917–1919 гг.). Омск: Б. И., 1957, 30 с.; Его же. Подготовка командных кадров милиции в СССР (1917–1929 гг.). Омск: Б. И., 1969, 107 с.; Его же. Советская милиция Сибири (1917–1922 гг.). Омск: Западно-Сибирское издательство, 1967, 290 с.

² Крылов С. М., Косицын А. П., Биленко С. В. История советской милиции. Том 1. М.: Б.И., 1977, 346 с.

³ Бакалейников П. С. Становление Камчатской милиции (1918–1922 гг.) // История социалистического строительства на Камчатке. Владивосток: Б. И., 1979, С. 119–123; Пискарев А. В. Очерки истории милиции Белорусской ССР. Минск: Изд-во «Беларусь», 1987, 536 с.; Хвичия П. Очерки истории грузинской советской милиции. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1971, 284 с.; Ходасевич А. П. Милиция таежного края. Хабаровск: Книжное издательство, 1969, 160 с.

⁴ Андреева В. Г. Становление милиции на Среднем Урале. Свердловск: Б. И., 1977, 183 с.; Трофимов А. И. Свердловская милиция. Свердловск: Изд. организац.- метод. отд. упр. охраны обществ. порядка Свердл. Облесполкома, 1967, 158 с.

резкое снижение уровня политизации исследований, а также существенное расширение источниковой базы за счет привлечения ранее недоступных архивных документов и проблематики исследований истории ЧОН и РККМ¹.

Среди исследований данного периода, посвященных Частям особого назначения, можно выделить работы В. Н. Фомина² и Д. В. Кулакова³. Публикации В. Н. Фомина основаны на широком спектре ранее неопубликованных документов, действия партийного руководства подвергаются разностороннему анализу, автор в связке рассматривает вопросы идеологии, политики и применения коммунистических подразделений, что является нетипичным для публикаций предыдущего периода. Исследование Д. В. Кулакова является единственной

¹ Афоничев В. С. История российской милиции. М.: Б. И., 1994, 230 с.; Борисов А. В., Детков М. Г., Кузьмин С. И., Малыгин А. Я. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М.: Б. И., 1996, 246 с.; Бельков Д. А. Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции 1917–1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003, 219 с.; Довгяло В. К. Становление органов милиции на территории Пермской губернии. Февраль 1917 – март 1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004, 296 с.; Лошманова О. А. Социально-экономическое и политическое положение Калужской губернии в 1918–1919 гг. и причины создания частей особого назначения (ЧОН) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история и политология. Выпуск № 1 (198). Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2015, С. 121–125; Манькевич А. А. Факторы роста преступности в начальный период НЭПа (на материалах Самарской губернии). // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории и археологии». 2006. № 1. С. 71–75; Марченко С. А. Организационно-правовые основы деятельности Частей особого назначения (ЧОН) и специфика их функционирования на Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2013, 194 с.; Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001, 245 с.; Поляков Ю. А. Гражданская война в России. Поиски нового видения // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117; Старков Б. А. Красный и белый террор в России (1918–1922 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 25–34; Устюжанин Ю. Г. Среднеуральское управление внутренних дел на транспорте МВД России. Екатеринбург: Союз, 2009, 104 с.; Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История прав охранительных органов Отечества. М.: Щит-М, 2007, 296 с.; Щеткин С. В. Милиция на Южном Урале 1921–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002, 248 с.; Яблонский И. В. Части особого назначения в Кубано-Черноморской области: 1920–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005, 209 с.; Яблочкина И. В. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России 1921–1925 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2000, 506 с.

² Фомин В. Н. Части особого назначения на Дальнем Востоке в 1918–1925 гг. Брянск: Б. И., 1994, 162 с.; Его же. Нравственно-психологический настрой коммунаров ЧОН – определяющий фактор их действий и поступков в годы гражданской войны // Институционализация региональной многопартийности. 1996. № 7. С. 115–130.

³ Кулаков Д. В. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. Цели создания. [Электронный ресурс]. URL // <http://demos.eetk.ru/special.html> (дата обращения 01. 02. 2017).

публикацией, посвященной различным аспектам деятельности Частей особого назначения Екатеринбургской губернии. Автор рассматривает особенности формирования ЧОН, их состав, функции и боевое применение. Вместе с тем, процесс становления ЧОН анализируется на примере всей губернии, без выделения особенностей по уездам, а небольшой объем работы не позволил автору в полной мере раскрыть указанные выше аспекты.

Из ряда исследований 1990–2010-х гг. стоит выделить работу О. И. Логинова «История Уральской милиции»¹. Автор последовательно характеризует этапы создания органов милиции Урала с момента ее основания и до настоящего времени, опираясь на широкий спектр документов. Несмотря на территориальную привязку к изучаемому нами региону, О. И. Логинов дает лишь обзорную характеристику исторических процессов, происходивших в Екатеринбургской губернии, а сама публикация является в большей степени журналистской работой, чем историческим исследованием. Кроме работ исторического характера интерес представляют юридические исследования, раскрывающие организационно-правовые основы функционирования правоохранительных органов². Данные работы дают возможность проанализировать нормативные акты, устанавливавшие систему общественных взаимоотношений в сфере охраны правопорядка, определить обязанности, права, формы и методы деятельности органов милиции.

Для изучения состояния Екатеринбургской губернии в рассматриваемый нами период важное значение имеет диссертационное исследование Е. И. Ярковой «Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие»³. Опираясь на широкий круг источников, автор рассматривает процесс становления советских и партийных органов, анализирует экономическое, социальное состояние региона и административно-

¹ Логинов О. В. История Уральской милиции. Екатеринбург: Б. И., 2002, 236 с.

² Петров А. В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в.: историко-правовое исследование: дис. ... докт. ист. наук. М., 2007, 428 с.

³ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008, 256 с.

территориальные изменения, хотя и не затрагивает историю Частей особого назначения и органов милиции.

Таким образом, принимая во внимание существенный вклад отечественных исследователей в изучение истории ЧОН и РККМ, что прежде всего относится к вопросам политико-правовых оснований деятельности этих органов, взаимодействия с административными органами, организационно-кадровой практики, борьбы с политическими противниками советской власти и обеспечения правопорядка, тем не менее нужно отметить, что деятельность ЧОН и РККМ Екатеринбургской губернии не получила освещения с акцентом на особенности региональной ситуации в изучаемый период и специфике организации и функционирования здесь советских силовых структур. Кроме того, в существующих исследованиях мало внимания уделяется т. н. личностному фактору в истории советско-партийных силовых структур.

Объектом диссертационного исследования являются партийно-советские органы Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

В качестве **предмета исследования** выступает деятельность Частей особого назначения и органов Рабоче-Крестьянской милиции Екатеринбургской губернии.

Целью настоящего исследования является изучение становления и функционирования с учетом их региональной специфики Частей особого назначения и органов Рабоче-крестьянской красной милиции Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

Указанная цель определяет ряд **задач**:

- охарактеризовать социально-экономическое состояние региона и выявить предпосылки создания ЧОН и РККМ;
- установить этапы формирования новых политико-административных органов в Екатеринбургской губернии;
- определить схемы взаимодействия ЧОН и РККМ с партийными органами и управленческими структурами;
- проанализировать кадровую политику в Частях особого назначения и РККМ;

- раскрыть структурные особенности и организационно-правовое положение изучаемых структур;
- выявить социальную значимость, задачи и функции, а также эффективность применения ЧОН и РККМ.

Хронологические рамки исследования ограничиваются временем существования Екатеринбургской губернии: июль 1919 – ноябрь 1923 гг. Начальная дата определяется началом процесса восстановления на территории губернии советских органов и формирования новых административных институтов. Конечная дата объясняется моментом изменения административно-территориальных границ и вхождением Екатеринбургской губернии в состав Уральской области.

Территориальные рамки исследования охватывают Екатеринбургскую губернию. С севера ее территория примыкала к Тюменской губернии, с юга и востока соприкасалась с территорией Челябинской губернии, с запада граничила с Пермской губернией. В разные периоды данная территория включала в себя от 6 до 10 уездов. Екатеринбургская губерния являлась не только мощным промышленным центром, но и служила связующим звеном между западными и восточными регионами советского государства.

Источниковая база исследования представлена широким кругом опубликованных источников, а также ранее не введенных в научный оборот архивных материалов. Используемые нами источники можно разделить на следующие группы:

- документы государственных и партийных органов;
- делопроизводственные документы;
- материалы личного происхождения;
- данные статистики;
- периодическая печать.

Документы государственных и партийных органов представлены в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), а также Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

В РГВА основной материал был почерпнут из фонда № 58 «Штаб ЧОН РСФСР»¹ и фонда № 65 «Главное управление Всевобуча»². Документы указанных фондов позволяют проанализировать военные аспекты деятельности ЧОН, а также оценить решения военного руководства государства. В РГАСПИ исследованы документы фонда № 17 «Политическое бюро ЦК (Политбюро)»³. В делах данного фонда были выявлены документы, касающиеся формирования и деятельности Частей особого назначения в масштабах всей республики. Большая часть документов из указанных фондов впервые вводится в научный оборот.

Отдельной группой источников являются сборники документов, содержащие декреты и постановления советской власти. Нормативные акты, затрагивающие развитие милиции и Частей особого назначения, представлены в протоколах и стенографических отчетах съездов и конференций Российской коммунистической партии⁴, а также в собраниях узаконений и распоряжений правительства за 1919, 1920, 1922, 1923 гг.⁵

Документы управленческих и партийных структур губернского уровня представлены в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО). В ГАСО исследованы дела фонда Р-511 «Отдел управления губернией Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета»⁶,

¹ РГВА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 6.

² Там же. Ф. 65. Оп. 7. Д. 55; Ф. 65. Оп. 10. Д. 1; Ф. 65. Оп. 13. Д. 9.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3; Д. 6; Д. 147; Ф. 17. Оп. 3. Д. 52; Д. 147; Д. 154; Д. 160; Д. 176; Д. 323; Д. 330; Д. 441.

⁴ Восьмой съезд ЦК РКП(б). Март 1919. Протоколы и стенографические отчеты М.: Государственное издательство политической литературы, 1959, 602 с.; Протоколы X съезда РКП(б). Ленинград: «Печатный двор», 1933, 915 с.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Издательство Управления делами Совнаркома СССР, 1943, 886 с.; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Издательство управления делами совнаркома СССР, 1943, 800 с.; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Издательство управления делами Совнаркома СССР. 1944, 1124 с.; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1923 г. М.: Издательство управления делами Совнаркома СССР, 1944, 1054 с.

⁶ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 1; Д. 87; Д. 96; Д. 134; Д. 178; Д. 179; Д. 180; Д. 182; Д. 348; Д. 350; Д. 434; Д. 437; Д. 474; Д. 475.

характеризующие процесс создания Отдела управления губернией, а также содержащие доклады о работе милиции и Уголовного розыска. Подробно проанализированы дела фонда Р-9 «Екатеринбургское губернское управление рабоче-крестьянской милиции (Губмилиция)»¹, представляющие статистически данные о численности милиционеров, характере преступлений, а также доклады начальников милиции и Уголовного розыска. Фонд Р-7 «Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов»² содержит графические данные о количестве преступлений, а также подробную внутреннюю структуру губернской милиции. В фонде Р-574³ хранятся дела Екатеринбургского военного трибунала, используя которые можно проследить, какие наказания применялись к преступникам разных категорий. В фонде Р-1155 «Штаб ЧОН Екатеринбургской губернии»⁴ содержатся дела, посвященные разным аспектам деятельности коммунистических отрядов. Однако стоит отметить, что большая часть дел фонда в настоящее время является выбывшей из архива и уничтоженной.

В фондах № 1494⁵, 41⁶, 76⁷ ЦДООСО представлены материалы о деятельности Частей особого назначения, история их формирования, а также содержится ряд иных нормативных документов.

В ГААОСО были исследованы дела трех фондов: Р-128⁸, Р-145⁹, Р-162¹⁰. Материалы указанных фондов представляют собою последовательно структурированные отчеты о деятельности региональных органов охраны

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 20; Д. 26; Д. 97; Д. 152; Д. 170; Д. 188; Д. 198; Д. 213; Д. 215; Д. 362; Д. 396; Д. 472; Д. 478; Д. 494; Д. 498; Д. 506; Д. 508; Д. 509; Д. 510.

² Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14; Д. 167.

³ Там же. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 94.

⁴ Там же. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 79; Д. 115; Д. 127; Д. 134; Д. 156.

⁵ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 42; Д. 77.

⁶ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140; Ф. 41. Оп. 2. Д. 499.

⁷ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4; Д. 42; Д. 417.

⁸ ГААОСО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 8.

⁹ Там же. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 187.

¹⁰ Там же. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 29.

правопорядка и позволяют провести анализ деятельности милиции в разных уездах Екатеринбургской губернии.

Делопроизводственные документы, отражающие деятельность ЧОН и милиции на уровне уездов и волостей, представлены в местных архивах. Так, были исследованы фонды Государственного архива в г. Ирбит¹, Государственного архива в г. Шадринск², Нижнетагильского городского исторического архива³, Филиала Государственного архива Свердловской области в г. Каменск-Уральский⁴. Параллельно с документами, имеющими прямое отношение к изучаемому вопросу, были проанализированы материалы, отражающие социально-политическое и экономическое состояние Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

Информация об экономическом и политическом состоянии изучаемой территории представлена в статистических сборниках, публиковавшихся Екатеринбургским статистическим бюро⁵.

В качестве отдельной группы источников можно выделить материалы периодической печати. Для написания работы использовались такие издания, как: «Рабоче-крестьянская милиция» (1920 г., 1923 г.), «Уральский рабочий» (1919 г., 1920 г., 1923 г.), «Известия ВЦИК» (1919 г.), «Еженедельник Советской юстиции» (1922 г.). В периодических изданиях публиковались приказы, отчеты и сводки, имеющие отношение к изучаемой нами теме.

Особенностью источниковой базы изучаемого вопроса является сравнительно малый объем воспоминаний и работ мемуарного характера⁶. Можно предположить, что это связано с тем, что Части особого назначения и органы милиции были закрытыми организациями, а личные публикации могли стать

¹ Государственный архив в г. Ирбит. Ф. 10; Ф. Р-21; Ф. Р-471.

² Государственный архив в г. Шадринск. Ф. 236; Ф. Р-236; Ф. Р-1077.

³ НТГИА. Ф. 18; Ф. 19; Ф. 99.

⁴ Государственный архив в г. Каменск-Уральский. Ф. Р-60.

⁵ Список населенных мест Екатеринбургской губернии. Екатеринбург: Издание Екатеринбургского статистического бюро, 1923, 102 с.; Статистический сборник Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург: Издание Екатеринбургского статистического бюро, 1922, 226 с.

⁶ Пруслин М. Синие шинели. Алма-Ата: Б. И., 1967, 108 с.; Соловьев И. В. Будни милиции. Л.: Лениздат, 1962, 264 с.; Туницкий А. Рассказы о милиции. М.: Молодая гвардия, 1957, 248 с.

причинами утечки нежелательной или секретной информации.

Широкий спектр изученных источников позволил проанализировать действия центрального и местного руководства, направленные на упорядочивание внутренних организационных процессов и поднятие уровня эффективности ЧОН и РККМ. Документы государственных и партийных органов, а также делопроизводственные материалы, дают возможность выявить степень выполнения распоряжений центрального аппарата на местах, определить типичные и уникальные черты управленческих решений, охарактеризовать систему взаимодействия коммунистических отрядов и органов охраны правопорядка с руководящими структурами, определить особенности кадровой политики этих структур. Обращение к материалам, содержащим персональные характеристики кадрового состава ЧОН и РККМ, позволило реконструировать обобщенный портрет сотрудников этих структур.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологическими основами работы являются такие принципы исторической науки, как принцип историзма и принцип системности. Принцип историзма дает возможность рассмотреть разрабатываемые вопросы как развивающийся процесс с изменяющимися внутренними характеристиками. Принцип системности выражен комплексным анализом внутренних и внешних процессов, оказывающих влияние на развитие изучаемого объекта.

Для работы с массивом исторических источников были применены специальные методы анализа исторических текстов. Так, информативно-целевой анализ, суть которого по определению Л. Н. Мазур состоит в «реконструкции смысловой структуры текста и соотнесении ее с замыслом автора»¹, был применен для определения степени достоверности донесений приказов и распоряжений по основной деятельности и личному составу ЧОН и РККМ.

¹ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 182.

Комплексность исследования обеспечена применением совокупности не только исторических, но и статистических методологических направлений. К числу основных общеисторических методов относятся: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы¹.

С помощью историко-генетического метода выделены периоды существования ЧОН и РККМ, а также последовательно раскрыты особенности изучаемых структур. Историко-сравнительный метод позволил соотнести ситуацию с другими регионами, выделить общие и уникальные черты. Историко-системный метод выразился в рассмотрении силовых партийных структур и органов милиции не обособленно, а в совокупности с последовательностью региональных и общегосударственных событий.

Среди статистических методов можно выделить статистический анализ, на основе которого были составлены приложения о кадрах ЧОН Екатеринбургской губернии в конце 1919 г., а также метод выборочного исследования, позволивший осуществить хронологическую выборку из массива документации о движении личного состава милиции и, как следствие, сформировать представление о типичных кадровых характеристиках.

Еще одним методом, к которому мы прибегли в рамках нашего исследования, стал просопографический анализ, предполагающий «изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических “коллективных биографий”»². Просопография была использована для обработки кадровой документации в целях создания сводных таблиц, характеризующих уровень образования, трудовой стаж, социальный статус и семейное положение сотрудников ЧОН и РККМ, что, в свою очередь, позволило сформировать обобщенный портрет руководящего состава изучаемых структур.

Научная новизна заключается в том, что диссертационная работа представляет собою первое в отечественной историографии систематическое

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Москва: Наука, 1987. С. 169.

² Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95–127.

исследование истории Частей особого назначения и органов Рабоче-крестьянской красной милиции Екатеринбургской губернии. Автор представил периодизацию существования изучаемых органов, дал характеристику организационным структурам, особенностям кадровой политики, снабжения и применения ЧОН и РККМ. В работе не только дана оценка деятельности и эффективности административно-политических органов, но и представлен анализ факторов, препятствующих развитию и модернизации ЧОН и РККМ. Исследование персональных характеристик кадрового состава губернских ЧОН и РККМ, формирование коллективного портрета руководящего состава этих органов позволило представить т. н. личностный фактор в изучении истории государственных структур. Кроме того, в научный оборот были введены ранее неизученные архивные документы.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для подготовки учебных пособий и коллективных научных трудов по отечественной истории и истории Урала XX века, а также для разработки учебных курсов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность исследования обеспечивается не только использованием широкой источниковой базы, но и применением исторических методов, соответствующих целям и задачам исследования.

Основные положения диссертационной работы были представлены на пяти конференциях регионального и общероссийского уровней. По теме исследования было опубликовано 11 статей, из которых 5 были изданы в журналах, входящих в список, рекомендованный ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

- в 1919 г. экономическое и социальное положение в Екатеринбургской губернии явилось одной из предпосылок формирования коммунистических отрядов;

- в поисках оптимальной формы организации Части особого назначения и Рабоче-крестьянская милиция постоянно реформировывались: изменялась их внутренняя структура, системы снабжения и кадрового отбора;
- главными проблемами, препятствовавшими усилению положительных тенденций в развитии и укреплении структур ЧОН и РККМ, являлись кадровый голод, низкий уровень военной подготовки, а также недостаточные объемы снабжения;
- период конца 1922–1923 гг. определен как время наибольшей потенциальной и фактической эффективности изучаемых структур; после ликвидации Екатеринбургской губернии подразделения ЧОН и РККМ стали основой для создания административно-политических структур Уральской области.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения и трех глав, содержание которых построено на сочетании хронологического и проблемного принципов, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, в которых размещены подробные статистические и биографические данные, позволяющие определить количественные характеристики изучаемых процессов и выявить сходства и различия личного состава по ряду критериев.

Глава 1. Предпосылки формирования новых политико-административных органов

1.1. Военно-политическое, экономическое и социальное состояние Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

Первые декреты большевистской власти, наряду с комплексом общественно-политических изменений, провозглашали принципиальную перестройку дореволюционных административно-территориальных границ. 24 декабря 1917 г¹. Народным комиссариатом юстиции РСФСР было издано обращение «Об организации местного самоуправления». Документ определял необходимость формирования новых административно-территориальных единиц с центрами в крупных промышленных городах. Главной причиной изменения административных центров являлось наличие в промышленных городах большого количества политически активного рабочего класса и, как следствие, более деятельных и устойчивых Советов. Официально решение о разделении Пермской губернии на два округа было вынесено на Пермском губернском съезде крестьянских и рабочих депутатов в апреле 1918г². В качестве причин разделения указывалась невозможность оперативного руководства крупной Пермской губернией, а также явное выделение Екатеринбурга в качестве «столицы Урала»³.

События Гражданской войны отодвинули сроки реализации административно-территориальной реформы, и официально Екатеринбургская губерния была образована только 15 июля 1919 г⁴.

¹ Какой должна быть революционная власть // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 4. – С. 2.

² Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: 2008. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же.

К концу августа 1919 г. практически вся территория Урала была занята частями Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Для восстановления органов власти в масштабах губернии и на местах был внедрен институт Военно-революционных комитетов (Ревкомов). Первоначально Ревкомы организовывались политическим руководством воинских частей, а для работы в них назначались лица из состава РККА, обладавшие высоким уровнем политической грамотности. Революционные комитеты рассматривались в качестве чрезвычайных органов управления, целью которых являлась организация всех сфер жизни населения до передачи власти Советам.

Предполагалось, что Советы на местах будут организованы в двух-трехнедельный срок. Однако социально-экономическое положение губернии приводило к тому, что для их организации не хватало административного ресурса и руководящих кадров. Спустя две-три недели функционирования представители военных ревкомов возвращались в свои части и передавали власть Ревкомам, созданным из местных коммунистов¹. Чрезвычайные органы работали, опираясь на инструкции, написанные армейским руководством, либо партийными функционерами на местах. Единая схема управления отсутствовала, и часто решения принимались местными Ревкомами по собственному усмотрению.

14 июля 1919 г. в Екатеринбурге был сформирован губернский Ревком и состоялось первое его заседание. Первоначально председателем Ревкома был назначен Л. Милх, который в конце июля был заменен Л. С. Сосновским. На втором заседании губернского Революционного комитета, которое состоялось 31 июля 1919 г. помимо председателя присутствовали члены ревкома: П. М. Быков и С. А. Новоселов². На заседаниях обсуждались вопросы о формировании уездных органов управления, а также определялись пути улучшения продовольственного снабжения армии и населения³. Вслед за созданием губернского Ревкома, чрезвычайные органы власти довольно быстро сформировались в промышленных городах с

¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 417. Л. 40.

² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.

³ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 41

преобладанием рабочего населения. В сельской местности формирование революционных комитетов тормозилось общим «неопределенным и выжидательным» настроением¹. При политических отделах армий и дивизий были созданы крестьянские секции, в которые назначались инструкторы. В задачи инструкторов входил выезд в волостные центры и организация местных Ревкомов совместно с политически активным населением². Как правило, уездные и волостные Ревкомы состояли из двух-трех человек.

Первым документом, регулирующим деятельность чрезвычайных органов управления в масштабах всего государства явилось «Положение о Революционных комитетах», принятое 24 октября 1919 г.³ Согласно документа, Ревкомы должны были заниматься борьбой с бандитизмом и контрреволюцией, восстановлением промышленности, обеспечением армии и населения продовольствием, организацией культурно-массовых мероприятий⁴. К концу осени 1919 г. переход от системы Ревкомов к Советам был практически завершен⁵, и данная инструкция для территории Екатеринбургской губернии оказалась малоприменимой.

Вместе с организацией Ревкомов формировались и органы партийного управления. В июле 1919 г. было создано организационное партийное бюро, главными задачами которого являлось решение вопросов, связанных с действием уже сформированных партийных органов, а также создание новых партийных структур в уездах⁶.

На уровне губернии высшим политическим органом являлся Губернский комитет РКП(б) в подчинении которого находились уездные и волостные комитеты. Решения партии на уездном уровне обсуждались на уездной конференции РКП(б), между конференциями партийное управление осуществлялось уездными комитетами. Минимальной единицей в партийной

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 64.

³ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного комитета. 1919. 26 окт.

⁴ Там же.

⁵ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 70.

⁶ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

структуре Екатеринбургской губернии являлась ячейка, которая находилась в непосредственном подчинении волостной конференции и волостного комитета РКП(б). 13–15 октября 1919 г. прошла Первая Екатеринбургская конференция РКП(б). Постановлением конференции на должность ответственного секретаря Екатеринбургского губернского комитета РКП(б) был назначен Н. И. Уфимцев¹.

Главной проблемой партийных организаций являлся острый недостаток опытных кадров и постоянные мобилизации личного состава в Красную Армию. Так, в октябре – ноябре 1919 г. в армию было мобилизовано около трех тысяч коммунистов Екатеринбургской губернии². Примечательным является то, что оперативный контроль за организацией губернского партийного аппарата осуществляли сотрудники Уголовного розыска³. Партийные органы наравне с Ревкомом и Советами являлись центром власти, контролировавшим часть общегубернских вопросов.

31 июля 1919 г. согласно распоряжению Военно-революционного комитета Екатеринбургской губернии, был сформирован отдел управления губернского военно-революционного комитета (отдел управления). В задачи новой структуры входило оперативное решение административно-хозяйственных вопросов, а также охрана общественного порядка. Заведующим отделом был назначен П. И. Студинов. Главными проблемами при формировании отдела управления являлись отсутствие опытных руководящих кадров и материальной базы. В своем докладе о начальном этапе деятельности отдела управления П. И. Студинов отмечал: «Особенно не хватало кадров. Приходилось выполнять роль как сторожа и рассыльного, так и заведующего отделом. Просьбы о назначении ответственных лиц на должности в подотделах милиции и Уголовного розыска никак не удовлетворялись. Отдел не справлялся со своей работой»⁴.

¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

² Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 116.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 1.

8 августа 1919 г. отдел управления был разбит на шесть отделов: информационный, инструкторский, статистический, отдел общей и железнодорожной милиции, отдел Уголовного розыска. К началу августа отделом управления были выпущены инструкции по организации Советов и бюро Уголовного розыска¹. Согласно инструкции по организации, выборы в местные представительные органы должны были организовываться Ревкомками разных уровней. Первоначально планировалось провести выборы в сельские Советы. Представители сельских Советов на Волостном съезде выбирали Исполнительный комитет, который и являлся высшим исполнительным органом власти на уровне волостей. Уездный Исполком избирался на уездном съезде советов и руководил делами уездного города и самого уезда. В случаях, когда население уездного города превышало 75 000 человек, параллельно могли избираться уездный и городской Исполкомы. Городские и уездные Исполкомы находились в непосредственном подчинении губернского Исполкома². Члены сельских и городских Советов, а также исполкомы разных уровней переизбирались каждые три месяца. Тяжелая экономическая ситуация стала причиной увеличения количества должностных и финансовых преступлений среди сотрудников советского аппарата, что значительно снизило эффективность работы.

В различных районах наблюдались неоднородные темпы организации и показатели эффективности работы Советов. Например, к 30 августа 1919 г. Алапаевский исполком активно работал и на своих заседаниях рассматривал вопросы продовольственной политики, а в конце ноября того же года Красноуфимские партийные и советские организации работали неудовлетворительно, или все еще находились в стадии формирования³. Председатель Губернской ЧК А. Г. Тунгусков в своих отчетах указывал: «Работа Советов в волостях непродуктивна т.к. члены на местах малограмотны. Ощущается недостаток в инструкциях. В заводских и уездных Советах дела обстоят лучше, но

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

² ЦДОСО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

³ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 63.

также ощущается недостаток в ответственных партийных работниках. Местами в Советы проникли кулаки, там царит произвол и назначения»¹.

16-19 октября в Екатеринбурге проходил первый губернский съезд Советов. На съезде присутствовало 175 делегатов, из которых 97% были коммунистами и лишь 3% беспартийными. При этом почти половина делегатов предшествующих уездных съездов была беспартийной². По результатам съезда председателем губернского Исполнительного комитета был назначен С. А. Новоселов, до этого занимавший пост председателя губернского Ревкома³. Первый губернский съезд Советов можно считать рубежом перехода от системы Ревкомов к системе представительной власти, однако по причине медленного формирования советских органов в уездах, полная ликвидация Революционных комитетов произошла лишь к середине 1920 г.

Революционные комитеты Екатеринбургской губернии являлись временными чрезвычайными органами. В основном их деятельность была направлена на организацию военного порядка, мобилизацию сил и подготовку к выборам в Советы. В целом, Ревкомы, состоящие из гражданских или военных лиц, были связующим звеном между армией и населением губернии, а их деятельность сводилась к мобилизационным и организационным мерам. Временные органы власти выполняли широкий спектр задач, начинавшийся с мелких бытовых вопросов и оканчивавшийся призывом в Красную армию и борьбой с контрреволюцией.

Работа Советов и функционирование партийных структур в 1919–1921 гг. была малоэффективна. Наряду с нехваткой опытных управленцев главной проблемой являлось полное отсутствие нормативной базы и низкий уровень материального обеспечения. На этот период приходится увеличение масштабов применения чрезвычайных и карательных методов управления. В 1922–1923 гг. произошло осознание неэффективности власти, этот период характеризуется

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

³ Там же. Л. 6.

отходом от политики чрезвычайных структур и поиском иных принципов территориального деления.

Географически Екатеринбургская губерния располагалась по обоим склонам центральной части Уральского хребта. Большая часть губернии находилась на восточном (азиатском) склоне, часть западного склона занимал только Красноуфимский уезд. Площадь губернии на 1920 г. составляла 146 378,83 кв. км¹. Губерния была вытянута с севера на юг, причем южная часть была шире северной. Территория Екатеринбургской губернии граничила с уездами Пермской, Челябинской и Тюменской губерний.

Первоначально регион делился на 6 уездов, включавших 400 волостей, 1660 селений с общим населением 2 127 369 человек². В губернию входили следующие уезды: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Красноуфимский. Неравномерность территориальных единиц, а также производственное тяготение одних районов к другим вызвали необходимость выделения новых административных подразделений. Второй съезд Советов постановил поручить губернскому Отделу управления срочно разработать план новых уездных и волостных объединений. В 1920 г. было выделено 3 новых уезда: Алапаевский, Надеждинский и Нижне-Тагильский, а в 1921 г. Каменская волость преобразована в Каменский уезд. В 1922 г. все уезды, дополнительно выделенные в 1920–1921 гг., были упразднены за исключением Нижне-Тагильского. На всем протяжении существования губернии происходил процесс укрупнения волостей и присоединения отдельных населенных пунктов из состава соседних губерний. К 1923 г. Екатеринбургская губерния объединяла 3771 сельское поселение, 13 городов и 72 поселка городского типа³.

По данным переписи 1920 г. 72,5% населения проживало в сельской местности и лишь 27,5% в городах. Примечательным является то, что к 1924 г. доля

¹ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург: Издание Екатеринбургского статистического бюро, 1922. С. 1.

² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

³ Сулькевич С. И. Административно-политическое строение Союза ССР (материалы о территориальных преобразованиях с 1917 по 1 июля 1925). Ленинград: Б. И., 1924. С. 47.

сельских жителей увеличилась на 4,89%. Это было связано с тяжелой продовольственной ситуацией, вынуждавшей людей в поисках пропитания уезжать в деревню. Самым густонаселенным являлся Екатеринбургский уезд с населением 584 628 человек. Самым малонаселенным – Верхотурский уезд, численность жителей которого по данным переписи 1920 г. составляла 126 429 человек¹.

Основными занятиями населения являлась работа в горнодобывающей промышленности, заводском производстве и сельском хозяйстве. Обстоятельства Гражданской войны значительно повлияли на производственные возможности региона. В отчете о экономическо-хозяйственном состоянии фабрик и заводов за период с 16 по 22 октября 1919 г. председатель Губчека А. Г. Тунгусков отмечал: «В некоторых районах производительность труда ниже 1918 г., но поднять ее трудно из-за недостатка рабочих рук, а главное из-за отсутствия специалистов»². Еще одной проблемой, негативно влияющей на эффективность производств, являлось отсутствие добытых и подготовленных к использованию ресурсов. Трудности с транспортом, а также несформированный управленческий аппарат привел к тому, что производство руд и древесного угля снизилось в 6-10 раз от дореволюционного³. К 1920 г. в губернии числилось 10 127 промышленных предприятий, из которых функционировало лишь 8 761. Многие предприятия работали на 10–15% от максимальной мощности⁴. Основное количество производственных организаций горнозаводской и горной промышленности было сконцентрировано в Екатеринбургском и Нижне-Тагильском уездах.

Сельскохозяйственными районами производства являлись Красноуфимский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский уезды, остальные территории либо производили незначительное количество продукции, либо являлись регионами потребления⁵. В 1919–1920 гг. из-за засухи, саранчи и сильных градов наблюдалось резкое сокращение посевных площадей и падение урожайности

¹ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. ... С. 20.

² ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. ... С. 27.

⁵ Там же.

сельскохозяйственных культур¹. И. В Нарский в своей работе «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг.» образно отмечал: «гражданская война оказалась для уральской деревни одним из самых крутых трамплинов в пропасть»². В сравнении с 1917 г. в 1919 г. посевная площадь на Урале сократилась на 19%, поголовье лошадей на 16%, крупного рогатого скота на 25%³.

В комплексе с агрессивной продовольственной политикой новой власти снижение урожайности вызвало массовый голод, охвативший территорию всего Урала. Только в 1921 г. жертвами голода 91 000 человек, а в 1922 г. голодало больше половины населения Екатеринбургской губернии⁴. Доведенные до отчаяния люди употребляли в пищу траву, кору деревьев, было зафиксировано несколько случаев людоедства. Так, «житель Карабашского завода Кыштымского уезда Власова Ирина, будучи вдовой и имея троих несовершеннолетних детей находилась в крайне бедственном положении. Потеряв 9-летнюю дочь Зою, умершую от истощения, Власова решила на крайнее средство: накормить плачущих от голода детей трупом умершей дочери»⁵.

Серьезной проблемой экономики РСФСР и, в частности Екатеринбургской губернии, являлся неконтролируемый рост инфляции. Снижение темпа промышленного производства привело к увеличению масштабов безработицы, а рост цен на товары первой необходимости происходил параллельно с возникновением недостатка денежных знаков. Государство пыталось выйти из кризиса путем эмиссии. Однако внедрение в экономику дополнительных денежных масс, вело к неизбежному росту цен. События, происходившие с экономикой РСФСР, по масштабам отрицательных тенденций можно сравнить с гиперинфляцией в Германии в 1919–1923 гг. Только в течение 1919 г. объем денежной массы увеличился в 3,6 раза, а цены на товары первой необходимости и

¹ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 81.

² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Росспэн, 2001. С. 102.

³ Там же. С. 102.

⁴ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. ... С. 37.

⁵ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

продукты питания выросли в 7-10 раз¹. Темпы роста цен значительно опережали рост заработной платы. По этой причине денежные оклады часто выплачивались в натуральной форме, причем в отдельных районах процент натуральных расчетов составлял 95% от всех выплат². Рост инфляции и падение уровня жизни населения вызвали необычайное распространение продовольственных спекуляций (т.н. «мешочничества»).

Период 1919–1922 гг. также связан с увеличением числа эпидемиологических заболеваний. Отсутствие должного контроля за системами водоснабжения и канализации, загрязнение источников забора пищевой воды, ухудшение питания и снабжения предметами первой необходимости, жилищное уплотнение и внутренние миграции вызвали резкий скачок заболеваемости возвратным и сыпным тифом. Так, в 1921 г. возвратным и сыпным тифом болело соответственно 362 и 311 человек на каждые десять тысяч жителей³. За 1921 г. смертность достигла 0,46 % от всего населения губернии⁴.

Тяжелый экономический кризис, сопровождавшийся крайним недостатком продуктов питания и высоким уровнем смертности от эпидемиологических заболеваний, негативно сказывались на социально-политическом состоянии губернии. Территорию Урала захлестнула волна антиправительственных выступлений, дезертирства и преступности.

Главной причиной продовольственных проблем население губернии считало политику продразвёрстки. Недовольное крестьянство в некоторых районах открыто выступало против реквизиционной политики. В сводке о политическом состоянии губернии с 9-го по 15-е октября 1919 г. отмечалось: «крестьянство недовольно производимым учетом хлеба и в некоторых местах даже оказывает сопротивление агентам уездпродкома»⁵. В июле 1920 г. в Шадринском уезде на почве продразверстки был убит начальник продовольственного отряда и три

¹ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

² Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М.: Издат, 1999. С. 158.

³ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. ... С. 42.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

рядовых сотрудника¹. Летом 1920 г. антисоветские настроения, подогреваемые продовольственным дефицитом, выразились в ряде протестных акций. Например, в начале июня 1920 г. в Режевском заводе появились листовки с надписями: «Долой Советскую власть! Да здравствует Учредительное собрание»². Осенью 1920 г. в Красноуфимском уезде вспыхнуло крестьянское восстание, охватившее 6 волостей. Главной причиной восстания являлось недовольство крестьян проводимой продовольственной политикой. Чрезвычайным советским органом удалось подавить восстание лишь к декабрю 1920 г.³. В 1920–1922 гг. восстания происходили в Шадринском и Камышловском уездах.

Социально-бытовые проблемы явились причинами военного дезертирства. Всего за период Гражданской войны на всех фронтах насчитывалось 2 846 тыс. дезертиров⁴. Достаточное количество дезертиров было и в Екатеринбургской губернии. Часть дезертиров оставались в своих домах, другие уходили в леса, где собирались в отряды. Организованные группы дезертиров осуществляли нападения на склады и торговые лавки, при этом захватывали продукты, теплую одежду, а иногда и вооружение. Задержанных дезертиров сотрудники чрезвычайных органов передавали в Екатеринбургский революционный трибунал. Наказывали дезертиров по-разному, но чаще всего отправляли в штрафные части на срок от полугода⁵.

29 января 1920 г. Советом народных комиссаров был принят декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности»⁶, который официально закрепил ряд законодательных актов, формализовавших трудовые отношения государства и гражданина. В соответствии с декретом население могло периодически привлекаться к выполнению трудовых повинностей, оговаривалось применение армейских подразделений в качестве рабочей силы. Отрыв населения от основной

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 170. Л. 6.

³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 728. Л. 136.

⁴ Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: Олма-пресс, 2001. С. 41.

⁵ ГАСО. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Издательство управления делами совнаркома СССР, 1943. С. 140.

работы и хозяйственных занятий, низкий уровень санитарно-бытовых условий и тяжелое состояние экономики стали причинами массового отказа от выполнения трудовых повинностей. Возникло понятие «трудовое дезертирство». К трудовым дезертирам власти относили лиц, уклонявшихся от учета, работников, скрывавших свою специальность, сотрудников, не явившихся на работу без уважительных причин, а также уволенных с места службы лиц, не явившихся в подотделы учета¹.

Борьба с дезертирством в масштабах всего государства была возложена на Центральную комиссию по борьбе с трудовым дезертирством при Народном Комиссариате труда. На уровне губерний и уездов были сформированы самостоятельные Комиссии по борьбе с трудовым дезертирством. Комиссии, получающие информацию о самовольном оставлении рабочего места должны были «принимать меры к розыску дезертира, а в случае ненахождения его наводить справки путем опроса семьи и всякими другими способами о том, где находится и работает разыскиваемый»². Для физического задержания трудовых дезертиров привлекались органы Рабоче-крестьянской красной милиции, Части особого назначения, в редких случаях – армейские подразделения.

Наравне с увеличением дезертирства значительно поднялся уровень уголовной преступности. На территории губернии действовали организованные банды, которые наряду с целями материальной наживы боролись за смену политической власти. Часто в документах разделение между дезертирами, политическими противниками новой власти и организованными криминальными группами отсутствовало. В отчетах по линии милиции и ЧОН все преступные группы нередко объединены под общим названием «дезертиры». Самыми распространёнными являлись преступления, связанные с присвоением чужого имущества, кражами, спекуляцией и мародерством. В 1920 г. такие правонарушения составляли 41% от всех преступлений в Екатеринбургской губернии³.

¹ Борьба с трудовым дезертирством. М.: Издание Главного Комитета по Всеобщей трудовой повинности, 1920. С. 3.

² Там же. С. 12.

³ ГАСО. Ф. Р-7. Оп.1. Д. 178. Л. 2.

1.2. Опыт создания карательных структур и органов правопорядка на территории Екатеринбургской губернии в 1917–1919 гг.

Первые милиционные подразделения начали появляться после революционных событий февраля 1917 г. Полиция Российской империи рассматривалась революционным обществом как пережиток старого режима и подлежала роспуску. Уничтожение полицейской системы привело к критическому увеличению числа преступлений и показало, что обойтись без структур охраны правопорядка невозможно. Уже 11 марта 1917 г. постановлением Временного правительства была учреждена милиция, которая строилась на демократических принципах, популярных в новом обществе. Начальники милиции выбирались городскими и уездными управами, а требования к рядовым сотрудникам значительно смягчились. Милиция испытывала острую нехватку инструкций, не существовало утвержденных штатных структур, а все административные задачи по охране общественного правопорядка выполняли управы разных уровней.

В Екатеринбургском уезде Пермской губернии милиция была сформирована по инициативе Екатеринбургского Комитета общественной безопасности 3 марта 1917 г. Начальником милиции был назначен И. З. Дедулин, его заместителем Н. А. Лебединский¹. В апреле 1917 г. Екатеринбургский Совет рекомендовал Комитету общественной безопасности инициировать чистку с целью изъятия из рядов милиции бывших полицейских и жандармов². С увольнением опытных кадров милиция стала менее эффективной, а низкий уровень заработных плат привел к острой нехватке строевых милиционеров. Службу несли малограмотные

¹ Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. Свердловск: Уральское областное книжное издательство, 1933. С. 6.

² Константинов С. И. Властные и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. // Российский юридический журнал. 2006. – № 3. – С. 64.

сотрудники, среди которых отмечался большой процент бывших уголовников¹. Екатеринбург и окрестности захлестнула волна преступности, с которой органы правопорядка были не в состоянии справиться.

Параллельно с формированием органов милиции происходило создание вооруженных рабочих отрядов – Красной гвардии. Началом создания Красной гвардии послужила резолюция ЦК РСДРП (б), принятая 22 марта 1917 г. В резолюции говорилось о том, что ближайшей задачей Советов партия считает всеобщее вооружение народа и в частности создание Красной гвардии². Инициаторами формирования красногвардейских отрядов являлись большевистские и эсеровские комитеты. Красная гвардия начала формироваться в крупных промышленных центрах в конце марта – начале апреля 1917 г. Центрами создания отрядов были заводы, однако в некоторых городах они формировались по районному принципу. На предприятиях создавались «тройки» из политически активных рабочих, которые и занимались организационной работой и поиском надежных бойцов. Главным постулатом создания Красной гвардии являлся классовый признак, позволивший создать относительно однородный состав отрядов. На первоначальном этапе Красная гвардия преследовала цели охраны общественной безопасности на заводах и в заводских районах. Красногвардейские отряды являлись добровольными органами охраны общественного порядка и использовались параллельно с малоэффективными милицейскими подразделениями.

Напряженная политическая ситуация лета – осени 1917 г. привела к тому, что большевики превратили Красную гвардию в решающий инструмент борьбы за власть. Первоначально отряды Красной гвардии появились в Петрограде и Москве. Так, в Петрограде уже в апреле 1917 г. Красная гвардия насчитывала более 2 тыс. бойцов³. На Урале отряды Красной гвардии появились при комитетах общественной безопасности весной 1917 г. Красная гвардия содержалась на

¹ Аничков В. П. Екатеринбург-Владивосток 1917-1922 гг. М.: Русский путь, 1998. С. 54.

² Гапоненко Л. С. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 106.

³ Конев А. М. Красная Гвардия на защите Октября. М.: Наука, 1989. С. 20

средства собственников промышленных предприятий и в целом выполняла задачи по охране фабрик и заводов. Вместе со свертыванием деятельности в конце мая 1917 г. Екатеринбургского комитета общественной безопасности Красная гвардия фактически взяла на себя выполнение милицейских функций¹.

После июльских событий 1917 г. Красная гвардия, подчинявшаяся большевикам², получила статус незаконной организации и подлежала расформированию, однако уже в сентябре отряды вновь начали формироваться. Во время октябрьских событий 1917 г. в центральных районах Красная гвардия стала основной боевой силой большевиков. Например, отряды Красной гвардии Москвы активно использовались во время боев за Кремль.

Смена власти в Екатеринбургском уезде прошла относительно мирно, а отряды Красной гвардии использовались лишь в качестве сдерживающего фактора. В октябре 1917 г. организатором Красной Гвардии в Екатеринбурге назначен П. А. Хохряков³. При каждом крупном промышленном предприятии были организованы свои красногвардейские подразделения. Так были сформированы отряды Монетного двора, станции Екатеринбург-I и Верх-Исетского завода⁴. Вступление в Красную гвардию обеспечивало не только лояльность властей, но и приносило доход. Так, начальник дружины получал месячный оклад в размере до 300 рублей, военный инструктор - 270 рублей, а рядовой 250 рублей⁵.

Самым крупным соединением Красной гвардии считалась дружина, которая делилась на сотни и отделения, состоящие из 25-30 человек. Подготовка красногвардейцев велась «без отрыва от производства», не существовало единой униформы и вооружения⁶. В январе 1918 г. все отряды для облегчения управления были сведены в Уральский областной Красногвардейский корпус, а в феврале был

¹ Константинов С. И. Властные и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. ... С. 65.

² Цыпкин Г.А. Красная Гвардия в борьбе за власть Советов. М.: Наука, 1967. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Жук Ю. А. Цареубийца. Маузер Ермакова. М.: Аст, 2014. С. 195

⁵ Абрамовский А. П., Морозов Е. Г. Особенности формирования Красной гвардии в 1917–1918 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. № 2. 1992. С. 26

⁶ Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале ... С. 18.

принят устав Красной гвардии¹. В марте 1918 г. Красная гвардия была переформирована в резерв Красной армии, а к осени того же года полностью перестала существовать.

Переход власти к большевикам инициировал не только изменение функций, выполняемых отрядами Красной гвардии, но и стал причиной перестройки системы охраны правопорядка. 28 октября (10 ноября) 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел Российской Советской Республики издал постановление, положившее начало созданию новой милиции. В постановлении говорилось:

«1. Все Советы учреждают Рабоче-крестьянскую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием.

4. Настоящий закон вводится в действие по телеграфу»².

Замена милиции Временного правительства новым органом охраны правопорядка была необходима по причине неприятия ощутимым количеством милиционеров октябрьского переворота и власти, установленной большевиками. Советское правительство стремилось минимизировать возможность появления вооруженных оппозиционных групп, в которые могли превратиться подразделения милиции Временного правительства. В постановлении о создании рабочей милиции не оговаривались формы организации органов охраны правопорядка, их правовой статус, методы применения и схема взаимодействия с государственными структурами.

¹ Молодцыгин М. А. Красная гвардия на Урале. Календарь-справочник. Свердловская область. 1968. Свердловск: СКИ, 1968. С. 24.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 1. М.: Издательство Управления делами Совнаркома, 1942. С.15

Уже к весне 1918 г. кадровая политика, основанная на добровольном привлечении сотрудников, явно показала свою несостоятельность. 10 мая 1918 г. на заседании Коллегии НКВД РСФСР было принято решение о создании штатной милиции, а 5 июня был опубликован проект положения о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции)¹. В мае 1918 г. в Екатеринбурге проходил съезд комиссаров управления, на котором была принята инструкция по формированию дружин. В инструкции оговаривалось, что дружины обязаны выполнять функции прежней милиции². Однако воспользоваться инструкцией местным органам управления так и не пришлось. В июле 1918 г. Екатеринбург и все прилегающие территории были заняты отрядами Чехословацкого корпуса и частями Сибирской армии, а советские структуры были уничтожены. Формирование Рабоче-крестьянской милиции на территории губернии началось лишь летом 1919 г. после повторной установки советской власти в регионе.

Помимо органов охраны правопорядка на территории Екатеринбургского уезда действовала Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. ЧК была создана при Совете народных комиссаров 7(20) декабря 1917 г.³ Основными задачами комиссии определялись:

- «1. Преследование и ликвидация контрреволюционных и саботажных действий по всей России, со стороны кого бы они не исходили.
2. Предание суду Рев. Трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними»⁴.

Первоначально Комиссия разделялась на три подотдела: информационный, организационный и филиальный. Информационный отдел отвечал за подготовку инструкций и документальной основы деятельности ЧК, организационный занимался борьбой с контрреволюцией по всей России, а филиальный отдел занимался созданием сети ЧК в губерниях и уездах. Первая Чрезвычайная

¹ Зайцев В. П. Туков В.В. 90 лет на страже правопорядка (Хронологический справочник по истории органов внутренних дел России и Кубани 1917–2017 г.). Краснодар: ЭДВИ, 2008. С. 15

² Логинов О. И. История уральской милиции. Екатеринбург: Б. И., 2002. С. 34.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 2. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 4.

комиссия на Урале была создана 24 февраля 1918 г. в г. Екатеринбург. Председателем Екатеринбургской ЧК был назначен М. И. Ефремов¹. Комиссия была сформирована при Уральском областном Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и включала в себя организационный, информационный подотделы и отдел по борьбе со спекуляцией. В мае 1918 г. Екатеринбургская ЧК переименована в Уральскую областную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Что примечательно, Уральская областная ЧК занималась борьбой с контрреволюцией не только на территории Екатеринбургского уезда, но и в границах всех уездов Пермской, Челябинской, Уфимской и Вятской губерний. К весне 1918 г. во всех крупных городах Екатеринбургского уезда были сформированы собственные Чрезвычайные комиссии. ЧК занималась расследованием контрреволюционных преступлений, а также контролем за политическим состоянием территорий. К июню 1918 г. Екатеринбургская ЧК не была до конца сформирована, и, как следствие, не могла выполнять все возложенные на нее задачи.

В качестве предпосылок создания новых политико-административных органов Екатеринбургской губернии возможно выделить целый комплекс нерешенных проблем.

В 1919–1923 гг. Екатеринбургская губерния представляла собою обширную территорию, административно-территориальные границы которой постоянно менялись, пересматривалось количество уездов, структура волостного и сельского подчинения. Сравнительно большая площадь, а также постоянные административно-территориальные изменения отрицательно сказывались на эффективности управления и оперативном контроле.

Губерния находилась в состоянии глубокого производственно-экономического кризиса. Высокий уровень инфляции приводил к неравномерному росту цен и заработной платы. Государство пыталось восстановить экономику путем эмиссии, которая приводила к еще большим масштабам инфляции. Часть

¹ Козиненко Б. Н. Управление ФСБ России по Свердловской области 1918-2003. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 15.

промышленных предприятий не работала из-за недостатка сырья и нехватки опытных кадров, а эффективность производства на функционировавших заводах была крайне низкой. Кризис сельскохозяйственного производства явился одной из причин массового голода населения Екатеринбургской губернии, который в комплексе с рядом эпидемических заболеваний привел к необычайно высокой смертности.

Социально-политическая обстановка в губернии оставалась неблагоприятной на протяжении всего периода ее существования. Продовольственная политика государства вызвала недовольство крестьянства, которое в некоторых районах оказывало сопротивление продотрядам. Небывалых размахов достигло военное и трудовое дезертирство, уголовная и финансовая преступность.

Изменения в экономической, политической и социальной жизни общества в конечном счете привели к резкому снижению уровня жизни населения и, как следствие, к усилению антиправительственных настроений. Новая власть развивала систему политических, административных и карательных органов, способных силовыми методами удержать ее политическое лидерство.

В первые месяцы советской власти на территории будущей Екатеринбургской губернии были созданы структуры охраны общественного порядка и карательные органы. Отсутствие достаточного количества инструкций и документов, формализующих действия подобных структур, а также отказ от привлечения опытных специалистов, не подходящих под теорию классового отбора, привели к отсутствию единообразной системы формирования и дефициту профессиональных кадров. Инструкции по созданию силовых органов в достаточном количестве появились к лету 1918 г., однако именно в это время на территории Екатеринбургской губернии началась активная фаза Гражданской войны и установилась антибольшевистская власть. Все структуры Советской власти прекратили свое существование и вновь начали формироваться лишь летом 1919 г. Опыт создания и применения карательных и милиционных органов, накопленный в 1918 г., не отвечал политическим, социальным и экономическим

особенностям региона. Создание политико-административных органов губернии было решено начать с нуля, меняя курс в соответствии с реалиями 1919 г.

Глава 2. Части особого назначения как военизированные партийные органы

2.1. Начальный этап формирования Частей особого назначения Екатеринбургской губернии.

Идея вооружения граждан, выполнявших комплекс функций по охране общественной безопасности и политическому регулированию без отрыва от основной деятельности, стала главенствующей в большевистской теории военно-политического развития. Например, В. И. Ленин в труде «Государство и революция»¹, основываясь на классической марксистской теории, выражал мысль о всеобщем вооружении народа для замены армии и полиции. Опыт создания органов правопорядка в 1918 г. показал, что отсутствие штатной основы, а также отбор кадров по классовому признаку ведут к снижению эффективности и боевой ценности подразделений. Процесс реорганизации Красной гвардии и создания Красной армии привел весной 1918 г. к значительному ухудшению военно-политической обстановки. Местные партийные организации представляли собою полностью лояльную в политическом смысле прослойку, которая при определенном боевом опыте смогла превратиться в орудие удержания власти.

Партийные отряды на Урале начали создаваться в ноябре 1918 г. однако они представляли собою стихийные формирования. Так, в соответствии с письмом пермского ЦК всем членам партии надлежало «вооружиться и бороться с контрреволюцией». За отказ от вооруженной борьбы следовало наказание в виде исключения из партии². Партийные отряды 1918 г. в полном составе вливались в ряды Красной армии и не являлись обособленными подразделениями.

О необходимости централизованного создания военизированных милиционных частей впервые было заявлено во время VII съезда РКП(б),

¹ Ленин В. И. Государство и революция. СПб.: Из-во Лендад, 2015. С. 36.

² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42.

проходившего 18–23 марта 1919 г.¹ В одном из тезисов, прозвучавших на съезде, говорилось о том, что обучение представителей сочувствующих классов должно проводиться без отрыва от основных занятий, а подготовленные группы планировалось использовать в качестве милиционного дополнения Красной Армии². Первым документом, официально объявившем о необходимости формирования отрядов особого назначения, являлась изданная марте 1919 г. директива ЦК РКП(б)³. В директиве была обозначена необходимость вооружения коммунистов и обучения их военному делу.

17 апреля 1919 г. Центральным комитетом партии было принято постановление о формировании Частей особого назначения, которое стало отправной точкой в создании обособленных подразделений при местных партийных структурах. Данный нормативный акт не предусматривал наличия единых требований, а вся полнота принятия решений по вопросам организации и применения отрядов особого назначения принадлежала местным партийным органам.

Первые коммунистические отряды возникли в крупных политических и промышленных центрах: в Москве, Петрограде, Самаре. Стоит отметить, что процесс создания отрядов особого назначения не был официально закреплен и осуществлялся местными органами советской власти по своему усмотрению.

В целях упорядочивания процессов формирования коммунистических частей 14 мая 1919 г. ЦК РКП(б) была утверждена «Инструкция по формированию отрядов ОСНАЗ». В документе были перечислены действия местных партийных структур, которые было необходимо осуществить для создания отрядов⁴. 20 июля 1919 г. инструкция была переработана с учетом получения первоначального опыта⁵. Новая редакция предполагала возможность сведения коммунистов в

¹ Восьмой съезд ЦК РКП(б). Март 1919. Протоколы и стенографические отчеты. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 145.

² Там же. С. 156.

³ Кротов В. Л. Чошовцы ... 1974. С. 46.

⁴ Лошманова О. А. Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 3.

⁵ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

батальоны, роты и отделения, а также определяла основные функции Частей особого назначения, в которые входили: охрана важных объектов, борьба с проявлениями контрреволюции, участие в боевых действиях в составе частей Красной Армии.

Документ закреплял структуру подчинения коммунистических отрядов. Высшим руководящим органом коммунистических отрядов являлся Центральный комитет РКП(б). Оперативные вопросы, связанные с общим руководством Частями особого назначения, осуществляло Организационное бюро, тогда как на местах формирование и тактическое применение коммунистических частей принадлежало губернским и уездным комитетам. Стоит отметить, что юридически Части особого назначения на первоначальном этапе являлись своеобразной «общественной организацией». Схема подчинения отрядов особого назначения в первоначальный период их существования представлена в приложении А.

Появление инструкций форсировало создание отрядов и к середине лета подобные боевые подразделения были сформированы в 33 губерниях¹. С. Ф. Найда оценивал численность личного состава Отрядов особого назначения по всем губерниям в 30,5 тысяч человек (по состоянию на декабрь 1919 г.)².

В связи с тем, что после занятия войсками Красной Армии территории Екатеринбургской губернии был запущен процесс создания административно-политических структур, Части особого назначения в губернии начали формироваться в конце осени 1919 г.

21 октября 1919 г. согласно мандата № 641 губернского организационного бюро РКП(б)³ началось формирование Екатеринбургского отряда особого назначения. Ответственным организатором был назначен А. И. Парамонов⁴. Анатолий Иванович Парамонов родился 30 января 1891 г. в Березовском заводе Пермской губернии. С 1904 г. он принимал активное участие в политической

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 10. Д. 1. Л. 62.

² Найда С. Ф. Части особого назначения (1917–1925 гг.). Руководство партии созданием и деятельностью ЧОН // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 107.

³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 47.

⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 499. Л. 2.

жизни: будучи учеником реального училища, он распространял политическую литературу и посещал митинги. В 1905 году А.И. Парамонов вступил в социал-демократический кружок, а уже в 1906 г. был задержан, но избежал наказания по причине несовершеннолетнего возраста. В 1907–1911 гг. он был несколько раз арестован и осужден на разные сроки. В 1917 г. А. И. Парамонов был назначен председателем Екатеринбургского Комитета общественной безопасности, а летом 1918 руководил эвакуацией ценностей из Екатеринбурга. С 1919 г. занимал должности председателя Красноуфимского Ревкома, Екатеринбургского губернского революционного трибунала и в октябре-ноябре 1919 г. назначен на должность председателя Екатеринбургского уездного исполкома¹. К моменту вступления в должность ответственного организатора Отрядов особого назначения А. И. Парамонов обладал достаточным организационным и партийным опытом.

В ноябре 1919 г. Отряды особого назначения были созданы и в других городах губернии. Так, был сформирован Нижне-Тагильский, Шадринский и Ирбитский отряды.

Первый отряд Особого назначения на территории Нижнетагильского уезда был создан в конце сентября 1919 г. Инициатором его создания и ответственным организатором являлся Толстов². На начальном этапе своего существования отряд был слабо вооружен, личный состав не имел военного опыта, дисциплина практически отсутствовала. В силовых операциях Нижне-Тагильский отряд особого назначения участия не принимал. Личный состав был занят административно-хозяйственной деятельностью, направленной на формирование начальной материально-технической базы, необходимой для функционирования и развития подразделения.

¹ Тулисова Е. С. Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 164–171.

² Кашин В. В. На службе у государства: органы государственной безопасности города Нижний Тагил. Нижний Тагил: Б. И., 2008. С. 95.

В Ирбитском уезде действовали роты 2-го Батальона Екатеринбургского коммунистического полка. Основной задачей данного подразделения являлась охрана общественной безопасности во время проведения ежегодных ярмарок¹.

Шадринский отряд особого назначения был сформирован осенью 1919 г. Руководство отряда состояло из командиров, выделенных из состава Красной Армии и партийных работников с дореволюционным стажем. В конце 1919 г. командиром отряда был назначен И. В. Балдин, бывший командир 30-й Краснознаменной дивизии². Командиром был определён ряд задач отряда, которые планировалось выполнить до середины 1920 г.

«1. Взять на учет всех членов и кандидатов РКП(б), членов РКС(М), как мужского, так и женского пола, по которым вести точный учет;

2. Сформировать из всех вышеперечисленных товарищей единицу по типу регулярной Красной армии;

3. Дать военное образование всем членам РКП и РКСМ без исключения женского пола;

4. Внутренняя охрана уезда от бандитизма, ловля дезертиров, борьба с саботажем.»³

В каждом подразделении ЧОН Екатеринбургской губернии было организовано несение круглосуточной службы. В роты назначались два дежурных, в обязанности которых входило поддержание связи со штабом отряда, получение распоряжений и приказов, наблюдение за процессом обучения. Во взводах ежедневно назначалось по одному дежурному, которые должны были оповещать личный состав о месте занятий, вести учет занимавшихся, поддерживать связь со штабом роты и командиром взвода. Вознаграждение за дежурство члены отрядов особого назначения получали с места постоянной работы в соответствии со средней суточной заработной платой⁴.

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 8.

² Г. А. в г. Шадринск. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

³ Г. А. в г. Шадринск. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.

⁴ ЦДООСО Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

12 ноября 1919 г., согласно циркулярному письму ЦК РКП(б) обучение и стратегическое управление отрядами особого назначения было передано ячейкам Всеобщего военного обучения (Всевобуча), однако формирование и оперативное управление частями осталось в ведении местных партийных структур.

Создание Всевобуча было закреплено 22 апреля 1919 г. в декрете ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству»¹. Декрет предусматривал обязательное военное обучение всех групп населения мужского пола от 16 до 40 лет. Для проведения обучения была разработана 96-часовая программа, ставшая основной для личного состава Частей особого назначения. Программа предусматривала занятия по стрелковому делу, изучение основ фортификации, строевой подготовки, а также тактики уличного боя. Организация обучения контролировалась Народным комиссариатом по военным делам, а также губернскими, уездными и волостными военкоматами. Включение Частей особого назначения в систему Всевобуча было связано не только с необходимостью упорядочивания формирования частей в масштабах всего государства и создания эффективной системы обучения личного состава, но и с целью усиления партийного влияния в системе всеобщего военного обучения. Ю. В. Ковалев в своей работе отмечал, «одной из причин объединения структур являлась необходимость усиления коммунистического влияния при формировании Всевобучем войсковых единиц, а также необходимости замены управленческого аппарата Всевобуча проверенными партийными кадрами»². Схема подчинения отрядов особого назначения в составе Всевобуча представлена в приложении Б.

Примечательно, что в начальный период слияние коммунистических отрядов с Всевобучем было решено провести в крупных центральных городах, в частности в Москве и Петрограде. Официальные документы о изменении структур в регионы отправлены не были и в Екатеринбургской губернии процесс перехода был начат только в начале 1920 г.

¹ Об обязательном обучении военному делу // Камышловский рабочий. — 1919. — № 16. — С. 1.

² Ковалев Ю. В. Коммунистическая партия – организатор и руководитель отрядов особого назначения по борьбе с контрреволюцией в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград: 1968. С. 164.

Документация, направленная на упорядочивание кадровых вопросов коммунистических отрядов начала появляться весной 1919 г. Так, 8 мая 1919 г. было опубликовано письмо ЦК РКП(б), в котором особое место уделялось вопросам военного обучения членов партии. Части особого назначения предписывалось формировать по штатам армейских подразделений, а обучение личного состава планировалось проводить по особой программе, в которую входили занятия по владению винтовкой, гранатой, пулеметом, тактике работы в подразделении и городскому бою. Для прохождения программы обучения выделялись преподавательские кадры, однако продолжительность курсов не оговаривалась¹. В документе отмечалось, что служба в ЧОН не может быть причиной освобождения от мобилизации в Красную Армию². Также особое внимание уделялось необходимости создания коммунистических отрядов исключительно в столичных и губернских городах³. Рост антиправительственных выступлений и ограниченное количество партийных кадров привели к тому, что 12 августа 1919 г. было выпущено постановление ЦК РКП(б), согласно которому допускалась возможность включения в отряды женщин (по их личному желанию), лиц, сочувствующих партии, комсомольцев, сознательных рабочих и членов профсоюзов⁴.

В первую очередь зачислению в Екатеринбургский коммунистический отряд особого назначения подлежали коммунисты, вступившие в партию до Октябрьской революции. Также допускался прием «всех остальных под ответственностью старых членов партии»⁵. Уклонение от службы в коммунистическом отряде могло привести к исключению из партии. Зачисленные в отряд продолжали обычную работу, занимаясь военной подготовкой в свободное время.

¹ Захаров. А. ЧОН. Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии ... С. 47.

² Кротов В. Л. Чоновцы ... С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

Деятельность Екатеринбургских ЧОН регулировалась приказами местного уровня. Так, в Екатеринбургском отряде за время дежурств коммунары получали свой средний дневной заработок за счет предприятий, в которых официально работали¹. Начальником отряда являлся ответственный организатор, который имел право накладывать различные меры взыскания на личный состав за нарушение последним дисциплины. В зависимости от тяжести проступка бойцу могло быть объявлено напоминание, выговор, выговор с опубликованием в партийной печати. Более серьезные случаи рассматривались отрядным судом². Формирование отряда производилось по штатам отдельного стрелкового батальона, а командиром подразделения являлся ответственный организатор.

В начальный период кадровая составляющая Частей особого назначения имела строгую территориальную привязку. Так, лиц служащих или работающих в восточной половине г. Екатеринбург было решено зачислить в первый взвод второй роты. Во второй взвод были включены сотрудники полиграфического отдела Губкома РКП(б), Губернского отдела управления, Губчека, телеграфа, почты, милиции, пожарной части, уездного лесного комитета, уездного военкомата и прочих учреждений, находившихся к северу от Покровского проспекта³. В третий взвод входили сотрудники уездно-городского комитета РКП(б), отдела государственных сооружений, окружного военного комиссариата, отряда просвещения, уездного продовольственного отдела, земельного отдела, отдела здравоохранения и других учреждений, расположенных к югу от Покровского проспекта. Члены партии, работающие в Западной (от р. Исети) части города также зачислялись в первый взвод второй роты. Партийные функционеры, работавшие в других регионах, были зачислены в третью роту. Временно исполняющим обязанности командира первой роты был назначен Неволин⁴, первым взводом командовал Зинченко (заместитель командира – Вязкин). Командиром второго

¹ ЦДOSO. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

² Там же.

³ Ныне ул. Малышева.

⁴ Здесь и далее не удалось определить имен и отчеств большинства командиров рот и взводов. В иных документах по партийной линии и линии ЧОН данные также отсутствуют.

взвода был назначен П. Г. Савотин, его помощником – А. Г. Протов. Что примечательно, П. Г. Савотин с конца 1919 г. занимал должность начальника Екатеринбургской губернской милиции, а А. Г. Протов короткий срок являлся начальником Уголовного розыска. Третьим взводом командовал Григорьев, его помощником являлся Филимонов. Временно исполняющим обязанности командира второй роты был назначен Васильев, командиром первого взвода Пусков, командиром второго взвода Шепелев. Должность командира первого взвода третьей роты занимал Дмитриев, его помощник – Прибытков. Командиром второго взвода третьей роты был назначен Кузнецов¹. Активный учет членов партии показал, что первый взвод первой роты и взвод, сформированный в третьем районе стали по своей численности равны ротам. По этим причинам было решено переформировать указанные подразделения в третью и четвертую роты, а вместо предполагавшегося к формированию в четвертом районе взвода сформировать шестую роту.

Серьезной кадровой проблемой начального периода функционирования ЧОН Екатеринбургской губернии помимо низкого уровня подготовки личного состава являлись постоянное привлечение для службы в отрядах лиц, занятых на ответственных должностях. В масштабах ЧОН республики данный вопрос был решен 26 сентября 1921 г. после утверждения ЦК РКП(б) «Положения о ЧОН»², предусматривающего разделение кадров на три очереди призыва в соответствии с уровнями занимаемых должностей и состоянием здоровья. На уровне Екатеринбургской губернии разделение личного состава было закреплено гораздо раньше – в приказе от 5 ноября 1919 г. Так, командирам рот предписывалось «составить списки на товарищей, которые в силу своего служебного положения в решающий момент должны оставаться на местах и не могут действовать в составе отряда, и на товарищей, которые по состоянию здоровья не могут состоять в отряде»³.

¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

² Кротов В. Л. Чоновцы ... 1974. С. 69.

³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

Мобилизация партийных работников на службу в рядах Красной Армии была типичной для прифронтовых территорий, однако иногда становилась причиной конфликтов между партийным и военным руководством. Официально вступление в партийные отряды не являлось причиной освобождения от военной мобилизации, но на практике, партийные функционеры часто избегали службы в рядах РККА «прикрываясь службой в отрядах»¹. По этой причине Красная Армия теряла часть так необходимых политически активных кадров. 29 апреля 1919 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление «О нераспространении на прифронтовые губернии постановления о формировании отрядов особого назначения»². Наравне с мобилизационными, главными проблемами коммунистических отрядов являлись отсутствие опытных руководящих кадров, лиц с военным образованием, а также недостаток в снаряжении и вооружении. Отбор кадров по политическому признаку с одной стороны обеспечивал полную внутреннюю лояльность, но с другой стороны имел ограничение по количеству, уровню военного образования и физическому состоянию претендентов.

Интересной особенностью является то, что несмотря на постановление ЦК РКП(б) от 12 августа 1919 г. (предусматривающего мобилизацию лиц женского пола исключительно по их желанию), в отряде особого назначения Шадринского уезда мобилизация женщин была обязательной. Недостаток мужского населения трудоспособного возраста, годного по состоянию здоровья к военной службе отмечался во всем регионе. Военные потери, мобилизация в Красную Армию и высокая смертность привели к тому, что вопрос комплектования Частей особого назначения политически нестабильного Шадринского уезда пытались решить с помощью мобилизации женщин.

5-го ноября 1919 г. в Екатеринбургском отряде особого назначения проходила перепись³. Целью переписи являлось выявление личного состава, имевшего боевой опыт и обладавшего военными специальностями. Перепись

¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 11.

также была необходима в целях назначения инструкторов, способных обучать личный состав. Результаты переписи показали, что коммунисты, зачисленные в отряд, имели низкий уровень военной подготовки. 24 ноября 1919 г. в приказах по Екатеринбургскому отряду особого назначения указывалось, что личный состав «не знает материальной части оружия и не знаком с основами строевой подготовки. При этом занятия в ротах не проводятся и не выполняются назначения дежурных»¹.

В «Приказах по формированию Екатеринбургского отряда особого назначения» указано, что к 15 ноября 1919 г. Екатеринбургский отряд и отряд Верхисетского района состояли из пяти рот². Если учесть, что отряды особого назначения формировались по армейскому типу, а численность армейской роты в 1919 г. колебалась от 60 до 100 человек³, можно предположить, что самый крупный в регионе Екатеринбургский отряд особого назначения мог включать до 500 человек. Причем в это число входили лица, занятые на ответственных должностях, а также освобожденные от несения военной службы по состоянию здоровья. Основываясь на расчетах, указанных выше, можно предположить, что численность коммунистических отрядов в уездах не превышала 150-200 человек. В целом общая численность личного состава ЧОН Екатеринбургской губернии могла достигать 1300-1500 человек. При этом только в одном отряде Замоскворецкого района Московского коммунистического отряда особого назначения числился 751 человек⁴.

В источниках, отражающих различные аспекты деятельности коммунистических отрядов Екатеринбургской губернии в 1919 г. отсутствуют материалы об их практическом применении, при этом делопроизводственная документация представлена более объемно. Данный факт дает основание полагать, что в указанный период по причинам отсутствия необходимого уровня

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

² Там же.

³ Дерябин А. Л., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России. Красная армия. 1917–1922 гг. М.: Аст, 2003. С. 120.

⁴ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 123.

организации, отряды особого назначения не применялись в качестве силового инструмента.

2.2. Особенности деятельности Частей особого назначения в 1920 – середине 1921 гг.

3 января 1920 г. начальником Всевобуча был назначен Н. И. Подвойский. Официальной причиной назначения Н. И. Подвойского являлось «расширение задач Всевобуча в связи с предстоящей демобилизацией, переходом к милиционной системе и введением трудовой повинности»¹. Однако выбор такого опытного управленца, ранее занимавшего должность Наркома по военным делам РСФСР, мог быть связан с задачами усиления политического влияния внутри Всевобуча и превращения его не только в средство военного образования, но и в орган, способный контролировать общественно-политическую жизнь государства.

В это же время главным управлением Всевобуча была разработана «Временная инструкция по организации всеобщего обучения и формированию территориальных единиц»². Особое внимание в документе уделялось вопросам формирования Отрядов особого назначения. В соответствии с инструкцией вся территория государства разделялась на округа Всевобуча. Каждый округ в лице комиссара должен был организовать формирование отрядов особого назначения и их обучение. Минимальной организационной единицей являлся взвод, в который включались лица по территориальному или трудовому признаку. Выбор указанных принципов формирования был обусловлен не только упрощением процедуры учета личного состава, но и возможностью оперативного сбора подразделений в случае необходимости.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 52. Л. 2.

² Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 132.

Весной 1920 г. данная инструкция была доработана¹. Согласно нового документа, основной боевой единицей считалась рота, главным критерием формирования которой являлась оперативность сбора личного состава. На уровне губернии организация отрядов особого назначения осуществлялась комиссаром Всевобуча. Стоит отметить, что инструкция в очередной раз закрепляла стратегические основы формирования коммунистических отрядов, не рассматривая в должной степени кадровые вопросы, а также схему взаимодействия структур Всевобуча и партийных органов.

В марте – апреле 1920 г. проходил IX съезд РКП (б), на котором были приняты решения о создании милиционных вооруженных сил и демобилизации Красной армии в связи с грядущим окончанием Гражданской войны. В резолюции съезда «О переходе к милиционной системе» закреплялось, что милиционная армия «должна опираться на вполне подготовленные в военном, техническом и политическом отношении кадры, которые в любой момент могут извлечь их из округа, охватить своим аппаратом, поставить под ружье и провести бой»². По результатам съезда было подготовлено и разослано на места организационное письмо, в котором указывалось, что основой новой милиционной армии должен стать Всевобуч и отряды особого назначения³. Территорию страны предполагалось разделить на территориальные округа. В каждой губернии планировалось формирование территориального полка, в каждом уезде – территориальной роты. В подразделениях постоянными являлись только командный состав, военное имущество и снаряжение. В задачи кадрового состава входила организация обучения населения на местах. «Рабочий будет обучаться военному делу на своем заводе, крестьянин – в своей деревне»⁴. Центрами притяжения территориальных подразделений должны были стать уже подготовленные и сплоченные к тому времени отряды особого назначения.

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 13. Д. 9. Л. 1.

² Девятый съезд РКП (б) М.: Партийное издательство, 1934. С. 451.

³ Савинкин Н. И., Боголюбов К. М. КПСС о Вооруженных силах Советского союза. М.: Воениздат, 1969. С. 178.

⁴ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 55. Л. 75–76.

Реализацией решений IX съезд РКП (б) явилось постановление Всероссийского главного штаба¹, в котором говорилось о необходимости слияния Частей особого назначения с территориальными подразделениями.

В начале мая 1920 г. на заседании Екатеринбургского комитета РКП(б) обсуждались вопросы о формировании отрядов особого назначения. По итогам заседания было решено: «не отступая от принципа соединения с территориальными кадрами временно отложить подобное соединение»². Такое решение могло быть связано с тем, что коммунистические отряды в губернии находились в стадии формирования и их объединение с территориальными кадрами могло отрицательно сказаться на интенсивности их создания.

Согласно постановлению Екатеринбургского комитета, в целях формирования отрядов во всех партийных районах губернии вводилась должность Ответственного организатора отрядов губернии, на которую был назначен А. Долженко. Для оперативного контроля процесса создания и функционированием отрядов особого назначения был учрежден штаб отрядов особого назначения губернии, штабы батальонов и рот. Так, штаб отряда находился при штабе полкового территориального округа, штаб первого батальона – при первом районном комитете по адресу: ул. Розы Люксембург, 14³, штаб второго батальона по адресу: ул. Троцкого, д. № 5⁴, отдельной – 7-й роты в клубе им. Ленина на территории В-Исетского завода⁵.

В это время развитие получило делопроизводство, которое ранее в частях не велось. Были заведены книги приказов, именные списки членов отряда, дневники, в которых отмечались ежедневные происшествия, книги имущества, табели постов и приходно-расходные ведомости. Ежедневно в штаб отправлялись копии приказов и данные о наличии оружия и боеприпасов.

¹ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 134.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 499. Л. 12.

³ Современный адрес тот же. В настоящее время здание занято торговыми организациями.

⁴ Современный адрес – пер. Химиков, 5. В более поздний период на этом месте было построено здание «Унихим».

⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 499. Л. 12.

В регионах 1920 год характерен преобладанием двойной системы подчинения отрядов особого назначения и отсутствием четкой системы разделения сфер ответственности Всевобуча и партийных структур. Вопросы о Частях особого назначения поднимались в документах Всевобуча, на заседания партийных комитетов и Всероссийского главного штаба.

Появление официального документа, закрепившего переход отрядов особого назначения в систему Всевобуча в регионах, произошло в ноябре 1920 г. В циркулярном письме ЦК РКП(б) указывалось о полной передаче спектра задач, связанных с формированием и применением отрядов особого назначения Всевобучу. Однако по причинам нехватки кадров Всевобуча и относительно медленной скорости протекания административных процессов в условиях глубочайшего кризиса полностью слияние структур завершено не было.

Анализ изученных документов дает основания полагать, что на территории Екатеринбургской губернии отряды особого назначения в 1920 г. формировались и контролировались исключительно партийными комитетами¹.

В октябре – декабре 1920 г. Главным управлением Всевобуча были опубликованы предложения по совершенствованию Частей особого назначения². В документе говорилось о необходимости углубления программы обучения, а также о переподчинении командного состава отрядов особого назначения партийным структурам на местах. Фактически предложения возвращали всю полноту задач, связанных с различными аспектами деятельности отрядов особого назначения, партийным комитетам разных уровней и отменяли многочисленные постановления, вышедшие за 1919–1920 гг.

Нестабильная политическая обстановка в государстве, выражавшаяся в десятках крестьянских восстаний, стала причиной укрепления коммунистических отрядов. В постановлении Всевобуча от 15 марта 1921 г. говорилось о

¹ Документы региональных архивов, отражающие деятельность ЧОН в период 1919–1920 гг., представлены исключительно партийными материалами.

² Гаврилова Н. Г. Деятельность Коммунистической партии по руководству частями особого назначения в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (на материалах Тульской, Рязанской, Иваново-Вознесенской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 1983. С. 77–61.

необходимости создания Центрального штаба отрядов особого назначения, контролирующего вопросы функционирования коммунистических отрядов в пределах всего государства. В масштабах губернии Части особого назначения курировались губернскими штабами. Опыт, полученный отрядами во время подавления крестьянских восстаний, показал, что в боевой обстановке главной проблемой является отсутствие связи и координации действий. Штабы были сформированы в целях организации централизованного управления отрядами, а также для решения текущих вопросов на местном уровне.

В марте 1921 г. X съезд РКП(б) определил переход от военного коммунизма к новой экономической политике, а также наметил пути военного строительства. В «Резолюции съезда по вопросу строительства и реорганизации вооруженных сил республики» указывалось, что ослабление военной мощи республики требует немедленной реорганизации военного дела, а также что для «создания основы милиционных пополнений армии необходимо превратить отряды особого назначения в командно-инструкторский состав, введя в него, прежде всего, всех коммунистов, а также соответствующие пролетарские элементы, выделяемые профсоюзами, без отвлечения их от основной работы»¹. Применение в качестве основы будущей армии отрядов особого назначения должно было обеспечить «максимальный коммунистический дух и пролетарские методы в организации новых вооружённых сил»².

25 марта 1921 г. в приказе начальника Всевобуча № 92/4 было объявлено о внедрении «Положения о частях особого назначения»³. В соответствии с положением устанавливалась должность командующего Частями особого назначения республики (комчонресп). В губерниях вводились должности начальников отрядов особого назначения. Командующий ЧОН республики, а также начальники коммунистических отрядов губерний являлись высшими

¹ Протоколы X съезда РКП(б). Ленинград: «Печатный двор», 1933. С. 675.

² Там же.

³ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77.

руководящими органами Частей особого назначения, тогда как для политического руководства были сформированы Советы ЧОН.

Совет ЧОН Республики состоял из начальника отрядов особого назначения, члена ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева и представителя ВЧК И. С. Уншлихта. В губерниях и уездах Советы ЧОН формировались при губкомах и укомах партии. Структурная схема подчинения ЧОН представлена в приложении В.

Первоначально на должность комчонреса был назначен Ю. Х. Данишевский, однако 6 апреля 1921 г. на заседании ЦК РКП(б) назначение было отменено ввиду «необходимости назначить начальником отрядов особого назначения того товарища, который целиком посвятил бы себя этой работе и ввиду того, что снять с топливной работы Данишевского нет возможности»¹ Так, 23 апреля на должность начальника был временно назначен С. С. Данилов².

На том же заседании ЦК РКП(б) обсуждались вопросы демобилизации армии. Особое внимание было уделено направлениям улучшения качества частей особого назначения и выделения ответственных работников для руководства коммунистическими отрядами³. 7 мая 1921 г. по итогам совещания было принято решение о назначении начальником коммунистических отрядов РСФСР А. К. Александрова, а также о необходимости отделения ЧОН от Всевобуча⁴. 16 июня 1921 г. на заседании политбюро было решено поручить Л. Д. Троцкому «рассмотреть вопрос об организации коммунистических подразделений и внести практические предложения к этому вопросу»⁵.

Форсирование всех аспектов деятельности отрядов особого назначения в 1921 г. было связано не только с желанием политической власти укрепить свои позиции, но и с необходимостью проведения полномасштабной демобилизации армии: для восстановления экономики, подорванной Гражданской войной, требовались рабочие руки. Демобилизация личного состава влияла на

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 147. Л. 5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 154. Л. 2.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 147. Л. 4.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 160. Л. 5.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 176. Л. 3.

боеспособность армии, поэтому коммунистические Части особого назначения должны были стать основой вооружённых сил молодого советского государства.

27 июля 1921 г., в соответствии с приказом командующего отрядами особого назначения РСФСР № 2, началось формирование штабов при начальниках отрядов особого назначения округов и губернии, а 14 августа отряды особого назначения были официально переименованы в Части особого назначения¹. Переименование «отрядов» в «части» было связано не только с необходимостью закрепления единого названия в целях упорядочивания комплекса документации, но и с целью формирования положительного образа в глазах общественности. Так, в письме председателя партийной комиссии по переименованию к Л. Д. Троцкому указывалось: «название «часть» несет в себе в военно-организационном отношении определенное понятие об известном воинском целом, тогда как под понятием «отряд» – мыслится или крупное воинское соединение нескольких родов оружия, или незначительная партия временного характера, получившая специальное временное задание, и сведение таких отрядов в высшие воинские единицы обычно не имеет места»².

Первоначально изменения структуры и принципов управления отрядами особого назначения отразились на подразделениях, сформированных в центральных регионах страны. Так в Москве и Петрограде летом 1921 г. действовала отдельная партийная комиссия, основными задачами которой являлись контроль над выполнением распоряжений правительства и создание боеспособных коммунистических подразделений. На Урале процесс отделения отрядов особого назначения начался значительно позже – в конце лета – начале осени 1921 г.

15 августа 1921 г. в соответствии с приказом по ЧОН республики № 46³ было решено возложить обязанности по снабжению коммунистических отрядов на помощников начальников региональных Частей особого назначения. В задачи

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 69.

² РГВА Ф. 58. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 129. Л. 45.

помощника начальника входило: руководство деятельностью хозяйственных органов ЧОН, проверка входящих требований и передача их в соответствующие учреждения, распределение между подразделениями поступающего имущества. На практике, помощник начальника, в связи с высокой загруженностью, не справлялся с задачами по обеспечению личного состава и снабжение ЧОН было не удовлетворительным.

Наравне с изменениями системы подчинения и появлением дополнительных структурных подразделений административного характера, развитие получала кадровая политика.

В январе 1920 г. в Частях особого назначения Екатеринбургской губернии проводился ряд тренировочных сборов, целью которых являлось определение готовности личного состава. Тренировки показали, что дисциплина в коммунистических отрядах находилась на низком уровне. Так, во время экстренного созыва шестой роты Екатеринбургского отряда не явился председатель комитета РКП (б) Анисим Крюков и секретарь того же комитета Василий Иванов¹, а собрать Ирбитскую роту не удалось по причине отсутствия связи между штабом и личным составом². В ротах и взводах часто не назначались дежурные, а 3 марта 1920 г. член четвертой роты тов. Победоносцев был предан отрядному суду за «отказ несения караула при Штабе и пропаганде среди товарищей против несения такого караула»³.

В этот же период отряды особого назначения Екатеринбургской губернии получили инструкции по экстренному сбору личного состава. Так, в случае острой необходимости, сбор коммунаров производился через конных и пеших вестовых. Для каждого района определялся сборный пункт, причем минимальным структурным подразделением при таких сборах должна была являться рота, которая складывалась из взводов и ячеек. 14 января 1920 г. в газете «Уральский рабочий» был опубликован подробный дисциплинарный устав Екатеринбургского

¹ ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

² ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 239. Л. 34.

³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 499. Л. 15.

отряда особого назначения, в котором особое внимание уделялось правилам работы отрядного суда¹. Коммунистические отряды в уездах входили в состав Екатеринбургского отряда особого назначения на правах отдельных рот. Так, 11 февраля 1920 г. для формирования второй роты Екатеринбургского отряда особого назначения в г. Красноуфимске был отправлен бывший командир седьмой роты 262-го стрелкового полка М. Г. Снигирев, для создания тринадцатой роты в г. Шадринск был откомандирован М. И. Подыниногин².

В 1919–1920 гг. личный состав Екатеринбургских коммунистических отрядов не имел определенной униформы и знаков различия. Командный и милиционный состав часто использовал гражданскую одежду, дополненную армейскими шинелями, гимнастическими рубашками и элементами снаряжения. Главным отличительным знаком была звезда-кокарда, принятая на снабжение Красной армии в июле 1918 г.

На начальном этапе существования каждый уездный отряд, взаимодействуя с различными структурами, самостоятельно организовывал снабжение бойцов вооружением, униформой, продуктами питания и канцелярскими товарами, однако в силу крайне тяжелого социально-экономического положения губернии, материальное состояние коммунистических отрядов было неудовлетворительным. Например, укомплектованность Камышловских ОСНАЗ гужевым транспортом не превышала 13% от необходимого количества³. Не хватало вооружения и боеприпасов. Большая часть наличных винтовок была неисправна. Проблемы наблюдались также в снабжении личного состава коммунистических отрядов продуктовым пайком. Продукты выдавались по нормам тылового довольствия и были весьма скудны, а по причине инфляции приобрести пищу на заработную плату было практически невозможно. Командир Екатеринбургских коммунистических отрядов докладывал: «Картофель выдается порченный и

¹ Дисциплинарный устав Екатеринбургского особого отряда // Уральский рабочий. – 1920. – №4. – С. 3.

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 499. Л. 5.

³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 64, Л. 66.

мерзлый, крупа смешана с мукой. При настоящей дороговизне на вольном рынке ничего нельзя купить. Получая оклад 3 600 руб. в месяц, которых хватает на 1/2 фунта хлеба»¹.

Численность личного состава коммунистических подразделений за 1920 г. возросла. Так, в декабре 1920 г. в отрядах особого назначения Шадринского, Ирбитского, Камышловского, Екаринбургского и Нижне-Тагильского уездов на учете числилось около 2,5 тысяч бойцов².

Зимой и весной 1920 г. Части особого назначения Екатеринбургской губернии получили с баланса губернского военкомата инженерное имущество и вооружение. Всего было получено 8 телефонов и 20 верст кабеля, 88 японских винтовок и 500 патронов к ним, 228 русских винтовок и 6035 патронов, 2 револьвера «Наган» и 14 патронов к ним³. Большая часть винтовок была неисправна и требовала серьезного ремонта. В документах по линии коммунистических отрядов отмечалось: «военкоматы не могут в полной мере снабдить даже старым оружием, которое не может использоваться Красной Армией»⁴.

16 апреля 1920 г. был опубликован декрет Совнаркома, в котором впервые определялись социальные гарантии для личного состава коммунистических частей. Так, реквизиции и конфискации не подлежало имущество лиц, проходящих службу в ЧОН, квартиры их семей не уплотнялись, а семьи не могли быть принудительно переселены⁵.

Опыт проведения полевых сборов милиционного состава показал, что уровень подготовки кадров в целом оставался крайне низким. Большая часть коммунистов не имела представления не только о ведении боевых действий, но и о устройстве оружия⁶. Летом 1920 г. ответственным организатором отрядов

¹ Кулаков Д. В. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. Цели создания. [Электронный ресурс]. URL //http://demos.eetk.ru/special.html (дата обращения 05. 05. 2017).

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.

³ Там же. Л. 2–17.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 28.

⁶ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 64.

Екатеринбургской губернии А. Долженко был поднят вопрос о низком уровне военной подготовки личного состава. В подразделения был отправлен приказ, обязывающий руководство разработать учебный план и немедленно приступить к занятиям. На местах были разработаны программы, основанные на 90-часовой программе Всевобуча. Предполагалось изучение пехотного строя, стрельбы из винтовки, инженерного дела, фортификации и топографической съемки. Однако по причине отсутствия преподавательских кадров качество обучения оценивалось как неудовлетворительное. Организатор частей особого назначения Камышловского уезда А. Смирнов вспоминал: «обучение страдало общим недостатком, а именно тем, что намеченные планы не проводились до конца и полностью, обыкновенно, если и преподавались, то в беспорядке. Личный состав по окончании обучения имел смутное представление о пройденном»¹.

В ноябре 1920 г. отряды особого назначения Екатеринбургской губернии были переформированы в Коммунистические части, которые были построены по образцу Красной армии. Коммунистические части были разбиты на полки, батальоны, роты, взводы, отделения и звенья. Территориально звенья базировались в пределах улиц, отделения в пределах кварталов, а роты в пределах районов. В случае острой необходимости, сбор личного состава производился через конных и пеших вестовых. Для каждого района определялся сборный пункт, причем минимальным структурным подразделением при таких сборах должна была являться рота, которая складывалась из взводов и ячеек силами комсостава. В это время местные отряды не имели устойчивой связи с центром и всецело подчинялись уездным комитетам РКП(б).

В соответствии с «Положением о Частях особого назначения» личный состав делился на постоянный (кадровый) и милиционный (коммунары). Постоянный состав включал в себя лиц, состоявших на руководящих должностях, а в милиционный входили все члены РКП(б), РКСМ, а также кандидаты на вступление в партию. Кадровый состав постоянно находился в распоряжении частей, а милиционный мобилизовался по мере необходимости. Взводные формирования

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 64.

ОСНАЗ делились на районы, отделения – на звенья, кварталы и улицы. Мобилизация производилась силами комсостава, собирая уличных и квартальных коммунаров в районные взводы¹.

В 1920 г. отряды особого назначения Екатеринбургской губернии в основном играли роль сдерживающего фактора, в отдельных случаях занимаясь охраной порядка на массовых мероприятиях и борьбой с дезертирством. Так, во время облавы на дезертиров в с. Черноисточинск Нижне-Тагильского уезда был убит член коммунистического отряда, председатель исполкома П. И. Шадрин².

В начале 1921 г. на территориях Тюменской, Омской, Челябинской, Акмолинской и Екатеринбургской губерний вспыхнуло крестьянское восстание. Главной причиной восстания явилась продовольственная политика государственной власти. В отчете Алапаевского политбюро ЧК отмечалось: «Настроение крестьян ниже среднего. Продотряды забирают последнюю шерсть, хлеб, лен, даже у неимущих»³. В Екатеринбургской губернии восстание первоначально вспыхнуло в Ильинской, Спасской и Ялутинской волостях Шадринского уезда, и позже стало постепенно распространяться на соседний Камышловский уезд.

5 февраля 1921 г. в разведывательной сводке Приуральского военного округа указывалось: «В Шадринском уезде по причине неравномерной выдачи пайка и ссыпки семенного хлеба в общественные амбары наблюдаются ропот и недовольство соввластью»⁴. 8 февраля 1921 г. председатель Екатеринбургской ГУБЧК А. Г. Тунгусков в разговоре по прямому проводу с председателем Тюменской ГУБЧК П. И. Студитовым отмечал: «Восстание перебрасывается в Шадринский уезд. Две волости охвачены восстанием. Нами совместно с округвоенкомом принимаются меры по переброске войск из резервного полка,

¹ ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 239. Л.6.

² НТГИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 36. Л. 38.

³ НТГИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.

⁴ Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х томах. Т2. (1920-1921 гг.). М.: «Демократия», 2001. С. 115.

расположенного в Камышлове. Вероятно, вышло еще человек сто кавалеристов и человек двести пехоты из отряда особого назначения»¹.

Восставшие снимали местные сельские и волостные советы, и организовывали штабы, в задачи которых входило формирование и общее управление повстанцами. Повстанцы были вооружены некоторым количеством винтовок и пулеметов, полученных при разоружении местной милиции, охотничьим и гражданским оружием, а также топорами, пиками и вилами². К 10 февраля 1921 г. численность восставших оценивалась в 2 000 человек, из которых вооружено винтовками было около половины³. Повстанцы действовали под лозунгом «Бей коммунистов», отмечалось, что «повстанцы движаются организованными отрядами по всем правилам военного передвижения»⁴.

С 15 февраля 1921 г. третий батальон четвертого Коммунистического полка Отрядов особого назначения вел усиленные оперативные действия против восставших крестьян. Батальон включал в себя 300 штыков и 50 сабель⁵. На балансе подразделения числилось 60 винтовок «Бердан» и 100 патронов к ним⁶, чего было явно недостаточно. Для вооружения отряда командиром Н. Тарасовым и местной администрацией было решено издать приказ об изъятии охотничьих ружей и патронов у местного населения. При батальоне были сформированы кавалерийские разведывательные отряды, однако большая часть всадников была снабжена крестьянскими седлами, или вовсе не имела седел⁷. Главной задачей батальона являлась оборона г. Шадринск от наступающих частей повстанцев. Батальон был разделен на три боевых группы. Первая группа была отправлена в с. Каргапольское, находившиеся в 60-ти верстах от г. Шадринск. На этом направлении силы восставших составляли до 1 тыс. человек. Вторая группа прикрывала восточное направление и была переброшена в с. Мехонское, где численность повстанцев

¹ Там же. С. 124.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 26–28.

³ Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х томах. Т2. (1920-1921 гг.). М.: «Демократия», 2001. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

составляла около 2,5 тыс. человек. Третьим направлением прикрытия являлся район Ольховско-озерного и Кизелбаевских юрт. При поддержке третьего батальона 505-го полка регулярной Красной армии, Екатеринбургских пехотных курсов комсостава и Шадринского Всевобуча допризывного возраста третий коммунистический батальон четвертого Коммунистического полка отрядов особого назначения перешел в наступление на всех занимаемых позициях и опрокинул противника. Потери батальона составили 17 человек убитыми и несколько десятков ранеными. Погибшие были доставлены в г. Шадринск и с почестями захоронены на площади Революции¹. После официального подавления восстания, локальные бои возникали в разных районах Шадринского уезда. Так, в бою за коммуну «Единение», Шадринским коммунистическим батальоном было задержано сорок повстанцев. Вооружение задержанных – трехлинейные винтовки и гранаты – было передано личному составу батальона.

Отряды особого назначения Камышловского уезда также принимали участие в подавлении Западно-Сибирского восстания. Очагами сопротивления являлся район завода «Яртарка», а также волости, находившиеся юго-восточнее завода. С появлением информации о приближении повстанцев, в городе Камышлове и близлежащих населенных пунктах был отдан приказ о немедленном сборе личного состава отрядов особого назначения. Бойцы должны были прибыть к месту назначения в штаб третьего коммунистического полка, расположенному в г. Камышлов по ул. Карла-Маркса, 23. Под мобилизацию не попадали кадры, занимающие ответственные должности. Главной проблемой третьего коммунистического полка являлся недостаток вооружения, снаряжения и обмундирования. В условиях 30-градусного мороза большая часть личного состава не имела валенок, шинелей, шапок и рукавиц. Первоначально отряды особого назначения отступали под натиском противника, но с подходом регулярных частей Красной Армии положение стабилизировалось. Ощутимой проблемой

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 68. В настоящее время площадь переименована в «сквер Воинской славы», а обелиск объединен с памятником жителям Шадринска, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

коммунистических подразделений являлось отсутствие четкой структуры управления и взаимодействия в бою. Именно поэтому Части особого назначения на момент ведения боевых действий были включены в состав Красной армии под управление опытных командиров.

К середине 1921 г. восстание было подавлено, однако борьба с отдельными группами повстанцев продолжалась до осени. Как правило, в подобных операциях участвовали подразделения Частей особого назначения численностью до взвода.

2.3. Части особого назначения Екатеринбургской губернии в 1921–1923 гг.

12 августа 1921 г., опираясь на постановление десятого съезда РКП(б), ЦК РКП(б) был утвержден циркуляр № 1155, в котором указывалось: «служба в ЧОН есть важнейшая партийная обязанность»¹. Особое внимание обращалось на структуру частей и разделение зон ответственности. Так, строевое и техническое руководство по организации ЧОН принадлежало командующему ЧОН республики с его штабом, а высшее политическое руководство – совету ЧОН республики.

Появление большого количества инструкций приводило к отсутствию единых схем применения и формирования ЧОН. Именно по этой причине 26 августа 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил новое «Положение о Частях особого назначения РСФСР»², отменяющее ранее утвержденные положения и ставшее основным документом инструкционного характера на все последующие периоды. В соответствии с Положением в частях особого назначения могли формироваться кавалерийские, артиллерийские и броневые части.

26 августа 1921 г., согласно совместному приказу РВСР и Приуральского военного округа, началось формирование штаба отрядов особого назначения

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

² Там же. Л. 8.

Екатеринбургской губернии Начальником штаба был назначен Я. М. Терентьев¹, ранее занимавший должность начальника губернского Всеобуча. Место Начальника Частей особого назначения губернии занял А. В. Федоров. Штаб был разделен на отделы (части), которые решали ограниченный круг задач. Оперстроевая часть, включавшая начальника, двух делопроизводителей, переписчика и коменданта решала вопросы, связанные с обучением и боевой деятельностью партийных формирований. Учетно-мобилизационная часть, состоявшая из начальника, его помощника, трех делопроизводителей, одного переписчика и одного журналиста занималась кадровыми вопросами и вопросами снабжения подразделений. Кроме того, при штабе имелся штат посыльных и секретарь начштаба. В это же время происходило формирование штаба ЧОН Приуральского военного округа (ПриУрВо). Начальником штаба ЧОН ПриУрВо был назначен С. В. Мрачковский². Большая часть кадрового состава коммунистической бригады была переведена в штаб ЧОН, в связи с чем возник острый недостаток кадров для формирования губернского штаба и коммунистических отрядов. Всего для организации штабной работы и создания коммунистической бригады было выделено 80 человек, из которых около половины совмещали должности в различных организациях, а большинство остальных кадров не соответствовали своим назначениям.

Опыт функционирования штаба ЧОН привел к изменению его структуры. Уже 23 сентября 1921 г. штаб ЧОН губернии был реформирован. Руководителем коммунистических отрядов являлся командующий частями особого назначения губернии, в то время как за формирование отвечал Инспектор. Штаб ЧОН Екатеринбургской губернии был разделен на оперстроевую, учетно-мобилизационную часть и комендатуру

1 октября 1921 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято «Положение о Советах ЧОН» и «Положение о командующих Частями особого назначения»³.

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 60.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 60.

³ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 26.

Документы определяли состав, цели и сферы ответственности высшего совещательного органа, а также оговаривали четкие требования к кандидатам на посты командующих ЧОН разных уровней. В это же время появилось «Положение об учете в Частях особого назначения»¹. Помимо введения карточки учета личного состава внедрялся учет имущества и материальной части, делившийся на текущий и мобилизационный. На текущий учет принималось материальное имущество, фактически находившееся в цейхгаузах подразделений. Мобилизационный учет предусматривал ведение списков имущества государственных организаций, находящихся в районах расположения частей. Данное имущество в случае необходимости изымалось и использовалось подразделениями ЧОН для ведения боевых действий.

23 октября 1921 г. по приказу штаба ЧОН Екатеринбургской губернии было начато переформирование коммунистических отрядов. Подразделения ЧОН в Екатеринбурге и уездах подлежали расформированию, вместо них были созданы:

- Первый отдельного назначения Уральский батальон. Район охвата: г. Екатеринбург;
- Первый отдельного назначения Екатеринбургский полк. Районы охвата: Екатеринбургский и Красноуфимский уезды;
- Второй отдельного назначения Нижнетагильский полк. Районы охвата: Нижнетагильский, Верхотурский, Надеждинский, Алапаевский и Ирбитский уезды;
- Третий отдельного назначения Камышловский полк. Районы охвата: Камышловский, Каменский и Шадринский уезды.

В соответствии с распоряжением ЦК РКП(б), отдельным подразделениям ЧОН присваивались номера в соответствии с регионами их расположения. Однако коммунистические части Урала и Сибири имели отдельную сквозную структуру нумерации².

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 28.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

6 декабря 1921 г. в приказе РВСР № 2740/457 были утверждены штаты полков, батальонов, рот и взводов особого назначения, а 7 декабря 1921 г. руководство Частей особого назначения отправило доклад в ЦК, в котором указывалось о завершении процедуры формирования самостоятельной структуры ЧОН. В докладе также приводилась численность личного состава коммунистических бригад, которая на 1 декабря 1921 г. выражалась в количестве 39 676 человек кадрового состава и 323 372 человек милиционного состава¹.

В марте 1922 г. в Екатеринбурге проводился 1-й окружной съезд комчонгубов. Помимо вопросов, касавшихся обучения и вооружения личного состава, на съезде обсуждалась вопросы эффективного взаимодействия подразделений ЧОН в пределах губерний. На заседаниях было решено: «формирование ЧОН крупных соединений с разбросанностью мелких по трем-пяти уездам не пригодно, не целесообразно и не продуктивно»². Для возможности ведения рационального учета и управления была запущена процедура реформирования Частей особого назначения губернии, которая была закончена в июне 1922 г.

Летом 1922 г. на территории Екатеринбургского уезда был сформирован первый Екатеринбургский полк. Первый батальон полка действовал в пределах Екатеринбурга, второй батальон – в Кыштыме, третий батальон – в Красноуфимске. Второй Нижнетагильский батальон включал в себя три роты. Первая рота и штаб батальона были расположены в Нижнем Тагиле, вторая рота действовала на территории уезда, а третья рота – в Алапаевске и окрестностях. Шадринск и уезд контролировала четвертая отдельного назначения Шадринская рота. На территории Ирбитского уезда был сформирован второй Особого назначения Ирбитский батальон. Камышлов и уезд контролировался вторым Особого назначения Камышловским батальоном³. Взводы батальонов

¹ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 161.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 61.

³ Там же. Л. 10–71.

располагались в волостных центрах, обеспечивая возможность оперативного реагирования во всех без исключения регионах губернии.

В июне 1922 г. в Частях особого назначения Екатеринбургской губернии проводилась перепись имущества государственных учреждений для организации учета и формирования фонда на случай мобилизации. Был сформирован общегубернский фонд, фонды уездов и волостей, в которые включался гужевой транспорт, лошадиная упряжь и седла, теплое снаряжение, а также котловая посуда. В случае боевых сборов местные учреждения должны были обеспечить личный состав Частей особого назначения материальным имуществом по списку в течении трех часов.

Опыт организации снабжения и ведения учета показал, что батальонные формирования, штабы которых находились в уездных городах, а отдельные роты в отдаленных населенных пунктах, не являлись оптимальными. Из-за нехватки личного состава и удаленности, часто контроль над процессами, происходящими в ротах, отсутствовал, а местное руководство осуществляло управление частями по своему усмотрению. По этим причинам 27 июля 1922 г. на основании приказа по ЧОН Екатеринбургской губернии № 4 батальоны были переформированы в роты, а подразделения контролировавшие уезды и волости, получили статус литерных рот. Так, в Нижнетагильском уезде были сформированы: первая Отдельная Нижнетагильская рота, которая охватывала районы в радиусе тринадцати верст от г. Нижний Тагил, и литерная рота «А», контролировавшая остальные территории уезда.

К осени 1922 г. в Частях особого назначения были созданы разведывательные отделы. Для координации действий на пост руководителя внутренней разведки Екатеринбургской губернии был назначен А. Тараканов, в уездах начальниками разведки автоматически становились командиры частей¹. Каждый район был разделен на разведывательные посты, количество которых зависело от уровня политической благонадежности региона. Разведкой района руководил резидент, который получал информацию от агентов и формировал отчеты. Еженедельно

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 61.

отчеты отправлялись в штаб ЧОН губернии и губернский отдел Главного политического управления (ГПУ). Постепенно агенты разведки ЧОН начали действовать не только в советских учреждениях, но и на крупных фабриках и заводах. К первому декабря 1922 г. в губернии было создано 9 постов, а численность сотрудников разведслужбы составила 60 человек¹.

Работа по формированию агентской сети проводилась довольно активно. К 20 декабря 1922 г. по губернии было организовано 52 поста, а численность агентов увеличилась до 500². Как минимум один сотрудник разведки находился в каждом советском и военном учреждениях. Агенты регулярно сообщали о ходе работы в организациях, а также вели наблюдение за политически неблагонадежными сотрудниками. Кроме гражданских и военных учреждений, в каждый уездный штаб ЧОН и в Штаб ЧОН губернии был внедрен агент-осведомитель, основной задачей которого являлось наблюдение за политическими настроениями коммунаров. Кроме того, для контроля обучения во время занятий с личным составом скрытно находился один агент разведки. По заявлению сотрудников разведки в декабре 1922 г. за срыв обучения были арестованы три коммунара в Екатеринбургском уезде и два в Нижнетаильском³.

На 1 января 1923 г. число разведывательных постов ЧОН по губернии составляло 119, а общее количество сотрудников 800 человек⁴. С конца 1922 г. разведка ЧОН плотно взаимодействовала с ГПУ: данные, полученные структурами сверялись и подлежали глубокому анализу. По оценке губернского штаба ЧОН в целом разведка в регионе работала удовлетворительно, однако в Камышловском и Верхотурском уездах наблюдались проблемы организационного характера⁵.

В сентябре 1922 г. в соответствии с приказом по Частям особого назначения республики началось реформирование коммунистических подразделений⁶. В целях достижения единообразия и включения в состав отдельных частей

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 61.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 61.

⁶ Там же.

коммунаров второй очереди призыва было решено все части особого назначения от полков до отдельных взводов переформировать в батальоны. В состав подразделений, расположенных в городах, включались коммунары второй очереди призыва. Иные подразделения, получившие литерные наименования, объединяли коммунистов первой и второй очереди призыва.

Изменение структуры ЧОН было связано с необходимостью упрочения советской власти и усиления партийного контроля в деревне. Также, причиной переформирования являлась необходимость создания подразделений с однородным уровнем военной подготовки и физического состояния личного состава.

В конце декабря 1922 г. в Екатеринбургской губернии были сформированы лыжные команды по штатам батальонных команд пеших разведчиков. В это же время были разработаны специальные учебные курсы, направленные на изучение французских пулеметов «Сен-Этьен», стоявших на вооружении ЧОН.

28 декабря 1922 г. в соответствии с приказом по ЧОН губернии комендатура штаба была переформирована в канцелярию. Для комплектования канцелярии было решено привлечь невоеннообязанных лиц, имевших опыт работы с документами. Такие лица привлекались на службу в ЧОН на правах вольнонаемных. В задачи канцелярии входили организация архивирования документов, подготовка приказов, контроль списков личного состава, а также снабжение частей бланками различной отчетности. В это же время появилось отделение связи ЧОН, не имевшее личного состава и представленное только Начальником связи. Передача приказов и донесений осуществлялась нарочным способом. Почтовая и телефонная связь отсутствовали по причине ограниченного выделения денежных средств. Части также испытывали острый недостаток в канцелярских товарах, проблемы наблюдались в снабжении писчей бумагой и чертежными инструментами.

С января 1923 г. в соответствии с приказом по ЧОН губернии, сбор уездных Советов должен был осуществляться не менее одного раза в два месяца, губернский Совет необходимо было созывать не реже одного раза в три месяца. Съезды

Советов ЧОН разных уровней могли производиться чаще, при наличии острой необходимости. Обычно на Советах обсуждались бытовые вопросы, связанные с повседневной деятельностью коммунистических частей. Так, в отчете о деятельности Советов ЧОН Камышловского уезда указывалось: «Вся деятельность Советов ЧОН выразилась только в зачтении протоколов Губсовчон, обсуждении вопросов продовольствия, отопления и т.д.»¹. Губернский совет ЧОН в марте 1923 г. обсуждал вопросы «о необходимости выделения резерва коек в больницах для планового и необходимого лечения состава»².

В это же время, в соответствии с приказом по ЧОН республики № 155³, Части особого назначения Пермской, Екатеринбургской, Тюменской и Челябинской губерний были переданы в подчинение штаба ЧОН Приволжского военного округа. В соответствии с данным приказом значительно уменьшилось число пайков, согласно которому планировалось сокращение кадрового состава. Передача подчинения Частей особого назначения была связана с необходимостью консолидации системы управления соседних губерний перед объединением их 3 ноября 1923 г. в единую Уральскую область.

Уже в марте 1923 г. на заседании Совета ЧОН обсуждались итоги реформирования. Количественные показатели кадра ЧОН определялись, как «минимальные, при которых Части особого назначения могли существовать»⁴, а главной организационной задачей на будущее являлось «пополнение частей милиционным составом и привлечение его ко всем видам службы»⁵.

Активное создание коммунистических подразделений Екатеринбургской губернии показало, что данные о числе милиционного состава, полученные от Всевобуча, значительно отличались от фактических данных, и в уездах была повторно запущена процедура переучета, которая была закончена к концу февраля 1922 г.

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 65. Об.

² ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 259. Л. 34.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 134. Л. 14.

⁴ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 79. Л. 125.

⁵ Там же.

Региональной особенностью являлось то, что численность кадрового и милиционного состава в документах по линии ЧОН либо не отражена, либо документы подобного характера уничтожены. В фондах местных и центральных архивов сохранились результаты переписи частей особого назначения третьего Отдельного назначения Камышловского полка и второго Отдельного назначения Нижне-Тагильского полка, в которых числилось 2 500 человек и 3 900 человек соответственно¹. Оценочное количество личного состава Частей особого назначения Екатеринбургской губернии составляло 8 000 коммунаров всех очередей призыва².

Положение о Частях особого назначения, утвержденное 26 августа 1921 г., предусматривало зачисление в коммунистические отряды всех членов РКП(б), кандидатов в партию, а также членов РКСМ возрастом от 17 до 55 лет. Все лица, подлежащие зачислению в ЧОН, разделялись на три очереди призыва. Первая очередь являлась основной боевой силой, организация и служба которой проходила в соответствии с уставами и положениями, принятыми в Красной армии. В данную категорию включались коммунисты и комсомольцы, не занятые на ответственных должностях и способные по первому требованию явиться в строй. Вторая очередь (резерв ЧОН) состояла из лиц, не вошедших по физическим показателям в первую очередь и тех, кто по роду своих занятий не мог быть зачислен в первую очередь. Третья очередь призыва включала коммунистов, находившихся в рядах Красной армии, органах ВЧК, милиции, пожарных командах и лиц, по состоянию здоровья не вошедших в первую и вторую очереди.

Для разделения личного состава на очереди формировались комиссии. Физическое состояние лиц освидетельствовалось медкомиссиями при губернских и уездных военкоматах на основании расписания болезней. По роду занятий освобождение от несения службы и зачисление в очереди призыва производилось особыми комиссиями при парткомах в составе одного представителя штаба ЧОН, и двух представителей парткома. Лица старше пятидесяти лет в первую очередь

¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 62–68.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 62.

призыва не зачислялись, а члены РКСМ младше семнадцати лет стояли на вспомогательном учете и привлекались к несению санитарной и разведывательной службы. Женщины, зачисленные на строевые должности, определялись во вторую очередь призыва. Документ также предусматривал перевод Частей особого назначения на военное положение, который осуществлялся путем объявления мобилизаций и боевых сборов. При мобилизации призывались коммунары первой и второй очередей, в то время, как боевой сбор предусматривал призыв всех очередей.

Осенью 1921 г. в Екатеринбургской губернии был проведен переучет партийных сил. Целью переучета являлось определение реального количества личного состава и разделение коммунаров на очереди призыва. По причине отсутствия инструкций и материальных средств за основу были взяты показатели, полученные от Всевобуча. По итогу переучета число коммунаров всех очередей призыва в губернии составило 17 000 человек без учета членов РКСМ¹.

В это же время Уральским комитетом РКП(б) было принято положение об учете личного состава ЧОН². Всем уездным партийным органам рекомендовалось уделить особое внимание на заполнение каждым членом и кандидатом в ряды РКП(б), а также членами РКСМ учетной карточки. Помимо общих сведений, учетная карточка содержала данные о службе в старой армии, военной специальности и боевом опыте коммунара. Положение устанавливало необходимость выбора в каждой партийной ячейке старшего, который должен был вести основной список членов ячейки для своевременного контроля над численностью коммунаров.

Помимо очередности призыва, основанной на возможности оперативного сбора коммунаров и их физических показателях, вводились разряды подготовки. Так к первому разряду относился личный состав, прошедший обучение по 90-часовой программе всевобуча. Второй и третий разряды включали в себя коммунаров, служивших в старой армии более шести месяцев и менее полугода

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 28.

² Там же. Л. 1.

соответственно. В четвертый разряд входили лица, не имевшие военного образования и боевого опыта. Для разрядов устанавливались сроки обучения: для первого разряда – одна неделя; для второго разряда – две недели, для третьего – три недели, для четвертого – один месяц. Обучение предполагалось проводить во время призывов коммунаров на учебные сборы с освобождением последних от всех служебных обязанностей. Четвертый разряд подлежал обучению в первую очередь. Программа обучения была относительно гибкой: при невозможности нахождения коммунара на учебных сборах весь срок, программа делилась на два периода по двенадцать дней с недельным перерывом. Периоды обучения опирались на времена года и сезонность работы. Практические занятия проводились преподавалась в период с 15 мая по 16 июня, в октябре и ноябре, а теоретические – в зимний сезон.

15 мая 1922 г. в соответствии с приказом по ЧОН Екатеринбургской губернии при штабе был сформирован отдел снабжения, состоявший из 9 сотрудников, при этом, штаты не соответствовали производимой работе, и сотрудники отдела не справлялись со своими задачами. Отрицательно на деятельности отдела также сказывались частая смена личного состава и перевод сотрудников в другие подразделения штаба. Денежное довольствие личному составу штаба ЧОН выплачивалось хозяйственным отделом губернского военкомата, однако в марте 1922 г. по причине отсутствия ресурсов выплаты были прекращены. Продовольственное довольствие выделялось магазинами и складами в соответствии с количеством распределенных отделом снабжения пайков, однако по губернии продуктами питания коммунары были обеспечены лишь на 60%¹.

С мая по декабрь 1922 г. отделом снабжения было получено и распределено: 269 шинелей, 115 суконных нательных рубах, 565 летних гимнастерок, 15 суконных шаровар, 869 летних шаровар, 373 летних фуражек, 284 папахи, 1348 комплектов нательного белья, 150 пар носков, 176 утиральников, 62 пары летних портянок, 80 пар сапог, 667 пар ботинок, 380 красноармейских значков, 200 поясных ремней, 500 ружейных ремней, 30 патронташей, 17 пулеметов «Сент-

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

Этьен», 85 лент к пулеметам, 85 000 патронов к винтовке «Лебеля», 26 000 русских патронов¹. ЧОН губернии испытывали острый недостаток в короткоствольном оружии и боеприпасах. Значительная часть вооружения и артиллерийского имущества требовала ремонта или была непригодна к использованию. Ремонт оружия был невозможен из-за отсутствия собственной ремонтной базы. Из предметов инженерного имущества за весь период существования коммунистических отрядов было получено: 40 полевых микротелефонов с фониическим вызовом, 3 фунта прорезиненной ленты, 9 комплектов бланков телефонограмм, 1 гальванометр, 20 сухих элементов, 20 водоналивных элементов, 15 верст кабеля. Степень обеспеченности ЧОН Екатеринбургской губернии инженерным имуществом оценивалась как неудовлетворительная².

Весной 1922 г. в соответствии с приказом штаба ЧОН Екатеринбургской губернии были сформированы комиссии, целью которых являлась проверка состояния коммунистических отрядов в уездах и волостях. Инспектирование показало, что большинство подразделений губернии «не имеют должной организации и снабжения»³. Снабжение личного состава продовольствием и вооружением налажено не было, обучение военному делу не производилось, ощущался острый недостаток в руководящих кадрах. В фондах Государственного архива в г. Ирбит сохранился отчет о проверке Ирбитского ЧОН⁴. В отчете указано: «Ирбитский ЧОН находится в хаотическом состоянии и весь состав такового, начиная с командиров, не соответствует как по командно-хозяйственной, так и по административно-политической линии своему назначению»⁵. В отчете по результатам проверки командир Егоршинского взвода ЧОН А. Попов был отправлен под трибунал за недостачу 502 патронов, 48 шаровар, 48 телогреек и 48 обеденных ложек⁶. Начальником Екатеринбургских ЧОН была отмечена полная

¹ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 62.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. Р. 1156. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.

⁴ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 17. Л. 25–30.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ ГАСО. Ф. Р. 1156. Оп. 1. Д. 127. Л.13.

антисанитария при отпуске продуктов личному составу, которая способствовала ухудшению эпидемиологического состояния в подразделениях.

Зимой и весной 1922 г. руководство ЧОН обсуждало вопросы о сокращении кадрового состава и более широком применении милиционных кадров. Это было связано с необходимостью снижения расходов на снабжение кадрового состава продуктами пайками. Так, 22 мая 1922 г. на одном из заседаний Совета ЧОН было решено уменьшить численность кадрового состава на территории республики до 25-30 тысяч человек¹.

16 июня 1922 г. в губернии проводился централизованный учебно-поверочный сбор личного состава Частей особого назначения². Целью сбора было определение реального числа коммунаров и уточнение уровня их военной подготовки. Для сборов была сформирована комиссия, которая без предупреждения посещала места расположения региональных ЧОН. Учебно-поверочные сборы показали, что около 30 % коммунаров не обладали необходимым уровнем здоровья и были зачислены в состав ЧОН только для улучшения общих показателей местных партийных организаций. Например, в составе Ирбитских ЧОН в 1922 г. числился 82-летний старик³.

Летом 1922 г. в Частях особого назначения впервые проходило плановое обучение милиционного и кадрового состава. В этот период впервые появились развернутые недельные планы и программы обучения для разных разрядов коммунаров. Целью обучения являлся перевод всей массы милиционного состава в первый разряд. Так для перехода из второго разряда в первый, коммунар должен был изучить действия в составе взвода и роты, штыковой бой, стрелковое дело, тактическую подготовку, ночной и уличный бой, основы службы в ЧОН, уставы, пулеметное и гранатное дело, а также специальную технику. Для перехода из третьего разряда в первый дополнительно изучались действия одиночного бойца и

¹ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии ... С. 172.

² ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 129. Л. 45.

³ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 24. Л. 57.

шереножный строй. По окончании обучения коммунары сдавали экзамен, результаты которого и являлись основанием для перевода в более высокий разряд.

Обучение милиционных кадров проходило параллельно с основной трудовой деятельностью личного состава. Частый отрыв личного состава, имевшего узкую квалификацию, от своей основной работы негативно сказывался на объемах производства и рабочем процессе. В начале июля 1922 г. приказом по ЧОН Екатеринбургской губернии был закреплён порядок обучения коммунаров узкой рабочей специализации. В соответствии с данным порядком, по ходатайству администрации предприятий занятия могли переноситься на нерабочее время и проводиться по месту основной занятости бойца.

Кадровый состав проходил обучение согласно отдельной программе, которая помимо занятий по тактике применения Частей особого назначения предусматривала специальные курсы, разъяснявшие цели и задачи коммунистических подразделений. Обучение милиционного состава производилось на местах, кадровый состав для прохождения курсов отправлялся в Екатеринбург. Помещения и инвентарь для учебных целей предоставлялись местными военными комиссариатами. Всего в губернии подлежало обучению 8 396 человек из которых к концу 1922 г. было экзаменовано 5 124 коммунара¹.

Подготовка личного состава позволила значительно поднять боевую ценность ЧОН, однако уровень военного образования остался крайне неоднородным. Как правило, подразделения определенной территории комплектовались по уровню подготовки коммунаров, так, например, во 2-ю роту Ирбитского Отдельного назначения батальона включали только лиц с недостаточным уровнем подготовки. Данные части негласно являлись формированиями «второго сорта» и применялись с учетом подготовленности кадрового состава².

Процесс обучения коммунаров сталкивался с рядом проблем, главными из которых были недостаток учебных классов, нехватка продуктов питания, отрыв

¹ ГАСО. Ф. Р.115. Оп. 1. Д. 127. Л. 14.

² Там же. Л. 9.

квалифицированных кадров от управленческих и производственных процессов. На заседании Совета Частей особого назначения Екатеринбургской губернии было решено предоставить уездным Советам ЧОН право разбивать личный состав на группы, с последовательным обучением каждой из них, а также установить середину марта 1923 г. – крайним сроком прохождения обучения всех коммунаров губернии¹.

Несмотря на поднятие общего уровня дисциплины в Частях особого назначения фиксировалось совершение различных проступков. Так, 7 июля 1922 г. командующий ЧОН губернии Я. М. Терентьев передал в трибунал дело бывшего командира 1-го Отдельного назначения Екатеринбургского полка А. Чистякова. В вину последнего вменялось неисполнение оперативных приказов и подлог документов в целях введения руководства в заблуждение. Также А. Чистяков обвинялся в «угрозах застрелить командующего Частями особого назначения губернии за предание

Чистякова суду»². В это же время за растрату денег и продовольствия был исключен из партии командир Камышловских коммунистических отрядов Дубровкин, а его дело было отправлено в Революционный трибунал³.

18 сентября 1922 г. на должность командующего Частями особого назначения Екатеринбургской губернии был назначен С. Т. Акулов⁴. В это же время произошла замена личного состава штаба Частей особого назначения (полный именной список Штаба Частей особого назначения Екатеринбургской губернии см. в приложении Г). С этого момента партийная принадлежность в выборе руководящего состава отошла на второй план, уступив свое место военному и организационному опыту. Личный состав штаба ЧОН лишь на 25% состоял из членов партии, однако большая часть сотрудников имела боевой опыт и образование⁵. Подобный отбор позволил к середине 1923 г. организовать систему

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. 10. Оп. 1. Д. 23. Л. 136.

² ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 127. Л. 23.

³ Там же. Л. 16.

⁴ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 156. Л. 145–146.

⁵ Там же.

документооборота и учета кадров, наладить обучение и улучшить систему снабжения частей особого назначения. Данный момент является знаковым в истории Частей особого назначения. Административные, кадровые и хозяйственные проблемы, возникшие в ходе создания и деятельности отрядов в 1919-1922 гг., показали, что без привлечения внепартийных кадров, имевших организационный опыт, невозможно дальнейшее развитие и положительное применение Частей особого назначения. ЧОН перестали быть структурой, основанной на партийном единении и превратились в центры военного обучения и содействия охране общественного порядка.

В середине января 1923 г. в Части особого назначения Екатеринбургской губернии были разосланы обязанности старших ячеек по учету, командиров взводов и памятки рядовым бойцам ЧОН. Данные материалы впервые формально закрепляли деятельность всех звеньев частей особого назначения, определяли сферы их ответственности и виды отчетности¹.

18 января 1923 г. на заседании ЦК РКП(б) было решено ограничить численность кадрового состава ЧОН в пределах республики до 8 000 человек, при этом увеличив армию на 5 тысяч человек². Сокращение численности личного состава ЧОН было связано с постепенным осознанием утопичности основ формирования армии, основанной на временном привлечении личного состава. В то же время количество лиц кадрового и милиционного состава коммунистических подразделений Екатеринбургской губернии составляло 10 507 человек³. Подробные количественные показатели личного состава ЧОН по уездам представлены в приложении Д.

19 февраля 1923 г. согласно постановления Екатеринбургского Губкома началось обучение пулеметных команд. Обучение проводилось на местах, от региональных подразделений выделялось по 15 бойцов милиционного состава и один кадровый сотрудник. Обучение пулеметному делу было связано с появлением

¹ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 134. Л. 90.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 330. Л. 5.

³ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 115. Л. 29.

на вооружении частей пулеметов Сен-Этьен и Кольта, которые имели сложное устройство и требовали подготовки личного состава¹. В это же время во всех частях губернии формировались команды пеших разведчиков по штатам пехотных батальонов, основной задачей которых являлось проведение фронтовой разведки во время активных боевых действий².

К весне 1923 г. значительно улучшилось материальное положение Частей особого назначения Екатеринбургской губернии. В продовольственном отношении части были обеспечены, хотя и в меньшей степени, чем Красная Армия. Кадры ЧОН и милиционный состав во время плановых и экстренных сборов получали уменьшенный красноармейский паек. Однодневный продовольственный набор состоял из 2,5 фунтов хлеба, 24 золотников крупы, 32 золотников мяса, 7 золотников соли. Дополнительно ежемесячно выдавалось 0,5 фунта картофеля, 5 золотников табака, 0,5 фунта кофе, 3 коробка спичек и 3 листа бумаги в месяц³.

Состояние стрелкового оружия и артиллерийского имущества также оценивалось, как удовлетворительное. Вооружение, требовавшее мелкого ремонта, исправлялась силами самих частей, неисправные образцы сдавались в артиллерийские склады военного ведомства. С диаграммой, отражающей обеспеченность коммунистических отрядов стрелковым оружием и гранатами, можно ознакомиться в приложении Е.

В марте 1923 г. была введена одна ставка врача, в задачи которого входило обслуживание всего кадрового и милиционного состава губернии, а также ставка ветеринарного врача⁴. Стоит сказать, что вышеуказанные специалисты физически не справлялись с поставленными задачами, а очередь на прием была расписана на многие месяцы вперед. В Екатеринбурге работали кузнечная, портновская и сапожная мастерские, обеспечивавшие личный состав ЧОН, однако ощущался острый недостаток в инструментах.

¹ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 4.

В этот период начались систематические выплаты заработной платы командному составу, однако ощущалась острая нехватка материальных ресурсов, необходимых для поддержания текущей деятельности. Общее улучшение материального положения было связано не только с упорядочиванием внутренних процессов, но и с привлечением шефских организаций, оказывавших помощь местным коммунистическим отрядам. Назначение организаций осуществлялось на заседаниях местных партийных органов, на этих же заседаниях устанавливались минимально допустимые объемы помощи. Как правило, шефами становились производственные организации, способные оказывать помощь в виде натуральной продукции. Так, в списке шефов 308-го Камышловского батальона числилось 17 организаций, среди которых мельница № 26, Кожзавод № 1 и Хлебопродукт¹.

Несмотря на общие положительные тенденции, проявлялся и ряд проблем. Так, полностью отсутствовали средства на телеграф и почтовые расходы. В одном из отчетов о деятельности губернских ЧОН указывалось: «Корреспонденция задерживается и лежит целыми неделями без движения, ожидая попутчика. Руководящие приказы поступают с большим опозданием, например приказ № 188 от июля получен только в январе»². На командировки комсостава в пределах губернии средства также не выделялись, что значительно тормозило выполнение различных заданий руководства. Отсутствие технических средств связи, а также автомобильного и мотоциклетного транспорта не позволяло инспектировать части, расположенные в удалении от железных дорог.

В начале мая 1923 г. приказом по частям особого назначения Приволжского военного округа была установлена новая программа обучения комсостава. Помимо политических занятий, а также изучения типов вооружения и действий подразделения в различных боевых условиях, предусматривалось преподавание таких предметов, как психология и логика³. Занятия проводились на местах

¹ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 156. Л. 9.

² ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 115. Л. 168.

³ Там же. Л. 174.

дислокации подразделений, однако по причине отсутствия специалистов многие дисциплины не преподавались.

9 марта 1922 г. на заседании ЦК РКП(б) обсуждались вопросы, связанные с применением Частей особого назначения. На заседании было принято постановление, согласно которого несение нарядной службы должно было осуществляться только по острой необходимости, а применение ЧОН в качестве усиления милиции допускалось только в крайних случаях¹. Части особого назначения рассматривались советским правительством не только в качестве средства борьбы за внутреннюю власть, но и как сила, способная содействовать отражению внешней агрессии. В преддверии начала Московской конференции по сокращению вооружений на заседании ЦК РКП(б) обсуждался вопрос об упразднении ЧОН в случае сокращения армий пограничных государств².

В 1922 г. Части особого назначения принимали участие в поимке уголовных группировок. В июле 1922 г. в районе Иткульского озера действовала банда под руководством Газизова, а в 52 верстах от Екатеринбурга в деревне Мурзинка оперировала группа Зонова-Черемшанова. Обе преступные группировки были рассеяны губернскими ЧОН к августу 1922 г. Более серьезным противником являлась группа Дремина, которая занималась разбоями, грабежами и убийством советских работников на границе Красноуфимского и Кунгурского уездов. Руководитель банды Дремин, в прошлом рядовой русской армии, первоначально являлся одним из руководителей борьбы против Советской власти на территории Красноуфимского уезда. Организованные вооруженные формирования повстанцев, руководимые Дреминым, получили в декабре 1920 г. серьезное поражение и были рассеяны. С 1921 г. Дремин принимал активное участие в разбойных нападениях на магазины и склады. Трижды преступник задерживался милицией, однако каждый раз удачно бежал из-под конвоя и скрывался в лесах. К лету 1922 г. постоянный состав банды достиг 15 человек, на вооружении которых

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 441. Л. 3-5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 323. Л. 1.

находилось 10 винтовок, 3 револьвера и 1 ручная граната. Для борьбы с бандой Дремина из состава Красноуфимских ЧОН была выделена оперативная группа в составе 10 человек под руководством А. Хлузова¹. Во время боя банда была рассеяна, 5 преступников арестовано, изъято 3 пехотные и 2 кавалерийские винтовки, 2 обреза и 1 револьвер «Наган»².

В августе 1922 г. в Ирбитском уезде организованные группы осуществляли нападения на населенные пункты, во время которых грабили магазины и склады, а также целенаправленно атаковали советских работников. Для борьбы с преступностью была сформирована оперативная группа из сотрудников милиции и ЧОН. Было выяснено, что один из руководителей бандитского движения В. Закин скрывается в с. Ключи. Оперативная группа, представившись дезертирами, выяснила у В. Закина, что в уезде действует банда, целью которой является организация контрреволюционного восстания в г. Ирбит. В итоге руководители подпольной организации были задержаны, а 13 августа началась операция по поиску остальных участников банды³.

Части особого назначения Екатеринбургской губернии также принимали участие в различных праздниках и официальных мероприятиях. Так, Нижне-Тагильские коммунистические формирования привлекались к участию в празднике «годовщины подсчета сил и достигнутых успехов», а Шадринские ЧОН широко отмечали «дни урожая». Во всех городах губернии парадом были отмечены дни Октябрьской революции. На парадах Частям особого назначения были вручены знамена, а личный состав принял присягу.

В моменты массовых мероприятий по линии ЧОН в городах Екатеринбургской губернии объявлялось военное положение. Наряду с усиленными нарядами РККМ к охране общественного порядка привлекался кадровый и милиционный состав ЧОН. Помимо открытого патрулирования улиц из состава наиболее проверенных кадров формировались секретные дозоры,

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп.1. Д. 140. Л. 61.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 213. Л. 89.

работавшие в районах расположения государственных учреждений под видом обычных граждан. Секретные дозоры не только должны были следить за подозрительными личностями и при необходимости организовывать их задержание, но и наблюдать за выполнением своих обязанностей милиционерами и красноармейцами.

В начале 1923 г. политические противники власти на территории Урала были подавлены. Свобода торговли, провозглашенная в рамках новой экономической политики, вызвала накопление капитала частными лицами. Крупные суммы, находящиеся в руках граждан, стали желаемой добычей мошенников и преступников разных уровней. Страну в целом и территорию Урала в частности захватила волна уголовной преступности. Милиция, находящаяся в стадии формирования, не могла полностью противостоять организованным бандам и в октябре 1923 г. начальником ЧОН республики А. К. Александровым был издан приказ, в котором оговаривалась необходимость всесторонней поддержки Частями особого назначения органов милиции в деятельности, связанной с уничтожением преступных группировок¹. В губерниях были сформированы отдельные отряды ЧОН, целью которых являлось оказание помощи органам охраны правопорядка в борьбе с бандитизмом. Подобные подразделения были созданы в Московской, Ярославской, Тверской губерниях, однако на Урале такая практика не имела места. В своем исследовании Д. С. Кулаков приводит выдержки из отчета начальника разведывательной службы Екатеринбургских губернских ЧОН А. Тараканова. Так, в документе 1923 г. указывалось: «Активных действий ЧОН по борьбе с бандитизмом и дезертирством не принимал, ибо оперировавшие по губернии банды Дремина, Семенова, Брыглова, и др. имели всецело лишь уголовный характер, благодаря чему, борьба с таковыми велась лишь органами угрозыска и милиции. В данном отношении агентурной сетью ЧОН принимались лишь меры к

¹ Гаврилова Н. Г. Деятельность Коммунистической партии по руководству частями особого назначения в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (на материалах Тульской, Рязанской, Иваново-Вознесенской губерний) ... С. 160.

выявлению преступных элементов, их состава и местах пребывания»¹. В отчетах об оперативной деятельности губернских Частей особого назначения отмечалось: «В основном в конце 1922 – в 1923 гг. основная задача ЧОН – караульная работа и охрана государственных сооружений»².

С апреля 1923 г. в Екатеринбургской губернии и на смежных ей территориях была запущена процедура районирования, направленная на формирование Уральской области. Объединение сельскохозяйственных губерний с центром в крупном промышленном городе являлось опытом, направленным на практическую проверку государственных планов нового экономического районирования. Так, Екатеринбургская губерния должна была объединиться с Челябинской, Тюменской, и Пермской с центром в г. Екатеринбург. Вместе с изменением границ регионов также происходило укрупнение и объединение управленческого аппарата. 9 декабря 1923 г. был созван Уральский областной съезд Советов, а 15 декабря исполкомы Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губернии прекратили свое существование и были заменены единым Уральским областным исполнительным комитетом³. Совместно с объединением партийных органов произошло изменение структуры управления Частей особого назначения. В начале ноября 1923 г. из штаба ЧОН Екатеринбургской губернии был сформирован штаб ЧОН Уральской области, а Части особого назначения переформировывались в подразделения округов и районов⁴.

Подводя итог, необходимо отметить, что длительный процесс формирования государственных и политических органов Екатеринбургской губернии привел к тому, что создание коммунистических частей началось осенью 1919 г. Отряды начали формироваться в Екатеринбурге и ряде уездных городов, таких, как Ирбит, Шадринск, Нижний Тагил, Камышлов. В фондах центральных и местных архивов представлено крайне малое количество документов, содержащих информацию о

¹ Кулаков Д. С. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. Цели создания. [Электронный ресурс]. URL // <http://demos.eetk.ru/special.html> (Дата обращения 03. 12. 2017).

² ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 115. Л. 178.

³ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919–1923 гг. ... С. 38.

⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140. Л. 100–107.

создании Частей особого назначения в 1919 г. Это связано с низким темпом организации отрядов, отсутствием единой системы управления и документооборота. В целом формирование местных отрядов происходило в соответствии с постановлениями центра, однако выделялся и ряд местных особенностей. В 1919 г. Отряды особого назначения Екатеринбургской губернии испытывали недостаток кадров, имеющих военный опыт. Период характеризуется отсутствием четкой организации системы обучения и несения внутренней службы.

Части особого назначения Екатеринбургской губернии в 1919 г. не являлись боеспособными и не могли повлиять на военно-политическую ситуацию в регионе.

Период с начала 1920 г. по середину 1921 г. для отрядов особого назначения Екатеринбургской губернии можно назвать временем поиска путей развития. Отсутствие единой схемы снабжения отрицательно сказывалось на боеготовности частей, а недостаток преподавательских кадров и общий социально-экономический кризис привели к невозможности внедрения удовлетворительной системы обучения. Включение отрядов особого назначения в структуру Всевобуча по расчетам политической власти должно было способствовать улучшению уровня военной подготовки личного состава и централизации управления коммунистическими частями. Однако дефицит административных и кадровых ресурсов, а также недостаток нормативной базы стали главными причинами «застоя» в развитии коммунистических частей. В целом отряды особого назначения оставались слабо организованной силой, неспособной противостоять противникам советской власти. Ухудшение политической ситуации в начале 1921 г. привело к форсированному поиску путей развития отрядов особого назначения, результаты которого выразились в выделении их из системы Всевобуча и формировании самостоятельной структуры управления.

Период 1921-1923 гг. можно считать временем интенсивного развития коммунистических подразделений. В это время в их составе были созданы разведывательные отделы, определен мобилизационный и текущий учет имущества. В поисках оптимальных форм подразделения постоянно переформировывались. Менялась их боевая структура, состав штабов и

хозяйственных отделов. В это время коммунистические подразделения применялись для усиления милиции, а также как караульные и охранные отряды.

Кадровым вопросам в данный период также уделялось особое внимание. В конце 1922 г. личный состав Частей особого назначения был разделен на очереди призыва по состоянию здоровья и разряды военной подготовки. В это же время впервые было проведено плановое обучение личного состава коммунистических подразделений, позволившее поднять уровень их боевой подготовки. К весне 1923 г. улучшилось материальное положение коммунаров и вырос уровень обеспечения личного состава вооружением и снаряжением.

К середине 1923 г. Части особого назначения Екатеринбургской губернии превратились в силу, способную эффективно противостоять внутренней агрессии. Однако применить подразделения в боевой обстановке так и не удалось. В 1924 г. в связи с стабилизацией политического состояния региона был запущен процесс «свертывания» Частей особого назначения. Катализатором к упразднению подразделений послужил приказ по ЧОН СССР № 191/189, опубликованный 24 сентября 1924 г. В соответствии с данным приказом деятельность коммунистических подразделений ограничивалась только лишь районами с неблагоприятной политической обстановкой. В других районах ЧОНЫ предполагалось полностью ликвидировать. Это в полной мере относилось и к уральским ЧОН, процесс расформирования которых был полностью завершён к началу 1925 г.

ГЛАВА 3. Развитие органов рабоче-крестьянской красной милиции Екатеринбургской губернии

3.1. Милиция в период организации управленческих структур Екатеринбургской губернии

Большевицкая власть, окончательно установленная на территории Екатеринбургской губернии летом 1919 г., имела слабую социальную поддержку. Тяжелое экономическое состояние, отсутствие продуктов питания, распространение эпидемий, а также крупные объемы внутренних миграций населения вызвали необычайный всплеск преступности и дезертирства. Кроме того, на территории губернии действовали группы идейных противников новой власти. В целях укрепления позиций советского руководства и сохранения структуры нового общества требовалось скорейшее создание органов охраны правопорядка.

В Екатеринбурге милиция была сформирована к концу июля 1919 г.¹ Начальником милиции был назначен Ушаков², общий штат составляли 200 сотрудников из которых почти половина ранее служила в царской полиции или милиции правительства А. В. Колчака³. Город был разбит на 14 милицейских отделов, во главе которых стояли проверенные и опытные коммунисты⁴.

Управление милиции включало отделы: общий, паспортный, отдел регистрации актов гражданского состояния, а также канцелярия. Правовыми основами формирования и деятельности милиции служил ряд документов, опубликованных в 1918-1919 гг.

¹ Шведов В. В. Формирование структур управления органов милиции на Среднем Урале (1919–1924 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 2.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

⁴ По губернии // Уральский рабочий. – 1919. – № 28. – С. 2.

5 октября 1918 г. коллегией НКВД РСФСР было утверждено положение «Об организации уголовного розыска»¹, которое предусматривало создание при губернских управлениях милиции и крупных городах подразделений Уголовного розыска. Постановление «О рабочей милиции», опубликованное 10 ноября 1918 г. закрепляло необходимость создания органов охраны правопорядка местными Советами и устанавливало ответственность региональных гражданских и военных властей в вопросах снабжения милиции снаряжением и оружием². 12 октября 1918 г. были опубликованы инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», 21 февраля 1919 г. постановление ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны»³, а 29 апреля 1919 г. положение «О речной советской рабоче-крестьянской милиции»⁴. К лету 1919 г. большая часть указанной выше нормативной документации не соответствовала социально-политическим реалиям и требовала глубокой корректировки с учетом накопленного опыта.

Инструкции не только определяли цели и задачи милиции, но и оговаривали ее двойное подчинение: на местах органы охраны правопорядка управлялись Советами, однако в целом руководство осуществлялось Народным комиссариатом внутренних дел. Особое внимание в инструкциях уделялось подбору личного состава и порядку взаимодействия милиции с государственными органами⁵. В целях сохранения кадровых сотрудников, 3 апреля 1919 г. СНК был издан декрет, в котором наряду с закреплением полного государственного обеспечения милиции и создания ее специализированных видов, оговаривался вопрос о правилах мобилизации в Красную Армию сотрудников органов охраны правопорядка. Так, в

¹ Токарева. С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 г. //Историко-правовые проблемы. 2016. № 17. С. 4

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 1. М.: Издательство Управления делами Совнаркома, 1942. С. 15

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Издательство Управления делами Совнаркома СССР, 1943. С. 73–74.

⁴ О речной советской рабоче-крестьянской милиции Известия ВЦИК. – 1919. – № 4. – С. 2.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. ... С. 1031– 1037.

армию могло быть призвано не больше 1/5 командного состава, и 1/3 милиционеров от общего числа сотрудников региональных подразделений¹.

31 июля 1919 г. при Военно-революционном комитете Екатеринбургской губернии был сформирован Губернский отдел управления (Губотуправ). Находясь в двойном подчинении у Ревкома (позже у губернского исполкома) и НКВД РСФСР, Губотуправ наряду с комплексом иных задач, курировал вопросы, связанные с охраной общественного порядка. 8 августа 1919 г. при Губотуправе были сформированы пять подотделов: Общий, Информационно-инструкторский, подотдел Губмилиции, Отдел регистрации актов гражданского состояния, Бюро уголовного розыска. Подотдел Губмилиции был разбит на два отдела: общегубернской и железнодорожной милиции. Нехватка опытных руководящих кадров привела к тому, что в некоторых случаях лицо, обладавшее необходимыми компетенциями, занимало несколько должностей. Так, Н. Печурин занимал одновременно посты начальников общегубернской и железнодорожной милиции².

Основной задачей общегубернской милиции являлась охрана общественного порядка в городах и уездах, тогда как железнодорожная милиция должна была блюсти революционный порядок на станциях Пермской железной дороги. В качестве отдельного органа деятельность которого выражалась «в производстве розыска, расследовании, дознании с целью раскрытия преступлений, пресечения начинавшихся и предупреждения готовящихся преступлений»³ был сформирован отдел Уголовного розыска под руководством Т. Косякова⁴.

В октябре 1919 г. на должность начальника Губмилиции был назначен П. Г. Савотин, который принимал участие в Первой мировой войне, был несколько раз контужен и ранен, обладал организационным опытом и имел лидерские качества⁵. Руководство Губотуправа считало первостепенной задачей организацию аппарата управления Екатеринбургской губернской милиции, а также выведение милиции

¹ О призыве // Известия ВЦИК. – 1919. – № 5. – С. 1.

² ГАСО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

³ ГААСО Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 187. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 28.

из-под контроля уездных партийных структур. В начале октября 1919 г. в составе Губмилиции был сформирован инструкторский подотдел, состоящий из двух инструкторов. В задачу инструкторов входила организация милиции в уездах, а также подготовка документации, направленной на унификацию процессов формирования и деятельности органов охраны правопорядка.

В это же время была сформирована структура губернских органов охраны правопорядка. Екатеринбургская губернская милиция находилась в тройном подчинении. На государственном уровне Губмилиция подчинялась Главной милиции республики (Главмилиции). Руководящим органом Главмилиции являлась коллегия, включавшая одного представителя ЦК РКП(б), представителя ЧК и сотрудника милиции¹.

На уровне Губернии милиция контролировалась Губотуправом и Губчека. Причем, если милиция входила в Губотуправ на правах подотдела, то Губернская Чрезвычайная комиссия взаимодействовала с органами охраны правопорядка, опираясь на постановление «О взаимоотношениях между местными ЧК и милицией», принятое на Третьей Всероссийской конференции ЧК в июне 1919 г.² Комиссия ограничивалась требованием от милицейского руководства отчетов о политическом состоянии вверенных территорий, а также осуществляла производство по контрреволюционным делам.

Высшим совещательным органом губернской милиции являлась Коллегия, а любые взаимодействия с территориальными подразделениями осуществляла канцелярия. При канцелярии имелся резерв, состоявший из пеших и конных милиционеров. В составе Губмилиции были выделены: административный отдел, материальный отдел, арестный дом, адресный стол и политический секретариат. Административный отдел выполнял функции кадрового подразделения, курируя практически все вопросы, связанные с личным составом. Материальный отдел, в свою очередь состоял из трех подотделов и обеспечивал снабжение милиционеров питанием и вооружением. В задачу политического секретариата входило обучение

¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 87.

личного состава, ведение статистики, а также проведение политзанятий с милиционерами¹. Структурная схема подчинения Екатеринбургской губернской милиции представлена в приложении Ж.

В уездах при исполнительных комитетах были выделены управления уездной и уездно-городской милиции, которые по всем рабочим моментам отчитывались либо перед Губмилицией, либо перед представителями ЧК. Во главе управления милиции Екатеринбургского уезда стоял начальник, у которого имелись два помощника: по уезду и по городу. Также в управлении была выделена канцелярия, находящаяся под руководством секретаря. Штат канцелярии составляли два секретаря, два делопроизводителя, два помощника делопроизводителя, один регистратор, один заведующий арестным домом, одна машинистка, семь переписчиков, один пеший курьер и конный резерв для связи с уездами в количестве 25 человек². В г. Екатеринбург была выделена городская милиция, находившаяся в непосредственном подчинении начальника уездно-городской советской милиции. В соответствии с численностью населения город был разбит на пять районов, районом руководил начальник, в подчинении которого находилась определенная часть города. Начальник отчитывался непосредственно перед начальником уездно-городской советской милиции. В распоряжении начальника городской милиции имелся помощник, а также 25 старших и 296 младших милиционеров³. Канцелярия Екатеринбургской городской милиции состояла из одного делопроизводителя, одного регистратора, двух переписчиков и одного сторожа⁴. К концу 1919 г. почти все милиционеры являлись либо членами РКП(б), либо кандидатами в партию⁵. При районах милиции функционировали коммунистические ячейки и читальни. Важной задачей милицейского руководства являлось поселение всех милиционеров в общежития в целях своевременной мобилизации личного состава. Данный процесс в связи с тяжелым экономическим

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 25.

положением не был завершен до конца существования Екатеринбургской губернии. В одном из отчетов, составленным по результатам обследования милиции Екатеринбургской губернии, временно исполняющий должность начальника губернской милиции С. А. Борхаленко отмечал: «Дело с общежитиями состоит плохо. Местный жилищно-квартирный отдел не разрешает занимать общежития, однако милиция должна быть сконцентрирована и при первом призыве собраться»¹.

Екатеринбургский уезд был разбит на 12 участковых районов, в число которых входило 73 волости с населением 490 997 человек². При каждом участковом районе уездной милиции имелся начальник милиции, его помощник, старшие милиционеры, по числу входящих в район волостей и младшие по числу населения. Во всех 12 районах милиции Екатеринбургского уезда насчитывалось 85 старших и 490 младших милиционеров³. Отделения милиции Екатеринбургского уезда располагались следующим образом: 1-й Район: Невьянский завод; 2-й район: Верх-Нейвинский завод; 3-й район: Режевской завод; 4-й район: Билимбаевский завод; 5-й район с. Богорякское; 6-й район Верхне-Уфалейский завод; 7-й район: Каслинский завод; 8-й район: Кыштымский завод; 9-й район Нижне-Исетский завод⁴. В распоряжении начальника района имелся пеший резерв, который использовался в целях сопровождения арестованных и в качестве усиления милиции в непредвиденных случаях.

Милиция Красноуфимского уезда находилась в подчинении уездно-городской милиции, управление которой было расположено в г. Красноуфимск. Штат управления составляли начальник, помощник начальника, секретарь, 2 делопроизводителя, регистратор, заведующий арестным домом, заведующий адресным столом, машинистка, 4 переписчика, курьер и конный разъезд в составе 15 человек. Общее количество сотрудников в городе составляло 4 старших и 46

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 25.

² Там же.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же.

младших милиционеров¹. В уезд входило 49 волостей с населением 296 807 человек². Всего в уезде числилось 50 старших и 227 младших милиционеров³.

Уезд был разбит на 11 районов. Территория 1-го района охватывала границы г. Красноуфимск, а во 2-й район входили окрестности города. Управления районной милиции располагались: 3-го района в с. Сарамильском, 4-го района в Суксунском заводе, 5-го района в с. Богородском, 6 района в с. Кленовском, 7-го района в с. Арти, 8-го района в с. Азигулово, 9 района в с. Итгинское, 10 района в Нязепетровском заводе, 11-го района в Сылвенском заводе⁴. С. А. Борхаленко в своих отчетах указывал: «Красноуфимская милиция отличается своей неорганизованностью ввиду дальнего расстояния и глухих мест. Есть еще такие углы, что милиция в них думает, что она поставлена для того, чтобы творить все, что ей вздумается»⁵.

Еще одним удаленным районом являлся Верхотурский уезд. Управление уездно-городской милиции располагалось в г. Верхотурье. Общее руководство милицией осуществлял начальник, который имел двух помощников: один отвечал за работу милиции в городе, другой в уезде. В состав уезда входило 64 волости с населением 395 618 человек и г. Верхотурье с населением 5 000 человек⁶. Город был выделен из уездных районов, на его территории функционировала отдельная городская милиция в составе двух старших, десяти младших и трех конных милиционеров. Уезд был разбит на девять районов, службу в которых несли 257 старших и младших милиционеров. Районные начальники располагались в Ново-Лялинском заводе, в Черноисточинском заводе, Алапаевском заводе, в Кушвинском заводе, в Нижне-Салдинском заводе, в Надеждинском заводе, в с. Меркушино, в безуездном г. Нижний Тагил и на Туринских рудниках. Вся участковая милиция уезда формировалась исключительно силами местных

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 27.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 28

⁶ Там же. Л. 29.

ревкомов¹. Милиционеры Верхотурского уезда в большей степени являлись либо бывшими работниками царской полиции, либо служили в органах охраны правопорядка белого правительства. Заселение милиционеров в общежития организовано не было, и сбор личного состава в случае тревоги занимал довольно большой временной промежуток.

Ирбитский уезд был расположен ближе к г. Екатеринбург, чем два предыдущих уезда, однако на его территории действовали вооруженные группы, сочувствовавшие белым. Милиция Ирбитского уезда находилась в непосредственном подчинении уездно-городского управления, состоявшего из начальника, его помощника, одного секретаря, одного делопроизводителя, регистратора и заведующего арестным домом. Уезд был разбит на пять волостных и один городской район, каждым районом руководил начальник и его помощник. Всего в уездной милиции числилось 45 старших и 105 младших милиционеров².

Милиция Шадринского уезда была сформирована позже остальных по причине дефицита кадров, что было вызвано нежеланием населения быть привлеченными для работы в органах охраны правопорядка. Штат управления уездно-городской милиции составлял начальник, его помощник, секретарь и два делопроизводителя. Уезд был разделен на девять районов: первый район – Усть-Багарякская волость; второй район – Теченская-русская волость; третий район – Песчанская волость; четвертый район – Белоярская волость; пятый район – Долматовская волость; шестой район – Ольховская волость; седьмой район – Смолинская волость; восьмой район – Каргопольская волость; девятый район – г. Шадринск. В милиции г. Шадринск числилось 65 старших и 268 младших милиционера, по территории уезда эти цифры выражались в 65 старших и 256 младших милиционеров³.

Милиция Камышловского уезда также была разделена на городскую и уездную. В городской милиции числилось четыре старших и сорок младших

¹ ГААСО. Ф. Р-128. Оп.1. Д. 8. Л. 4.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 30.

³ Там же. Л. 31.

милиционеров. По уезду, разделенному на 42 волости, с общим населением 315 318 человек числилось 43 старших и 252 младших милиционера¹. Было также выделено семь милицейских районов, охватывающих территорию окрестностей г. Камышлов, Талицкого завода, с. Саткинское, с. Закамышловское, с. Ново-Пышминское, с. Катайского и Каменского завода.

Управление железнодорожной милиции находилось в г. Екатеринбург и состояло из одного заведующего, одного делопроизводителя одной машинистки, двух конторщиков, одного курьера-сторожа. Губернская железнодорожная милиция была разделена на 13 участков. Первый участок включал станции Екатеринбург-1, Екатеринбург-2, Исток, Косулино, Баженово. Всего на первом участке работало семь старших и 61 младший милиционер. Управление второго участка было расположено на ст. Кузино и контролировало пять ближайших станций и разъездов. Третий участок располагался на ст. Невьянск и включал в себя пять ближайших станций, четвертый участок на ст. Уфалей, пятый на ст. Реж, шестой на ст. Нижний Тагил, седьмой на ст. Верхотурье, восьмой на ст. Алапаевск, девятый на ст. Егоршино, десятый на ст. Богданович, одиннадцатый на ст. Камышлов, двенадцатый на ст. Красноуфимск.

По причинам острого недостатка кадров и недостаточного уровня снабжения, железнодорожная милиция была не в состоянии осуществлять охрану подконтрольных участков. Обычными случаями являлись разбор путей на дрова и умышленная порча полотна. Так, 28 сентября 1919 г. у железнодорожного моста через р. Исеть в районе Верх-Нейвинского завода путевыми обходчиками были обнаружены две бомбы с 65 патронами динамита. Кто и с какой целью собирался взорвать мост, выяснено не было. В отчете по расследованию данного инцидента инструктор милиции А. Кондратьев писал: «Охрана железной дороги оставляет желать лучшего. На станции Исеть – 3 милиционера, на ст. Таватуй – 4 милиционера, на ст. Верх-Нейвинск – 3 милиционера, на ст. Невьянск – 28 милиционеров. При этом все эти милиционеры вооружены лишь пистолетом».

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 26.

трехлинейными винтовками»¹. Осенью 1919 г. Народный комиссариат внутренних дел и Совет рабоче-крестьянской обороны, опасаясь полной остановки железнодорожного транспорта, поручили местным отделам управления возложить ответственность за неисправности железнодорожного полотна на население. В октябре 1919 г. губернский отдел управления издал постановление, в котором указывалось: «Всякую порчу железнодорожного полотна возложить на всех граждан круговую их порукою. Установить полное бдительное наблюдение за районами. На каждый район населения возлагается обязанность установить тщательный контроль за лицами, вызывающими подозрения»².

При формальном закреплении структуры железнодорожной, губернской и уездной милиции, недостаточно проработанной являлась схема подчинения волосной милиции. Несмотря на функционирование центрального губернского органа милиции, волостная милиция подчинялась местным исполкомам, что вносило определенные проблемы, связанные с отсутствием единого руководства.

Нехватка нормативной базы, ощущавшаяся на первоначальном этапе, негативно сказывалась на кадровых и организационных вопросах, а отсутствие связи с рядом уездов не позволяло своевременно обмениваться информацией. Некоторые приказы по Губернской милиции, официально опубликованные в Екатеринбурге, достигали дальних районов Верхотурского или Красноуфимского уездов лишь спустя месяц.

Уголовный розыск Екатеринбургской губернии был сформирован как самостоятельное подразделение и на первом этапе практически не взаимодействовал с общей милицией. Начальником Уголовного розыска был назначен И. К. Поротов, который в конце октября 1919 г. был заменен Я. С. Уральским. Должность помощника начальника занял А. Ф. Коновалов. Начальник и помощник начальника имели высшее юридическое образование и до 1917 г. занимались частной юридической практикой³. Отделение Уголовного розыска от

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–6.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–38.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 34.

милиции негативно сказывалось на качестве работы. Часто дела, связанные с уголовными преступлениями, находились в одновременном производстве обеих структур, при этом между подразделениями отсутствовала какая-либо коммуникация. В своем отчете Я. С. Уральский писал: «Уголовные преступления в губернии средние, а в Екатеринбурге выше среднего. Проблема, что Уголовный розыск работает не в контакте с милицией»¹.

28 сентября 1919 г. были изданы положения о работе Уголовного розыска². В соответствии с нормативным документом, первостепенной административной задачей Уголовного розыска являлся сбор материалов об уездах. Это было необходимо для разделения территории губернии на районы, количество которых должно было исходить из общей населенности, числа преступлений и степени отдаленности от центра региона. Документ также закреплял инструкции сотрудников органов сыска. Так, заведующий руководил всей работой, представлял отчеты о деятельности Уголовного розыска заведующему Губотуправа, принимал заявления о преступлениях, следил за ходом дознаний, требовал от агентов ежедневных докладов³.

В начале октября 1919 г. при губернском отделе Уголовного розыска были сформированы столы личного состава (начальник стола – Решина), хозяйства (начальник стола – Пестов), привода и справок (начальник стола – Решин), находок и розыска (начальник стола – Пастухов). Формирование отделов было необходимо в целях разделения сфер ответственности и создания рабочей структуры Уголовного розыска. Стол личного состава занимался учетом сотрудников, расчетом финансов и подготовкой кадровой документации. В задачи сотрудников стола хозяйства входило обеспечение сотрудников Уголовного розыска вооружением, снаряжением, продуктовым пайком и канцелярскими товарами. Стол привода и справок был ответственен за регистрацию правонарушений и прием заявлений от населения, а стол находок и розыска занимался приемом

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 12–15.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 6–8.

³ Там же.

заявлений на розыск граждан и вещевого имущества. Также были введены шесть ставок помощников начальника Уголовного розыска губернии. Первый помощник контролировал работу розыскной части, второй и третий помощники были ответственны за выемки, аресты, осмотры мест происшествий, четвертый и пятый помощники вели дознания и отвечали за всю юридическую часть, шестой помощник вел отчеты и контролировал работу Уголовного розыска в уездах¹.

На съезде начальников уездных и городских управлений милиции, проходившем 5 октября 1921 г., было определено положение волостной милиции, которая перешла в подчинение уездных управлений. Также по результатам съезда была официально закреплена максимальная продолжительность работы милиционера на одном территориальном участке (до перевода на новое место службы), которая не должна была превышать 4 месяца². Съезд также определил необходимость усиления Уголовного розыска и формирования его отделений в уездах. Первые отделения Уголовного розыска были сформированы в Верхотурском и Ирбитском уездах. Начальником отделения Уголовного розыска Ирбитского уезда был назначен агент первого разряда Маркелов, Верхотурского уезда – агент первого разряда Поляков³. Для качественного формирования органов милиции в уездах было решено увеличить штат инструкторов и признать необходимыми выезды начальников Губмилиции на места⁴.

25 декабря 1919 г. состоялось совещание представителей главного управления милиции и начальников железнодорожного транспорта. На совещании было решено организовать бесплатную отправку служебной информации телефонной и телеграфной связью для сотрудников милиции и Уголовного розыска⁵. Однако, уже в начале 1920 г. были введены ограничения на телеграфные сообщения, которое составляло 300 слов в сутки на всю губернскую милицию⁶.

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 60.

² Зарождение милиции на Среднем Урале. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/gumvd/history> (дата обращения 02. 12. 2017).

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 87. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁶ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 37.

На первоначальном этапе среди милиционеров было выделено две категории: младшие и старшие милиционеры. Старшими милиционерами становились наиболее грамотные и опытные сотрудники, часто выполнявшие функции начальников участков. Число старших милиционеров, как правило, составляло 30-50% от общего числа личного состава милицейских участков¹.

Дефицит работников с опытом в сфере охраны правопорядка привел к тому, что в некоторых районах некомплект милицейских кадров превышал 50-70%. Часто руководящий и рядовой состав милиции имел низкий уровень образования, а также привлекался из числа лиц, проходивших службу в полицейских формированиях. Например, в конце ноября 1919 г. большая часть верхотурских милиционеров состояла из бывших сотрудников полиции, или лиц, служивших в белой армии, а начальник Верхотурской милиции И. Кашин был малограмотен². Кроме того, в губернской милиции служило большое количество инвалидов, лиц моложе 18 лет и работников по иным причинам не подходящих для службы в органах внутренних дел³.

На первоначальном этапе существования милиции, недостаток кадров позволял органам РККМ действовать лишь в пределах Екатеринбурга, без охвата территории уездов⁴. Там формирование органов милиции находилось в ведении местных партийных структур и практически не контролировалось губернскими властями. Зачастую местные милицейские формирования применялись руководством в своих нуждах. Так, в Ирбитском уезде милиционеров использовали в качестве посыльных⁵.

В октябре 1919 г. появилась нормативная документация, определяющая критерии для приема на службу, обязанности и круг ответственности должностных лиц, состоящих в рядах органов сыска. Так, на должность агентов Уголовного розыска не могли назначаться лица, состоящие под следствием, подвергшиеся

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96. Л. 25.

² Там же. Л. 15.

³ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

⁴ ГАСО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁵ Там же.

лишению или ограничению в правах, осужденные за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, скупку краденного. Также ограничения действовали на лиц, прибегавших к наемному труду с целью извлечения прибыли, живших на нетрудовой доход, служащих или агентов бывших жандармских отделений, чинов бывшей полиции, а также членов бывшего императорского дома. При вступлении в должность каждый агент давал подписку о неразглашении служебной тайны. Сотрудник находился в непосредственном распоряжении заведующего бюро и помимо отчетов о дознании отправлял руководству отчеты о настроениях в подконтрольном районе. Дознание по разрабатываемым делам агент обязан был закончить в течение пяти дней с момента регистрации преступления. Агент имел право использовать личное оружие в случаях непосредственной угрозы жизни, а также в те моменты, когда не было иных средств для задержания преступника. При выявлении политических преступлений сотрудники Уголовного розыска должны были передавать информацию в Чрезвычайную комиссию и Революционный трибунал, не приступая к самостоятельным следственным действиям.

31 октября 1919 г. губернской милицией была опубликована инструкция, регулировавшая набор необходимого количества сотрудников городских и уездных милиций. Документ предусматривал зависимость количественных показателей личного состава милиции от плотности населения. Так, необходимая численность милиционеров Екатеринбурга оценивалось в 2 730 человек. Для остальных территорий губернии количество милиционеров рассчитывалось из показателей: два милиционера на тысячу человек для городов и территорий с населением от 10 до 30 тыс. человек, и три милиционера на тысячу человек для территорий с населением от 30 до 50 тыс. человек¹. Количество сотрудников Уголовного розыска определялось циркуляром Главмилиции № 1672, опубликованным 26 мая 1919 г.² Согласно документу, все региональные бюро Уголовного розыска в зависимости от населенности территорий и социально-

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 89.

политических особенностей были разделены на три категории штатов. Территория Екатеринбургской губернии была включена в штаты второй категории, для которой численность агентов составляла 10% от среднемесячного числа преступлений. Всего по штатам количество милиционеров, сотрудников уголовного розыска, а также число вспомогательного персонала должно было составлять 4 481 человек¹. Однако, реальные цифры отличались от норм, закрепленных в инструкции. Так, к началу декабря 1919 г. на территории губернии числилось 2 660 сотрудников Уголовного розыска и милиционеров всех должностей².

Серьезной проблемой начального периода формирования милиции Екатеринбургской губернии являлась текучесть кадрового состава. Тяжелая экономическая ситуация в регионе не только сделала работу в милиции непопулярной, но и явилась причиной массовых увольнений. Для сохранения боеспособности милицейское руководство пыталось внедрить ряд мер, способствующих сохранению кадрового ядра. Например, каждый работник милиции, при устройстве на работу заполнял не только опросный лист, но и давал подписку об обязательной службе сроком не менее пяти месяцев³. Опросный лист, подписка и анкета милиционера вместе с рапортом начальника района отправлялась начальнику Управления Уездно-городской милиции, который приказом утверждал работника в должности. Увольнение сотрудников милиции могло производиться по докладу начальников управления Уездно-городской милиции. Вынесение любых кадровых вопросов на уровень начальника Управления Уездно-городской милиции было связано с поиском политически благонадежных сотрудников, а также борьбой с самостоятельными назначениями на должности не подходящих кадров.

Дезорганизацию в работу милиции также вносили частичные или общие мобилизации милиционеров в Красную армию. Местные военные комиссариаты часто действовали вразрез с декретом СНК от 3 апреля 1919 г. и иногда под

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 478. Л. 7, 8.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

³ Там же. Л. 30.

мобилизации попадало до 70% личного состава милиции. Среди кадровых проблем также можно выделить высокий уровень преступности среди милиционеров. Так, в период с конца октября 1919 г. до начала мая 1920 г. зарегистрировано 246 преступлений, совершенных сотрудниками милиции¹. Большинство преступлений было связано с незаконным присвоением чужого имущества и денежных средств, взяточничеством и хищениями, однако не редкими были и уголовные преступления. Например, сотрудник Красноуфимской милиции Г. Фарафонов был уволен за сокрытие следов убийства девяти человек².

Из-за нехватки мужского населения в милицию привлекались женщины, причем их прием мог быть осуществлен только по рекомендации партийных органов или женотдела. Накануне поступления на службу женщины обязаны были проходить двухнедельное военное обучение. В первую очередь женщины привлекались для выполнения вспомогательных административно-хозяйственных работ.

Примечательной особенностью являлось то, что руководящий состав милиции назначался из лиц, проживающих на других территориях, а командный состав и старшие милиционеры подлежали переброске из уезда в уезд каждые 5-6 месяцев. Данные меры были выработаны в целях предотвращения развития коррупции, однако в большей степени оказали отрицательное влияние на качественные показатели деятельности. За короткий срок работы сотрудники милиции не успевали войти в курс дел и понять региональную специфику.

Наравне с кадровыми проблемами трудности наблюдались в организации снабжения органов милиции вооружением. Личный состав на 80% был не вооружен, половина наличных винтовок была неисправна. Острая потребность наблюдалась в пистолетах, необходимых для вооружения командного состава. По причине отсутствия оружия не редкими были случаи побега заключенных от конвоировавших их милиционеров³. Согласно постановления Наркомгоста от 20

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 37.

октября 1918 г., задачу снабжения милиции должны были решать местные военкоматы¹. На практике милиция снабжалась по остаточному принципу. Основную часть вооружения органов охраны правопорядка Екатеринбургской губернии составляли устаревшие винтовки «ГРА» и «Бердана», револьверы «Смит и Вессон», а также различные гражданские модели. Наравне с недостаточным количеством, моральным устареванием и физическим износом вооружения, существенной проблемой являлось отсутствие боеприпасов. В некоторых случаях милиционеры, вооруженные редкими образцами оружия, самостоятельно занимались поиском боеприпасов².

Не лучшим образом складывалась ситуация со снабжением милиционеров униформой, снаряжением и продуктами питания. Не хватало сапог, гимнастеров, шаровар. Милиционеры не только не имели единообразия в униформе, но иногда ходили в лаптях или босиком³. В одном из докладов П. Г. Савотин писал: «Невозможно строго спрашивать даже с самых сознательных милиционеров об исполнении долга перед пролетарской революцией, когда милиционер не имеет ничего»⁴. Согласно декрету от 3 апреля 1919 г., милиция должна была снабжаться красноармейским пайком, однако на практике милиционеры в полной мере не получали продукты питания до середины 1920 г.

По причине тяжелого экономического кризиса финансовые расходы на органы охраны правопорядка были минимизированы. В некоторых районах заработная плата не выплачивалась на протяжении трех-четырех месяцев, а уровень заработных плат не позволял сотрудникам милиции обеспечивать свои семьи продуктами питания. Средняя зарплата младшего милиционера в конце 1919 – начале 1920 гг. составляла 2 100 рублей⁵, в то же время рыночная цена на муку в середине 1919 на Урале колебалась в районе 120 руб. за пуд, а ежемесячный рост цен превышал 20-30%⁶. В отдельных случаях для организации работы

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 38.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 40.

³ Там же. Л. 39.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 95.

⁶ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. ... С. 258.

милиционеры вкладывали свои средства. Так, инструкторы Губмилиции, по долгу службы посещавшие уездные и волостные населенные пункты, самостоятельно оплачивали командировочные расходы.

Основными направлениями деятельности Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска являлась борьба с кражами, организованной преступностью, дезертирством и самогоноварением.

В период с 1 октября 1919 г. по 1 мая 1920 г. на территории Екатеринбургской губернии было совершено 1 255 преступлений, из которых раскрыто 819¹. До 80% правонарушений, совершенных на территории губернии, было связано с кражами, разбоями, присвоением чужого имущества и денежных средств. Несмотря на это, работники милиции часто получали ранения или гибли. Так, в перестрелках с дезертирами и криминальными бандами в декабре 1919 г. было убито 12 милиционеров и 3 ранено².

Особенностью источниковой базы изучаемого вопроса является крайне малое количество документов, отражающих применение органов милиции и Уголовного розыска. Это связано с тем, что в 1919 г. система документооборота органов охраны правопорядка Екатеринбургской губернии не была до конца оформлена. Отчеты, содержавшие информацию об основной деятельности, которые поступали в региональные органы управления, не передавались в ведомственные архивы и в большей степени были утрачены.

3.2. Задачи и деятельность органов милиции в 1920–1922 гг.

Начало 1920 г. было связано с дополнительным выделением в составе губернии трех новых уездов, а также с организацией четырех новых уездно-городских управлений Советской рабоче-крестьянской милиции. В соответствии с

¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 180. Л. 1.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.

новыми административно-территориальными границами из состава Верхотурского а были выделены Нижне-Тагильский, Алапаевский и Надеждинский уезды. Верхотурский уезд, был разбит на три района: центром первого района был г. Верхотурье, второго района – с. Меркушинское, третьего района – Ново-Лялинский завод. Нижне-Тагильский уезд с общим населением 194 621 человек был разделен на четыре района. Милиция первого района контролировала территорию г. Нижний Тагил, в границы второго района входил Кушвинский завод и его окрестности, центр третьего района находился в с. Черноисточинское, четвертого – в Нижне-Салдинском заводе¹. Надеждинский уезд был разбит на два милицейских района с центрами в Надеждинске и Богословске. Первый район Алапаевской милиции контролировал г. Алапаевск с прилежащими, второй – с. Топорковское и окрестности, третий – с. Нейво-Шайтанское².

29-31 января 1920 г. в Москве проходил 3-й Всероссийский съезд заведующих отделами управления исполкомов³. Наряду с комплексом управленческих вопросов на съезде обсуждались пути развития советской милиции. Для улучшения качественных показателей было решено набирать командный состав милиции исключительно из проверенных коммунистов, а для ведения в органах охраны правопорядка политической работы было предложено создать при уездных управлениях политотделы.

Месяцем позже, на IV Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий, было решено упразднить должности уездных уполномоченных ЧК и внедрить вместо них политические бюро (политбюро)⁴. В задачи сотрудников политбюро входил политический надзор за вверенными территориями и борьба с проявлениями контрреволюции. Политические бюро были сформированы при уездно-городских управлениях милиции и одновременно

¹ ГААСО Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 29. Л. 356.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 20–21.

³ Щеткин С. В. Милиция на Южном Урале 1921–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 56.

⁴ Кашин В. В. На службе у государства: органы государственной безопасности города Нижний Тагил ... С. 102.

подчинялись губернской ЧК, начальнику милиции и местным исполкомам. Новое подразделение управлялось уполномоченным, который в то же время являлся помощником начальника уездно-городской милиции. В Екатеринбургской губернии о создании политических бюро было официально объявлено 2 марта 1920 г. Спустя месяц подразделения действовали во всех без исключения уездах¹. Создание политических бюро было связано не только с поиском оптимальной структуры уездных чрезвычайных комиссий, но и с необходимостью усиления партийного влияния и общего контроля над органами милиции.

В этот же период при Губернской милиции были созданы инспекторский, культурно-просветительский отделы, отдел общей милиции, снабжения и промышленной милиции. Инспекторский отдел был сформирован с целью организации работы инструкторов по формированию органов милиции в уездах. Первоначально руководителем инспекторского отдела был назначен С. А. Борхаленко², который 1 апреля 1920 г. был заменен А. Ф. Ивениным³. Культурно-просветительский отдел был ответственен за политическое воспитание сотрудников. Уже к середине 1920 г. в Екатеринбурге был открыт клуб, библиотека-читальня, организовывались митинги и концерты. Советская рабоче-крестьянская милиция, занимавшаяся охраной городов и уездов, была выделена в отдел общей милиции, организацией снабжения милиционеров оружием, снаряжением, специальным имуществом и канцелярскими товарами в губернском масштабе занимался отдел снабжения.

Промышленная милиция занималась охраной заводов и фабрик, борьбой с хищениями на предприятиях, проверкой законности скупки драгоценных металлов, а также пресекала незаконную добычу полезных ископаемых, являвшихся государственной монополией. В ее штате к 1 апреля 1920 г. числилось 666 человек. Начальником промышленной милиции был назначен Коновалов⁴.

¹ Кашин В. В. На службе у государства: органы государственной безопасности города Нижний Тагил ... С. 102.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 39.

³ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁴ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 90.

Интересной особенностью является то, что в Екатеринбургской губернии промышленная милиция появилась раньше, чем ее существование было официально закреплено в общегосударственных нормативных актах. Необходимость формирования специализированной промышленной милиции на территории Екатеринбургской губернии была связана с полным отсутствием контроля в сфере добычи и сбыта драгоценных металлов, а также с необходимостью расширения географии районов, контролируемых властью. В соответствии с приказом по губернской милиции от 5 марта 1920 г. № 769 и приказом от 15 апреля 1920 г. № 1250 в пределах Верхотурского уезда началось создание горной милиции¹.

6 апреля 1920 г. была опубликована временная инструкция, согласно которой бюро Уголовного розыска официально вошло в структуру милиции на правах отдела. Управление губернского Уголовного розыска располагалось по адресу: г. Екатеринбург, пр. Ленина, 39 и состояло из начальника губернского розыска и шести помощников. В обязанности помощников входила административная деятельность, руководство районными отделениями и официальное производство дознаний. Отдельно была выделена канцелярия, штат которой составляли восемь человек. Канцелярия делилась на столы: стол личного состава, хозяйственный стол, стол розыска, стол находок, стол регистрации, стол привода арестованных, стол движения арестованных, статистический стол, стол фотографии и музея. Работа Уголовного розыска была недостаточно формализована в сфере проведения розыскных работ. В докладе старшего помощника начальника губрозыска Шилова отмечалось: «В инструкциях Уголовного розыска нет указаний, должна ли обязательно при уездных отделениях наравне с губернским Уголовным розыском производиться регистрация с обязательным дактилоскопическим снятием, а также не указано о фотографии. Однако, это является действенными методами борьбы. Вторым методом борьбы является применение дрессированных собак-ищеек»². В этот же период отдел Уголовного розыска был разделен на уездно-городской,

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 90.

² Там же. Л. 39.

разведывательный (тайный) и справочно-регистрационный отделы. Уездно-городской отдел курировал работу Уголовного розыска на территории губернии, сотрудники тайного отдела вели негласное наблюдение за вверенными территориями с целью выявления преступных организаций, в сферу ответственности сотрудников справочно-регистрационного отдела входило составление личных дел на преступников и ведение рабочей переписки.

Начальником губернского бюро Уголовного розыска был назначен Я. Ф. Прокопьев¹. Он являлся активным участником революционных событий 1905 г., в 1906 г. был осужден и отправлен в двухгодичную ссылку в Архангельскую губернию. В 1917 г. принимал активное участие в митингах и манифестациях, а 1-го декабря 1917 г. был назначен председателем ЧК Каменского завода. В годы Гражданской войны Я. Ф. Прокопьев командовал карательным отрядом «красных дружинников», а также являлся начальником особого отдела Северного экспедиционного отряда С. В. Мрачковского². К моменту назначения на пост Я. Ф. Прокопьев обладал боевым опытом и управленческими качествами.

В целях усиления охраны особых объектов, для подавления контрреволюционных выступлений и более эффективной борьбы с дезертирством и бандитизмом 25 мая 1920 г. в отдельных губерниях приступили к созданию показательного батальона отдельного назначения³. В состав батальона входили две роты пехоты с пулеметной командой общей численностью 409 человек, одного конного эскадрона численностью 133 человека, и хозяйственная команда численностью 96 человек⁴. Батальон формировался из личного состава милиции разных губерний и при необходимости должен был оперативно прибыть в любой регион государства. В соответствии с приказом Главмилиции из состава Екатеринбургской Губернской милиции необходимо было выделить 50 пеших милиционеров – коммунистов, либо сочувствующих партии. Сбор батальона по

¹ Восстановление среднеуральской милиции и ее деятельность после разгрома Колчака. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/gumvd/history> (дата обращения 02. 12. 2017).

² Белоусов В. А. Мы смерти смотрели в лицо // Каменский рабочий. – 1965. – № 45. – С. 3.

³ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

⁴ Там же.

тревоге должен был осуществляться силами начальников Губернской милиции по телеграфному распоряжению Главмилиции. Для переброски личного состава в точку сбора местные железнодорожные организации должны были предоставлять необходимое число вагонов. Стоит сказать, что идея создания батальона особого назначения, так и не получила полноценного воплощения. В связи с глубоким экономическим кризисом и перебоями в работе железнодорожного транспорта оперативная переброска личного состава из регионов была невозможна.

10 июня 1920 г. декретом ВЦИК было утверждено новое «Положение о рабоче-крестьянской милиции»¹. Документ основывался на многочисленных нормативных актах 1919–1920 гг. и закреплял юридический статус милиции. В Положении указывалось, что милиция подчиняется органам НКВД на местах, а в ее составе выделялась городская, уездная, промышленная, железнодорожная, водная и розыскная милиция. Для каждого вида милиции определялись цели, задачи и сферы ответственности. Милиция рассматривалась как военный исполнительный орган, а статус ее определялся как «вооружённые части особого назначения»². При Главном управлении Милиции утверждался единый руководящий орган Уголовного розыска – Центррозыск. Первоначально работа Центррозыска была не организована и слаба. Так, с момента учреждения и до конца 1920 г. было опубликовано всего лишь 4-5 руководящих приказов по Уголовному розыску³. «Положение о рабоче-крестьянской милиции» предусматривало формирование параллельных руководящих органов милиции, Уголовного розыска и административных отделов. Внедрение «Положения о рабоче-крестьянской милиции» было необходимым в целях упорядочивания нормативной документации, формирования единой структуры подчинения и создания узкоспециализированных милицейских подразделений. Однако стоит отметить, что структура органов охраны правопорядка не была оптимальной. Практически с

¹ Щеткин С. В. Милиция на Южном Урале 1921–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 56.

² Петров А. В. Система советской милиции: Проблема развития в 1919-1921 гг. (региональный аспект). //Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 134.

³ Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. – 1923. – № 11. – С. 11.

первых дней функционирования оказалось, что ведение переписки и документооборота между местными и центральными органами управления было затруднено по причинам необходимости согласования деятельности центральных административных органов, органов милиции и Уголовного розыска.

В связи с необходимостью поднятия уровня дисциплины органов охраны правопорядка, организации планомерного обучения личного состава, а также для применения милиции в качестве полноценного армейского подразделения, летом-осенью 1920 г. в Екатеринбургской губернии был запущен процесс реорганизации структуры милицейских формирований¹. Милиция была сведена в полк, ответственным организатором и командиром был назначен С. А. Борхаленко². Подразделение делилось на девять рот, при нем была организована команда пеших разведчиков с расчетом по 10 человек в роте³. С начала года 80% младших и средних милиционеров было переброшено между районами губернии. переброска кадрового состава приводила к тому, что милиционеры находились в самых худших условиях и вели агитацию против такой жизни⁴. 5 октября 1920 г. при милиции был сформирован кавалерийский эскадрон. Подразделение в случае необходимости экстренно собиралось в Екатеринбурге из конных милиционеров, выделяемых каждым уездом. Командиром сводного эскадрона был назначен помощник начальника Екатеринбургской губернской милиции Н. Д. Лебедев⁵.

В сентябре 1920 г. полк был преобразован в Отдельную милиционную бригаду, получившую порядковый номер 47. Бригада была разделена на три батальона, штабы которых располагались в крупных городах губернии. Так, штаб первого батальона был расположен в г. Екатеринбург. Первая рота первого батальона действовала в границах г. Екатеринбург, вторая рота – в границах Екатеринбургского уезда, ответственность третьей роты распространялась на территорию Красноуфимского уезда. Штаб второго батальона располагался в г.

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 102.

² ГААОСО Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 22. Л. 347.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 103.

⁵ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 103.

Верхотурье. Четвертая рота второго батальона действовала на территории Нижне-Тагильского уезда, пятая рота на территориях Верхотурского и Надеждинского уездов, личный состав шестой роты осуществлял охрану общественного порядка на территории Алапаевского уезда. Штаб третьего батальона был расположен в г. Камышлов, ответственность седьмой роты распространялась на территорию Ирбитского уезда, восьмой роты – на территорию Камышловского уезда, девятой роты на территорию Каменского уезда, десятой роты на территорию Шадринского уезда. Штаб бригады был расположен в г. Екатеринбург и состоял из комбрига (он же – помощник начальника милиции), начальника штаба и канцелярии¹.

К концу 1920 г. формирование бригады было полностью завершено, а общая численность личного состава, включавшего в себя начальников районов, заместителей, старших и младших милиционеров, составила 1 732 сотрудника², из которых 1 077 являлись членами партии³. В это же время в промышленной милиции числилось 14 сотрудников командного состава, 8 канцелярских служащих, 42 старших и 529 младших милиционеров⁴. Численный состав сотрудников промышленной милиции не позволял в полной мере выполнять функции по охране фабрик и заводов. Сравнение количественных показателей промышленной милиции Екатеринбургской губернии по состоянию на 27 октября 1920 г.⁵ и штатных ставок представлено в приложении И. При этом на вооружении промышленной милиции стояла 41 русская винтовка, 33 винтовки «Бердан», 1 карабин, 42 винтовки «ГРА» и 14 револьверов системы «Наган»⁶. Если предположить, что все образцы оружия были исправны, то вооружено было лишь 22 % всех милиционеров губернской промышленной милиции.

¹ Восстановление среднеуральской милиции и ее деятельность после разгрома Колчака. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/gumvd/history> (дата обращения 02. 12. 2017).

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 478. Л. 16.

³ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

⁴ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 198. Л. 28

⁵ Там же. Л. 79.

⁶ Там же.

Спектр проблем не позволил поднять эффективность подразделений промышленной милиции на должный уровень и 10 февраля 1921 г.¹ в соответствии с приказом по милиции губернии был запущен процесс ее расформирования. Во все уездно-городские управления были разосланы «порядок упразднения промышленной милиции»². В соответствии с документом охрана производственных предприятий передавалась в ведение начальника губернской милиции, а весь личный состав расформированных подразделений включался в местные органы охраны правопорядка.

12 февраля 1921 г. Управлением губернской милиции на места были разосланы обязанности начальников милиции и их помощников³. Так, в обязанности районных начальников входил контроль общей работы правоохранительных органов, отправка отчетов в Управление губернской милиции, а также организация деятельности заградительных отрядов. Особое внимание обращалось на то, что каждый начальник уездно-городского управления был обязан не менее 2-х раз в месяц объезжать территории вверенных районов с целью проверки знаний милиционеров. Помощники начальников милиции должны были в случае болезни, командировки, или отпуска начальника принимать его обязанности на себя. Также в задачи помощников входило производство дознаний, распределение дежурств, а также культурно-просветительская деятельность среди милиционеров. В это же время был опубликован приказ Главмилиции, основная мысль которого сводилась к необходимости увеличения популярности отделов Уголовного розыска в уездах. Кроме обязательного выполнения всех законодательных предписаний, уездным управлениям рекомендовалось: «Ознакомить массы с работой органов Уголовного розыска, чаще командировать агентов на места, чтобы работы по раскрытию преступлений велись на глазах у низов»⁴.

¹ ГАСО Ф. Р-9. Оп.1. Д. 396. Л. 40.

² Там же.

³ НТГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

⁴ НТГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

В июне 1921 г. Главным управлением милиции был издан приказ, в соответствии с которым пересматривались армейские принципы формирования милиции. Переход от армейской структуры к территориальному формированию был связан с изменением политической и криминогенной ситуации в стране и регионе. Произошел запуск процедуры упразднения батальонов, полков и рот с последующим присоединением данных подразделений к территориальным управлениям. В целях увеличения мобильности в уездные отделения были включены транспортные службы, располагавшие легковым и грузовым транспортом, а для своевременного ремонта униформы, снаряжения и вооружения были созданы починочные мастерские. В составе политических секретариатов были выделены должности политических комиссаров, отвечавших за работу в пределах уездов, и должности политических руководителей, ответственность которых распространялась на территории районов милиции.

В целях упорядочивания работы органов охраны правопорядка и соблюдения законности в сферах непосредственного взаимодействия с населением 11 августа 1921 г., согласно приказу милиции республики¹, были введены единообразные формы ордеров на право обысков и арестов. Производство обысков и арестов без ордера строго запрещалось. Каждый ордер должен был отражаться в книге по прилагаемой форме, и мог быть подписан только начальником Уголовного розыска или его заместителем. Ордер был действителен в течении суток, однако если операция проводилась в уезде, то срок действия мог быть продлен до семи суток. При производстве обыска в обязательном порядке должен был составляться протокол, копия которого подлежала отправке начальнику милиции района и губернии. В это же время были введены книги по арестантской части, в которых регистрировались задержанные, журналы об освобождении, а также формы постановлений об аресте. Утверждение универсальных форм документов, а также четких правил арестов и обысков было необходимым в целях упорядочивания работы органов милиции и соблюдения законности в сферах непосредственного взаимодействия с населением.

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 57. Об.

В сентябре 1921 г. при политическом секретариате губернской милиции была создана политико-просветительская комиссия. Целью создания комиссии являлось «укрепление политического строя и культурного питания. Политико-просветительские комиссии организовывались лекции и беседы на политические темы, ставились сценки и спектакли. Так в Екатеринбургских клубах с большим успехом демонстрировался спектакль «Рай и Ад», поставленный местными милиционерами¹.

Наравне с изменением структуры органов охраны правопорядка, важнейшими задачами милицейского руководства являлись укрепление дисциплины, организация кадрового подбора, а также улучшение снабжения личного состава.

В целях получения информации о фактическом состоянии органов охраны правопорядка неоднократно проводились их инспекции и проверки. Так, в ночь с 31 января на 1 февраля 1920 г. исполняющий обязанности начальника губернской милиции осуществил проверку районов Екатеринбургской городской милиции. Проверка показала, что дисциплина в рядах органов охраны правопорядка находилась на низком уровне. «В первом районе милиционеры, вернувшиеся из обхода, сидели чинно в углу возле печки и вели интимные разговоры в груди. Камеру арестованных открыли по первому стуку, женская камера оказалось незапертой и не охранялась»². Во время проверки второго и третьего районов также оказалось, что милиционеры спали, оружие было не заряжено и лежало в разных местах помещения. За халатное отношение к службе начальники первого, второго и третьего районов были арестованы на двое суток.

Стоит отметить, что низкий уровень дисциплины был типичным для всей милиции Екатеринбургской губернии. Аресты начальников городской и уездной милиции за дисциплинарные проступки являлись частой практикой. Так, 21 мая 1920 г. был арестован начальник Верхотурской уездно-городской милиции

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 57. Об.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 178. Л. 7-8.

Салангин. Причинами ареста являлись «опущение по службе и непосещение вечерних занятий»¹. Дисциплина отсутствовала и в уездной милиции, например в отчетах начальника Шадринской уездно-городской милиции неоднократно отмечалось: «Милиционеры при конвоировании преступников часто без причины их бьют, или расстреливают, сводя личные счеты»².

В этот же период было проведено обследование губернской милиции, по результатам которого был сформирован общий отчет. В документе отмечалось: «некоторые районы оказались в положении ниже всякой критики. Состояние Красноуфимской и Камышловской милиции на низком уровне. За время существования милиции не оказалось основных документов. Делопроизводство не ведется»³. В отчете приводился ряд проблем милиции в масштабах всей губернии. Основной проблемой являлось отсутствие опытных кадров. «Кадры назначались не по уровню опыта, а по партийности»⁴. Дезорганизацию в ряды милиции вносило отсутствие достаточного количества нормативной документации, а также частичные или общие мобилизации милиционеров в Красную армию.

Несмотря на то, что снабжение органов охраны правопорядка армейским пайком было закреплено декретом от 3 апреля 1919, милиционеры Екатеринбургской губернии испытывали проблемы с продуктами питания. Огромные темпы инфляции и низкие размеры окладов не позволяли приобретать продукты и товары первой необходимости на свободном рынке. Отдельные милиционеры для того, чтобы обеспечить свои семьи вынуждены были подрабатывать на «черных работах», получая натуральный расчет. 4-го мая 1920 г. Советом народных комиссаров было опубликовано постановление, в котором повторно утверждалась постановка командного состава и милиционеров на полное государственное довольствие⁵. Милиция также освобождалась от гербового сбора

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

² Г. А. в г. Шадринск. Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 16. Л. 38.

³ Там же. Л. 40.

⁴ Там же.

⁵ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

на все бумаги, акты и документы делопроизводственного и имущественного характера, подаваемые в правительственные учреждения.

В июле 1920 г. в Екатеринбурге открылась школа комсостава милиции. Для занятий в школе была разработана двухмесячная программа, включавшая не только практические занятия, направленные на усвоение азов организации основной деятельности, но и обучение правилам ведения документооборота и учетных мероприятий. По окончании обучения слушатели сдавали экзамен, для приема которого формировалась комиссия в составе представителей милиции, Уголовного розыска и Губернского отдела управления. При условии успешной сдачи экзаменов милиционеры-курсанты распределялись в отделения Екатеринбургской городской милиции для прохождения стажировки. 11 сентября 1920 г. из школы были выпущены первые курсанты в составе 120 человек¹, а к 31 марта 1922 г. обучение прошел уже второй созыв комсостава милиции в составе 37 человек².

27 мая 1921 г. инспекторским отделом милиции Екатеринбургской губернии были разработаны измененные штаты уездной, городской милиции и арестных домов³. В структуру милиции на правах отделов были включены караульные команды, состоявшие из 5-7 человек, а личный состав вспомогательных подразделений выделялся в резерв милиции.

В фондах Государственного архива Свердловской области сохранились списки сотрудников губернского Уголовного розыска (см. приложение К). Данные материалы позволяют на основе просопографических методов исследования выявить общие черты руководящего состава Уголовного розыска Екатеринбургской губернии. Так, из 17 сотрудников управления, районных следователей и агентов первого разряда лишь один имел высшее и два – среднее образование. Пять сотрудников служили в Красной армии, 12 человек – в Российской императорской армии, при этом лишь 58% личного состава являлись членами партии. Анализ дает основание полагать, что уровень образования и

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 20. Л. 14–15.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

³ Там же. Л. 36–38.

управленческого опыта не позволял руководящему составу организовывать стабильную работу Уголовного розыска и оперативно расследовать возрастающее число преступлений. Стоит отметить, что в 1921 г. сотрудники Уголовного розыска Екатеринбургской губернии, имевшие высшее образование, составляли 5,8% от общего числа управленческого персонала. В это же время в масштабах всего государства числилось менее одного процента работников с высшим образованием¹.

К середине 1921 г. материальное положение милиционеров не претерпело значительных изменений. Чувствовалась острая нехватка униформы, снаряжения и вооружения. Так, в августе 1921 г. заместитель начальника политического секретариата милиции Екатеринбургской губернии А. Войцеховский в записке в губернский исполнительный комитет писал: «я поставлен в безвыходное положение. Имею только одну шинель и больше ничего. На ней приходится и спать и в ней же ходить. Нет посуды, не в чем сварить для себя обеда, нет ни чашки, ни стакана»². Данный случай является показательным и дает представление о бытовых условиях существования милиционеров.

27 сентября 1921 г., в соответствии с приказом по милиции республики № 299, были введены четкие требования к кандидатам для приема на службу в органы милиции и Уголовного розыска³. В соответствии с правилами на службу в органы охраны правопорядка мог поступить каждый гражданин, соответствовавший следующим условиям:

- Возраст кандидата к моменту устройства на работу должен был составлять не менее 21 года;
- Кандидат должен был уметь читать и писать;
- Соискатель должен был обладать избирательным правом в Советы;
- Будущий сотрудник должен был подходить к службе по состоянию здоровья и законно не состоять на действительной службе;

¹ Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. – 1923. – № 11. – С. 10.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 350. Л. 74.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 17-187.

Желающий поступить на службу должен был обратиться в ближайшее отделение милиции и там заполнить заявление по утвержденной форме. Вместе с заявлением соискатель подавал комплект бумаг, в состав которых входили анкета, документ, подтверждающий возраст и образование, справка об отсутствии судимости, документ о состоянии здоровья, справка об отношении к военной службе и согласие местного Комитета Труда. Лица, принятые на службу в милицию, зачислялись на все виды довольствия, а копия их личной карточки отправлялась в местный военкомат. Милиционеры автоматически считались мобилизованными и призыв их в ряды Красной армии был возможен только после согласования Военкоматами данного вопроса в местных отделах НКВД. Во многих случаях прием опытного кадрового состава осуществлялся с нарушением правил, указанных выше. Так, в сентябре 1921 г. на должности делопроизводителя и конторщика Губернской милиции были назначены заключенные лагеря № 1 М. П. Лесняк и А. С. Березин¹.

21 мая 1921 г. была произведена полная реорганизация штатов уездной милиции, направленная на уменьшение количества вспомогательных кадров, а 30 июня 1921 г. для осуществления следственных действий на местах в структуру отделений губернского Уголовного розыска были введены ставки следователей². Сокращению подлежали и строевые милиционеры, в частности уменьшалась численность волостной милиции, нарядов по охране сыпных пунктов и конных милиционеров. Всего сокращению подлежало 30% личного состава губернской милиции³. Число вспомогательного персонала подлежало уменьшению путем увольнения сотрудников административных и хозяйственных отделов, однако процесс реорганизации затянулся до начала 1922 г. Зачастую в уездах увольнения не производились по причинам «родственных связей и близких знакомств», а «набранные из-за пайка кадровые излишки, не положенные по штатам, тянулись за милициями еще долгое время»⁴.

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1 Д. 348. Л. 2.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–38.

³ Там же.

⁴ Там же.

Действия по уменьшению числа милиционеров привели к снижению эффективности органов внутренних дел и к ухудшению криминогенной обстановки. К началу августа 1921 г. по результатам комиссии уездных отделов было определено, что количество сотрудников по новым штатам не соответствует минимально допустимым показателям, а «осуществление охраны правопорядка и отстаивание интересов Советской власти на местах не производится»¹. 21 августа 1921 г. по всем уездным управлениям милиции были разосланы экстренные приказы, в которых оговаривались новые штаты, сокращающие численность личного состава только на 5%. Отдельное внимание обращалось на то, что сокращение должно было произойти исключительно за счет административного состава и кадров резерва без уменьшения числа милиционеров, работавших в уездах.

В 1920 г. Екатеринбургская губернская милиция занималась борьбой с кражами, мошенничеством, незаконным изготовлением алкогольных напитков и другими видами преступлений. Охрана крупных городов осуществлялась с помощью обходов и установки постов наружного наблюдения. Однако в ряде случаев по причине отсутствия обмундирования и вооружения, посты не выставлялись, а обходы совершались один или два раза за ночь. Число преступлений оставалось довольно высоким. Так, с 1 января по 1 мая 1920 г. только в городе Екатеринбурге и уезде было зарегистрировано 3 грабежа, 370 краж, 25 убийств, 284 случаев кумышкварения, 5 случаев насилия, 5 пожаров с целью поджога и 280 преступлений других видов². В губернии была развита спекуляция, выражавшаяся в обмене товаров первой необходимости на предметы роскоши. Спекулянты задерживались, обнаруженные при них вещи и товар конфисковались и передавались в продовольственные бригады для дальнейшего распределения.

Как видно из статистики, основными типами преступлений в Екатеринбургской губернии являлись кражи. Главными целями преступников были продовольственные товары, такие как масло и мука. Так, 11 сентября 1920 г.

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 143.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.

в Екатеринбурге из лавки потребительской коммуны № 16, располагавшейся на углу ул. Клубной и ул. Пушкинской, была совершена кража десяти пудов сливочного масла, одного пуда меда на общую сумму в 32 тыс. рублей. В этот же день совершена кража из лавки потребительской коммуны № 39, по ул. Архиерейской. Добычей преступников стали шестнадцать мешков муки и два бочонка сливочного масла¹. Кражи совершались также из квартир граждан. 10 сентября у гр. Васильевой, проживавшей по ул. Бороздинской, д. 9, было украдено имущество на сумму 100 тыс. рублей². Примечательно, что нападения на одни и те же лавки и квартиры совершались неоднократно с разницей в 3-4 дня. Работа милиции и Уголовного розыска была направлена на определение личностей преступников. В конце лета 1920 г. были задержаны 19 членов банды во главе с лидером А. Зыковым. При обысках у преступников было обнаружено краденое имущество на общую сумму 50 млн. рублей³.

Вопросы трудового и военного дезертирства, которое к середине 1920 г. приняло катастрофические масштабы, требовали окончательного решения. Для борьбы с дезертирством 25 декабря 1918 г. были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством (комдезы). Первоначально в задачи комдезов входили розыск, производство дознаний, конфискация имущества дезертиров и работа с их семьями. В августе 1920 г. в комитетах были сформированы специальные отделы по борьбе с трудовым дезертирством. Как правило, губернские и уездные комдезы, состоявшие из пяти–десяти сотрудников, не имели собственных вооруженных подразделений и для задержания дезертиров привлекались органы РККМ. Военные власти вели ежедневные отчеты по количеству дезертиров. Отчеты передавались в губернскую комиссию по борьбе с дезертирами, которая в свою очередь группировала списки по территориальной принадлежности и отправляла их в уездные комдезы. Из комитетов информация поступала в органы милиции, сотрудники которой осуществляли проверки домов, в случае необходимости

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 152. Л. 2.

² Там же.

³ Восстановление среднеуральской милиции и ее деятельность после разгрома Колчака. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/gumvd/history> (дата обращения 02. 12. 2017).

описывали имущество, а также организовывали задержания и плановые облавы дезертиров.

Поиск и задержание лиц, самовольно оставивших службу, были сопряжены с риском для жизни милиционеров. Так, 11 июня 1920 г. в Баранчинском заводе во время перестрелки с дезертиром Зотовым был убит младший пеший милиционер¹. 22 сентября 1920 г. во время облавы в д. Жилино Каргопольской волости Шадринского уезда были обнаружены дезертиры, скрывавшиеся в одном из домов местного обывателя. Во время длительной перестрелки погиб милиционер Кожевников. Дезертир М. Мухин, был задержан, второй дезертир совершил самоубийство². Только в октябре 1920 г. по всей губернии было задержано 1 294 трудовых и 1 716 военных дезертиров, при этом убито четыре милиционера, два ранено³.

Еще одним направлением деятельности Рабоче-крестьянской милиции являлось содержание арестных домов и охрана заключенных концентрационных лагерей. Арестные дома имелись при каждом уездном отделении милиции, в их штат входили заведующий, один помощник, два старших и два младших милиционеров⁴. В задачи арестных домов входило содержание под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступлений до решения суда, а также формирование первичных личных дел задержанных. Как и вся милицейская структура, арестные дома испытывали острый недостаток кадров, вооружения и снаряжения, который сказывался на качестве их функционирования. Побег задержанных из арестных домов являлись вполне обыденным происшествием. Так, 16 августа из Ирбитского арестного дома сбежали 6 преступников, а задержанный в г. Нижний Тагил совершил побег, напав на милиционера⁵.

Концентрационные лагеря появились на территории Екатеринбургской губернии в 1920 году. Первый лагерь размещался на территории

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 213. Л. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 25.

⁵ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 15.

Екатеринбургского завода Николаева¹. Лагеря № 2 и № 3 располагались в городах Нижний Тагил и Верхотурье. Известно, что только в Нижнетагильском лагере содержалось около тысячи человек². С января 1920 г. концентрационные лагеря «в целях охраны контингента лагерей и внутренней жизни заключенных» были обнесены колючей проволокой. Для выполнения административных функций были сформированы лагерные комендатуры в задачи которых входила не только организация жизни заключенных и их охрана, но и выполнение нарядов на работу. По требованию Комтруда заключенные лагерей могли быть отправлены на работу в сопровождении милиционеров, причем заключенные передавались сотрудникам органов охраны правопорядка под расписку. Милиционеры осуществляли охрану заключенных во время проведения работ, а также в моменты перемещения по населенным пунктам, причем старший охранной группы нес личную ответственность за дисциплину заключенных.

20 декабря 1920 г. приказом по Екатеринбургской губернской милиции был введен «Порядок предоставления Комитетам по труду военной силы»³. Согласно документу, главной военной силой Комитетов по труду (комтрудов) являлась милиция. Привлечение милиционеров для задержания трудовых дезертиров осуществлялось только после заполнения сотрудниками комтрудов заявок по определенной форме. Причем, местное милицейское командование могло предоставить мотивированный отказ от привлечения милиционеров. Появление приказа, указанного выше, было связано с необходимостью упорядочить постоянное и часто бесконтрольное использование личного состава даже в тех случаях, когда силовое вмешательство было не обязательным.

В январе – феврале 1921 г. подразделения милиции Екатеринбургской губернии принимали участие в подавлении крестьянских восстаний, захлестнувших Шадринский и часть Камышловского уездов. Для борьбы с

¹ Чевардин А. В. Польская этническая группа в России и на Урале в эпоху Гражданской войны. // Лесная наука в реализации концепции уральской инженерной школы: социально-экономические и экологические проблемы лесного сектора экономики материалы 11-й международной научно-технической конференции. Екатеринбург: 2017. С. 57.

² Там же.

³ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1 Д. 7. Л. 73.

повстанцами было сформировано мобильное подразделение – Бригада красных милиционеров. В целях создания бригады каждый уезд должен был предоставить по 10–12 обмундированных и вооруженных милиционеров. Так, в бригаду было откомандировано 16 конных милиционеров Ирбитской уездно-городской милиции. По воспоминаниям одного из милиционеров П. Н. Ягодина, 12 февраля 1921 г. милиционеры принимали участие в бою под с. Кизелбай и д. Песчанка¹. Во время боя было задержано 8 повстанцев, которые «среди улиц зверски избивали коммуниста»². Бригада также участвовала в боях под с. Тарсук, в котором милиционеры потеряли 3 человека ранеными, а противник более 100 человек убитыми³.

К лету 1921 г. количество банд значительно уменьшилось, однако столкновения милиционеров с вооруженными преступными группами на территории Екатеринбургской губернии происходили довольно часто. Так, в пределах Голубковского района Алапаевского уезда летом 1921 г. участились случаи нападений преступников на ссыпные пункты, склады и лавки. Только за июль 1921 г. на территории района было рассеяно три банды общей численностью 46 человек и задержан преступник-рецидивист Д. Чехотов⁴.

Активное применение милиции в целях борьбы с бандитизмом выявило ряд недостатков и 28 февраля 1921 г. во всех уездных отделениях милиции начался переучет оружия и артиллерийского имущества. Целями переучета являлось определение недостатка и избытка вооружения и боеприпасов, а также передача неисправного оружия в мастерские для проведения оперативного ремонта. Представленные в губернскую милицию донесения об осмотре вооружения показали, что за редким исключением оружие и боеприпасы хранились крайне небрежно. Чистка винтовок не производилась, подвижные части были покрыты коррозией: «чтобы открыть затвор у винтовки приходилось выбивать его твердым

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1 Д. 7. Л. 73.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 74–75.

предметом»¹. Боеприпасы хранились в непредназначенных для этого местах, часто вместе с продуктами питания. В некоторых случаях на открытых патронных ящиках лежали мешки с солью, тарелки с маслом и пустые консервные банки. Для устранения проблем с оружием местным управлениям милиции было предписано в срочном порядке завести книги приходов и расходов, а также при недостаточном количестве комплектов для чистки оружия отправить требования на их получение в окружные артиллерийские отделы. Оружие, по штатам не положенное милиционерам, требовалось немедленно сдать в артиллерийские отделы, а неисправные образцы отправить в мастерские Губвоенкоматов или мастерские артиллерийских складов. Для хранения оружия при уездных управлениях было предписано выделить чистые сухие охраняемые помещения, снабженные ружейными пирамидами.

В 1920–1921 г. большинство преступных группировок, действовавших по политическим мотивам, было либо уничтожено, либо рассеяно и лишено своих лидеров. Новая экономическая политика, проводимая советским руководством, стала причиной постепенного восстановления экономики и накопления в руках населения денежных масс. Новые реалии привели к тому, что преступные банды численно уменьшились, значительно возросла их мобильность, а противоправные действия производились с большей степенью скрытности. Для пресечения преступлений, установления местоположения банд, проведения задержаний и арестов требовалось применение специальных розыскных и следственных методов. К тому же для осуществления превентивных действий требовалось своевременное получение информации о планируемых действиях преступников. Для этого было необходимо внедрение агентов и формирование сети осведомителей. Действия, указанные выше, возможно было осуществить только с помощью опытных кадров и обособленной системы функционирования органов охраны правопорядка.

29 августа 1921 г. в соответствии с декретом Совета народных комиссаров был определен порядок высылки иностранцев с территории РСФСР². Любой

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

иностранец мог быть принудительно отправлен в свою страну, если его деятельность и поведение являлись не совместимыми с принципами и укладами жизни советского государства. С этого момента в задачи паспортных столов при управлениях милиции вошла регистрация, учет и контроль иностранцев, проживавших на подконтрольных территориях, а к обязанностям сотрудников общей милиции была добавлена организация поиска и задержание иностранных граждан, подлежащих депортации.

3.3. Рабоче-крестьянская милиция на завершающем этапе существования Екатеринбургской губернии

Начало 1922 г. было связано с запуском процесса ревизии уездных милицейских управлений и Уголовного розыска. По результатам проверки формировались отчеты, в которых были отмечены общие недостатки уездных отделений Уголовного розыска. Среди основных недостатков указывалось отсутствие карт уездов с нанесенными на них населенными пунктами и важными стратегическими объектами. Также обращалось внимание на неверное ведение журналов входящей и исходящей корреспонденции, личных дел сотрудников и оформление различных ордеров. Арестованные часто задерживались намного дольше сроков, оговоренных в циркулярах Губмилиции, а также было замечено несколько случаев нанесения побоев задержанным. Данные недостатки в соответствии с приказом по Губернской милиции № 21 было предписано исправить в срок до 21 февраля 1922 г.¹

В это же время в соответствии с приказом по милиции Республики № 81 была введена форма регистрационной карточки для лиц, подозреваемых в совершении преступлений². Карточка снабжалась фотографиями подозреваемых, причем

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

² Там же.

требовалось, чтобы в обязательном порядке на снимках отражался правый профиль лица со всеми особенностями строения уха. Также, обязательной составляющей регистрационной карточки являлись дактилоскопические отпечатки. Документы оформлялись в трех экземплярах, один из которых оставался в местном отделении милиции, второй отправлялся в Губернское управление, а третий в Главмилицию. Введение формы регистрационной карточки было связано с необходимостью формирования единообразной картотеки преступников, в целях оперативного определения личностей по отпечаткам пальцев и словесным описаниям.

23 июня 1922 г. в соответствии с приказом по милиции Екатеринбургской губернии № 138 было произведено слияние арестных домов милиции и Уголовного розыска¹. Слияние было необходимым в первую очередь в целях уменьшения расхода денежных средств, а также для более рационального использования командного состава. С этого момента начал функционировать губернский арестный дом, личный состав которого состоял из одного заведующего, одного помощника заведующего, выполняющего функции заведующего хозяйственной частью. Для охраны задержанных на службе при арестном доме числилось 2 старших и 12 младших милиционеров. Всего в губернии имелось десять арестных домов и один концентрационный лагерь².

В это же время приказом по милиции Екатеринбургской губернии³ были объявлены правила хранения оружия и огнестрельных припасов. При казарменном расположении оружие надлежало хранить в пирамидах с примкнутыми штыками. При расположении милиционеров на квартирах, винтовки следовало хранить в местах недоступных иным лицам, однако позволяющим оперативно извлечь оружие. «Хранить, отомкнув штык. Подвесить винтовку на прочных петлях, на прочном гвозде к стене, или потолку»⁴. Внедрение правил хранения оружия было необходимо в связи с увеличившимся количеством случаев гибели и ранения милиционеров по причинам незнания основ безопасного обращения с

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 472. Л. 16.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 24.

⁴ Там же.

огнестрельным оружием. Интересной особенностью хранения винтовок являлась необходимость нахождения затвора в открытом положении для обеспечения безопасности и минимизации возможности случайного выстрела. В соответствии с данным приказом также была введена инструкция для чистки и смазки винтовок подручными средствами. При отсутствии шомпола чистить винтовку можно было прочной бечёвкой со вставленными в нее прядями пакли. Вместо пакли могла использоваться пряжа, или даже бумага. При отсутствии необходимых средств, для чистки винтовки от порохового нагара возможно было использовать теплую мыльную воду.

В июле 1922 г. в Екатеринбургской губернии проходил процесс ликвидации трех уездов: Каменского, Алапаевского и Надеждинского. В связи с территориальными изменениями, уездно-городские управления милиции и Уголовного розыска подлежали расформированию, а их имущество и личный состав были переданы на пополнение наиболее слабых региональных подразделений. После завершения процесса административно-территориального укрупнения, штат милиции губернии насчитывал 5 478 сотрудников всех должностей при 80 повозках и 87 лошадях¹.

Период лета 1922 г. для милиции Екатеринбургской губернии характеризуется усилением мероприятий, направленных на упорядочивание делопроизводства, материального учета, а также на улучшение качественных показателей личного состава. Так, 8 июня 1922 г. в соответствии с приказом по губернии были введены правила учета и хранения секретной информации². С этого момента приказы и документация разделялись на секретные и общие. Сохранность секретных документов была возложена на начальников отделений, или лиц, равных им. 7 июня 1922 г. устанавливались правила реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ³. Отчуждение имущества могло производиться только по правилам, закрепленным в постановлении Совета труда и обороны. Конфискация

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 478. Л. 161.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 475. Л. 9–10.

³ Там же. Л. 15.

имущества в иных случаях являлась нарушением законодательства и являлось уголовно наказуемой.

Также в августе 1922г. был введен порядок составления и издания приказов¹. Документ предполагал наличие двух видов приказов: по уезду и по соответствующему управлению милиции. Особое внимание уделялось тому, что право подписи приказов могли иметь только начальники милиции уездов и их помощники.

В начале 1923 г. произошла активизация деятельности политических секретариатов милиции, которые до этого практически не работали в сферах политического воспитания личного состава. Так, на совещании руководства губернской милиции в феврале 1923 г. обсуждались итоги работы политических секретариатов за предыдущие периоды. В протоколе совещания отмечалось: «политработа милиции в Екатеринбургской губернии стоит на весьма низком уровне. Клуб не функционирует, в области школьной и библиотечной работы было сделано мало. План программы политпросветработы не охватывает губернию в целом»². По результатам совещания инспекторам политических секретариатов было предписано усилить работу по политическому и нравственному воспитанию личного состава.

Также в ряде приказов по милиции Екатеринбургской губернии закреплялись направления работы политических секретариатов³, для которых было сформировано три группы задач. В первую группу входила воспитательная работа, которая осуществлялась средствами политико-просветительских действий, а также действий, направленных на ликвидацию безграмотности и малограмотности в милиции. Вторую группу составляла работа по охране труда, социальному страхованию и обеспечению милиционеров. Третья группа задач выражалась в составлении и проведении через губисполкомы смет на работу политических

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 475. Л. 41.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 509. Л. 225.

³ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 85.

секретариатов и участия в совещаниях культурно-просветительских органов на местах.

Политическим секретариатом губернской милиции были разработаны программы занятий с рядовыми милиционерами губернии (программы школы политграмотности). Занятия проводились на местах командированными сотрудниками, общая продолжительность их составляла 7 недель¹. К 29 апреля школу политграмотности освоили 30 командиров и рядовых милиционеров губернии². Программа занятий представлена в приложении Л.

15 марта 1923 г. для Уголовного розыска Екатеринбургской губернии были введены новые штаты. Губернское управление Уголовного розыска делилось на отделы: активный, секретный, регистратура, стол привода, канцелярия и хозяйственный отдел. Во главе губернского управления стоял начальник, у которого имелось два помощника. Активным отделом руководил начальник, в отделе были выделены шесть ставок инспекторов, десять ставок агентов первого разряда и двенадцать ставок агентов второго разряда. В обязанности сотрудников отдела входило проведение дознаний и организация поисков преступников. Секретный отдел, состоявший из начальника, старшего делопроизводителя, регистратора, заведующего по регистрации преступлений, двух дактилоскопистов и разработчика карт, был ответственен за составление отчетов о политическом состоянии вверенных территорий, а также расширение агентурной сети. Сотрудники стола привода производили регистрацию задержанных и вели все делопроизводство, связанное с взятием лиц под стражу и их освобождением. Канцелярия занималась ведением всего делопроизводства, не связанного с задержанием граждан, а сотрудники хозяйственного отдела организовывали снабжение Уголовного розыска вооружением, униформой и продуктами питания. Общая численность сотрудников управления губернского Уголовного розыска

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 216.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 510. Л. 14.

составляла 61 человек, к тому же был выделен резерв транспорта, состоявший из одного легкого экипажа, одной повозки и четырех лошадей¹.

С апреля 1923 г. в Екатеринбургской губернии и на смежных территориях была запущена процедура районирования, направленная на формирование будущей Уральской области. Это выразилось не только в изменении территориальных границ, но и в перестройке систем функционирования административных органов. Последовательное изменение структуры работы государственных органов стало тормозом в деятельности руководства губернской милиции. Именно по этой причине период лета – осени 1923 г. связан с разработкой систем подчинения и функционирования милиции будущей Уральской области и характеризуется незначительным количеством документов приказного и инструкционного характера.

В это же время значительно ухудшилась криминогенная обстановка на крупных добывающих предприятиях губернии. Упразднение подразделений промышленной милиции в феврале 1921 г. стало причиной значительного увеличения объема хищений драгоценных металлов. 20 апреля 1923 г. на заседании Екатеринбургского губернского исполнительного комитета было решено: «Впредь и до разработки и введения в жизнь ВЦИКом и СНК положения о приисковой промышленной охране, в пределах Екатеринбургской губернии учреждается горно-приисковая промышленная милиция»². Вся вольнонаемная вооружённая охрана, состоявшая на службе в момент формирования горно-приисково-промышленной милиции (горпроммилиция), вливалась в аппарат губернской милиции на правах филиала последней. Функции начальника горпроммилиции выполнял начальник милиции Екатеринбургской губернии. Также были выделены ставки помощника начальника, начальника канцелярии, старшего делопроизводителя, младшего делопроизводителя и машинистки. На должность помощника начальника губернской горно-приисково промышленной милиции был

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 437. Л. 73.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 3.

назначен П. З. Ермаков, места старшего и младшего делопроизводителей заняли А. Н. Столяров и В. В. Арефьева¹.

В начале мая 1923 г. начальником милиции, совместно с правлениями горнопромышленных объединений, были установлены границы районов деятельности горно-приисково-промышленной милиции. Было выделено 5 округов: Невьянский, Косьвинский, Заозерский, Нижне-Тагильский, Исовский. Особое внимание обращалось на возможность выделения дополнительных округов в случае необходимости. Интересной особенностью являлось то, что все расходы, связанные с организацией горпроммилиции и ее функционированием, возлагались на заинтересованные промышленные организации. В то же время, сотрудники горпроммилиции являлись вооруженным органом, входящим в состав губмилиции и выполняющим, помимо специальных, все функции милиции. Создание новой узкоспециализированной горпроммилиции было связано с необходимостью укрепления общегубернской милиции и расширения районов ее охвата без материальных затрат со стороны государства.

В этот же период были определены основные направления деятельности горпроммилиции, в которые входили:

- «1. Охрана, как добываемых, так и уже добытых из недр земли богатств, в виде благородных металлов, драгоценных камней, всякого рода руд и т.п. от индивидуального и группового хищничества.
2. Недопущение незаконной разработки ископаемых.
3. Борьба с незаконной скупкой и продажей благородных металлов и других ископаемых, являющихся монопольными продуктами РСФСР.
4. В пределах приисковых сооружений контроль всех законных скупщиков Уралплатины, как в отношении их полномочий, так и в отношении правильности сдачи ими скупленного металла»².

Несмотря на относительно малое количество документации инструкционного характера для милиции в целом, в мае-июле 1923 г. было

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 10.

² Там же. Л. 3.

опубликовано большое количество приказов и распоряжений, регулировавших деятельность горпроммилиции. Данные приказы в основной массе представляли собою незначительно скорректированные для применения в новых реалиях документы, регулировавшие деятельность общей милиции. Так, в 27 июня 1923 г. были изданы «Правила хранения оружия и огнестрельных припасов» и «Инструкция для чистки и смазки винтовок подручными средствами», 28 июня введены «Требования для поступающих на службу» и «Обязательство милиционера»¹.

В мае 1923 г. начальником милиции Екатеринбургской губернии была подписана инструкция о правах и обязанностях горно-приисково-промышленной милиции. Согласно инструкции, на горпроммилицию возлагались дополнительные функции по наблюдению за личной и имущественной безопасностью граждан, а также производство дознаний, связанных с нарушением общественной безопасности и порядка. В случаях регистрации преступлений, имевших в себе признаки уголовно-наказуемых деяний, промышленные милиционеры должны были немедленно сообщить об этом органам Уголовного розыска и до прибытия его представителей принять все необходимые меры для предупреждения сокрытия и уничтожения следов преступления².

За раскрытие случаев скупки, продажи и незаконной добычи благородных металлов сотрудники горпроммилиции получали премиальное вознаграждение на основании правил, существовавших для бывшей охраны. Удовлетворение новых подразделений денежным довольствием, обмундированием, продовольствием, снаряжением, конским составом и фуражом производилось силами заинтересованных промышленных организаций. Ставки для сотрудников горнпроммилиции устанавливались начальником милиции совместно с правлением заинтересованных учреждений.

В сентябре 1923 г. в губернии был запущен процесс инспектирования округов промышленной милиции. По результатам инспекции был сформирован отчет, в

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 45, 45. Об.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 2.

котором указывалось, что дисциплина во всех округах отсутствовала, а постановка следственных мероприятий была на низком уровне по причинам отсутствия опыта у руководящего состава. Общее количество сотрудников горно-приисково-промышленной милиции составляло 131 человек, из которых 42 милиционера несли службу в Нижне-Тагильском округе, и 50 в Исовском¹. Проверка профессиональной пригодности личного состава привела к увольнению 32 сотрудников по причинам пьянства, халатного отношения и «тесной связи с приискателями»². Особое внимание уделялось тому, что во всех округах горпроммилиция была вооружена оружием старого образца. Вооружение милиционеров составляли винтовки «Бердана», «Гра», «Винчестеры», которые к тому моменту были морально устаревшими и требовали замены 3-х линейными винтовками обр. 1891 г. Командный состав был вооружен револьверами «Бульдог», для которых практически не имелось патронов. Отмечалось, что: «При сопровождении металла, на охрану из 4-5 человек могут напасть хорошо вооруженные 2-3 человека и отобрать все»³. Проблемы также наблюдались в снабжении милиционеров униформой, снаряжением, в выплатах заработной платы. «Во всех округах сводится к одному. Жалование получается с большими задержками почти на два месяца. Спецодежда получается не полностью»⁴.

Одним из первых документов, регулировавших деятельность Екатеринбургской губернской милиции в кадровой сфере явился приказ, подписанный 10 января 1922 г. П. Г. Савотиным и основанный на обследовании состояния отдела снабжения⁵. В приказе особое внимание уделялось тому, что большинство территориальных переводов личного состава не закреплялось в приказах и ведомостях. Также указывалось на то, что личный состав при переводах из одного территориального подразделения в другое не имел обмундирования и снаряжения. В одном из отчетов Савотин отмечал: «Процветает продажа, как

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 2.

² Там же. Л. 45, 45. Об.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 45, 45. Об.

⁵ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

комсоставом, милиционерами, так и агентами угрозыска выдаваемых им казенных вещей и обмундирования, чему способствует полное отсутствие учета имущества и клеймения вещей»¹. В связи с этим начальнику снабжения милиции губернии было предписано пересмотреть кадровый состав всех отделов снабжения, а «за хаотичное состояние снабжения милиции на местах» предать суду руководство Каменской, Ирбитской и Камышловской милиции. В дополнение к данному приказу были изданы и разосланы в региональные управления милиции правила выдачи обмундирования командному составу, милиционерам и агентам Уголовного розыска. В соответствии с правилами отменялись любые сроки ношения униформы, а зимнее обмундирование выдавалось только лишь на холодное время. В собственность милиционеров униформа и снаряжение не переходили, а образцы, пришедшие в негодность сдавались в хозяйственные органы по специальным актам. Также отдельно отмечалась необходимость исключительно бесплатной выдачи униформы и снаряжения как комсоставу, так и рядовым милиционерам.

24 января 1922 г. для милиции Екатеринбургской губернии устанавливались правила оплаты проезда лиц, фигурировавших в следственных делах. Так, при отправке повестки, лицу передавалось «предложение» на бесплатный проезд к месту вызова². «Предложение» действовало на всех железных дорогах страны и практически моментально стало использоваться недобросовестными сотрудниками органов охраны правопорядка для своих целей. В феврале 1922 г. в Екатеринбургской губернии были зарегистрированы случаи фиктивных вызовов в следственные органы для организации бесплатного проезда своим друзьям или родственникам³.

Низкий уровень социально-бытового обеспечения привел в начале 1922г. к росту преступности в среде милиционеров, связанной с взяточничеством, вымогательством и присвоением чужого имущества. Например, инспектор 5-го

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 49. Об.

³ Там же.

района В. А. Калитин и агент 1-го разряда В. А. Маркус были задержаны при вымогательстве взятки от граждан Когана и Трейфуса в размере 2 000 000 руб.¹ В феврале – марте 1922 г. была раскрыта преступная организация, состоявшая из начальника хозяйственного отделения Камышловской уездно-городской милиции И. А. Кислицина, каптенармуса Камышловской уездно-городской милиции П. К. Заостровских, помощника каптенармуса Камышловской милиции И. П. Мясникова, начальника резерва уездно-городской Камышловской милиции А. Е. Позднякова, помощника начальника уездно-городской Камышловской милиции В. А. Филимонова. Сотрудники обвинялись в ряде преступлений, среди которых были выдача фиктивных документов, расхищение продуктов, фуража, присвоение денежных средств, систематическое пьянство и производство спиртных напитков методом перегона забродившего суслу (кумышковарение). Причем все преступления были организованы при общем участии всех лиц, указанных выше. В конце февраля 1922 г. следственные дела были переданы в Екатеринбургский губернский Революционный трибунал, по постановлению которого фигуранты получили различные сроки заключения².

В апреле 1922 г. сотрудники Екатеринбургского губернского Уголовного розыска Б. И. Новиков, В. Н. Федоров, Т. Я. Устюжанина были обвинены в хищении вещественных доказательств. По результатам рассмотрения дела Екатеринбургский губернский революционный трибунал постановил: «Б. И. Новикова и В. Н. Федорова заключить в исправдом с выполнением общественных принудительных работ сроком на девять месяцев, Устюжаниной Т. Я. объявить строгий выговор без ограничения в правах. Вещественной доказательство – бутылка и битон³ конфисковать и сдать в Комиссию помощи голодающим»⁴. Появление большого количества судебных дел, а также привлечение сотрудников милиции к ответственности в начале 1922 г. можно объяснить инспекцией уездно-городских отделений милиции. Большое количество должностных преступлений, в некоторых

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 49. Об.

² Так же. Л. 73-74.

³ Так в документе. Скорее всего, имелось ввиду «бидон».

⁴ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

случаях скрываемое местным начальством, получило огласку во время проверки состояния материального баланса уездных отделений инспекторами губмилиции.

27 февраля 1922 г. была закончена очередная проверка состояния органов охраны правопорядка. На основании ревизии были сформированы отчеты по каждому управлению милиции, а также общий отчет, характеризовавший состояние органов охраны правопорядка в целом. В общем отчете указывалось, что главной причиной общих проблем милиции являлся недостаточный опыт личного состава. В частности отмечалось, что: «благодаря скверному материальному снабжению милиционеров, среди них мало лиц, действительно заинтересованных службой»¹. Часто милиционеры не выполняли свои служебные обязанности, ссылаясь на занятость хозяйственными работами, а низкий уровень образования не позволял им самостоятельно проводить дознание и оформлять протоколы. Также среди основных проблем указывались низкий уровень дисциплины личного состава и ошибки в оформлении делопроизводственной документации. Низкий уровень ведения делопроизводства и материального снабжения милиционеров отмечался не только на территории Екатеринбургской губернии, но и в пределах всего государства. Так, в статье А. Лаптева, опубликованной в «Еженедельнике советской юстиции», указывалось: «Дознания милиции препровождаются в суд записанными на клочках бумаги в хаотическом беспорядке, без определенных постановлений, суммирующих данные, добытые дознанием»². По вопросам снабжения милиции автор писал: «В милицию в большей степени идут рабочие и бедняки-крестьяне, но материальное обеспечение до смешного мизерно»³.

Данный период характерен упорядочиванием делопроизводства в кадровой сфере. Так, 24 марта 1922 г. приказом по милиции Республики были закреплены правила увольнения со службы лиц административного и командного состава. В документе указывалось, что увольнение сотрудника было возможно только при наличии иного лица, претендующего на его место, либо по истечению

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 109. Об.

² Лаптев А. Н. О состоянии милиции // Еженедельник Советской юстиции. – 1922. – № 42. – С. 7.

³ Там же.

трехмесячного срока со дня подачи заявления. Также устанавливался минимальный срок службы командного и административного состава, который составлял не менее двух лет¹. Данные меры были направлены на сохранение командного ядра и административных работников, а также на получение сотрудниками милиции опыта работы на местах службы.

В это же время делопроизводственными органами Главмилиции была разработана форма «Обязательства», подписываемого сотрудниками милиции всех рангов². Согласно документу, сотрудник милиции и Уголовного розыска обязывался «стоять на страже революционной законности и порядка», а также «беспощадно подавлять все выступления против рабоче-крестьянского правительства».³ Однако наравне с общими пунктами «Обязательство» содержало требования о бережном отношении к оружию, ответственному хранению секретной информации, а также о знании милиционерами «Положения о милиции». Появление «Обязательства» было связано с необходимостью формирования документа, содержащего выборку основных обязанностей сотрудников силовых органов, необходимую для первоначального ознакомления и создания законодательного фундамента для профессионального развития новых кадров. Полный текст «Обязательства» представлен в приложении М.

Также официально были закреплены правила отправки командного состава и милиционеров в командировки. Любую командировку в целях экономии материальных средств требовалось согласовывать с канцелярией Губмилиции. При этом без согласования разрешался только выезд милиционеров, доставляющих срочные донесения и доклады⁴.

В середине апреля 1922 г. в губернии был запущен процесс проверки личного состава уездной милиции «на знание службы и соответствие таковой»⁵. Для осуществления проверки при каждом уездно-городском отделении формировалась

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 434. Л. 126. Об.

² Там же. Л. 45, 45. Об.

³ Там же.

⁴ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 81.

комиссия под председательством начальника местного управления. Главной целью проверки являлась итоговая чистка рядов милиции и Уголовного розыска от лиц, не подходящих к службе по уровню образования, состоянию здоровья и личным качествам. К концу мая была осуществлена проверка Каменской, Красноуфимской, Ирбитской, Екатеринбургской и Верхотурской милиции, из рядов которых было уволено 76 милиционеров. Основными причинами увольнений являлись: халатное отношение к службе, низкий уровень образования, неудовлетворительное состояние здоровья, а также дисциплинарные проступки¹. Списки уволенных милиционеров в апреле-мае 1922 г. представлены в приложении Н.

В это же время приказом по милиции республики произошло закрепление института кадрового резерва комсостава. Главной целью создания кадрового резерва являлось формирование списка сотрудников, способных оперативно занять освободившиеся ставки. Часто в данные списки попадали лица, состоящие на службе в других ведомствах и имеющие административный и делопроизводственный опыт. Формирование кадрового резерва предусматривало временное привлечение дополнительных сотрудников в целях их ознакомления с будущей работой. Еще до поступления на службу лица, зачисленные в кадровый резерв, подписывали соглашение о двухгодичном сроке работы в милиции, который отсчитывался с момента официального вступления их в должность. Резервисты принимались на все виды довольствия, им выдавалось удостоверение, действительное в течении 7 дней. Резерв комсостава милиции мог привлекаться не только для постоянного, но и для временного замещения отсутствующих сотрудников, причем освобождение с основного места работы в этих случаях было возможно только с разрешения местных партийных органов. Интересной особенностью является то, что в целях экономии продовольствия и материальных средств количественный состав кадрового резерва комсостава милиции Екатеринбургской губернии ограничивался десятью сотрудниками².

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 89-91.

² Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

Кадровая составляющая Уголовного розыска Екатеринбургской губернии за первую половину 1922 г. не претерпела значительных изменений. В докладе о деятельности Екатеринбургского губернского управления Уголовного розыска отмечалось: «Личный состав сотрудников с начала 1922 г. состоял из лиц с малым политическим развитием и абсолютным отсутствием опыта по розыску»¹. В мае 1922 г. во всех структурах губернского Уголовного розыска была произведена проверка знаний личного состава. Часть сотрудников была уволена, однако происходящее в это время массовое сокращение штата правительственных служащих позволило оперативно восполнить недостаток кадрового состава. На основании отношения Уголовного розыска республики № 3197, в июле 1922 г. была создана комиссия по фильтрации личного состава². Комиссия проверяла соответствие сотрудников общим требованиями, объявленным в приказе по милиции Республики от 27 сентября 1921 г. По результатам проверки из рядов Уголовного розыска было уволено 5 человек³.

Со второй половины 1922 г. суммы отчисления денежных средств в заработный фонд агентов Уголовного розыска получили привязку к показателям раскрываемости преступлений. За раскрытие преступлений имущественного характера в фонд Уголовного розыска перечислялось 15% от стоимости имущества (10% в случаях розыска имущества государственных структур). Данное правило действовало при похищениях имущества стоимостью выше 100 рублей, а премиальные распределялись следующим образом: 40% от суммы передавались в фонд оплаты труда, а остальные 60% применялись для ведения культурно-просветительской работы и обновления материально-технической базы. Введение переменной части заработной платы, зависящей от показателей производительности, способствовало увеличению популярности работы в Уголовном розыске. К концу 1922 г. практически всем отделениям удалось

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 182. Л. 73.

² Там же. Л. 74.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 182. Л. 73.

подобрать сотрудников, знакомых с работой Уголовного розыска, способных вести делопроизводство, некоторые работники имели юридическое образование.

Средняя продолжительность ведения сотрудниками Уголовного розыска дознания составляла 7-10 дней, а общее количество арестованных за уголовные преступления за первые три квартала 1922 г. составило 5 742 человека, из которых 4 582 мужчины, 814 женщин и 400 подростков¹. За этот же период было принято на службу 187 сотрудников, уволено по разным причинам 119 человек².

В соответствии с приказом по милиции Республики, 10 сентября 1922 г. весь командный состав было решено разделить на четыре категории с присвоением наименований высший, старший, средний и младший комсостав. К высшему комсоставу относились сотрудники, занимавшие должности Начальника милиции Республики, Начальника милиции автономной республики, губернии и т.д. К старшему комсоставу относились лица, находившиеся на должностях начальников городской и уездной милиции, помощников начальников губернской милиции, начальников резервов, начальников районов в Петрограде и Москве. Средний комсостав включал в себя сотрудников, занимавших должности помощников начальников городской и уездной милиции, начальников отделений милиции в городе и их помощников. К младшему комсоставу относились работники, находившиеся на должностях инструкторов и комвзводов в губернских, областных милицейских школах, начальники резервов в уездных городах, участковые надзиратели и старшие милиционеры³.

17 октября 1922 г. Главмилицией РСФСР была пересмотрена система снабжения органов охраны правопорядка. Если до этого снабжение губернской милиции осуществлялось за счет отчислений центральных органов охраны правопорядка, то с указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных советских органов, при этом общее руководство милицией осталось в руках НКВД РСФСР⁴. Данное событие стало знаковым для всей

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 182. Л. 75.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 32.

⁴ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 190. Об.

милиции РСФСР. Переход на местные средства способствовал региональному милицейскому руководству точно воздействовать на наиболее проблемные зоны, что, в конечном счете, привело к медленному, но стабильному росту боеспособности органов охраны правопорядка и улучшению санитарно-бытовых условий милиционеров.

Изменение системы снабжения привело к возможности выделения дополнительных кадров, которые 25 октября 1922 г. были введены приказом по милиции губернии¹. В соответствии с новыми штатами количественный состав милиции губернии должен был составлять 2 270 сотрудников, а для Уголовного розыска 158 сотрудников².

Фактически на 1 января 1923 г. личный состав Екатеринбургской губернской милиции выражался в следующих цифрах: 98 сотрудников командного состава, 37 сотрудников административно-хозяйственного состава, 8 политработников, 270 старших конных милиционеров, 364 младших конных милиционеров, 63 старших пеших милиционера, 299 младших милиционеров, 265 канцелярских и прочих служащих³.

Из всех сотрудников губернской милиции членами РКП(б) являлось 314 человек, а командный состав в целом был представлен рабочими и крестьянами с уровнем образования не ниже среднего⁴. Старшие и младшие милиционеры в большинстве случаев имели опыт военной службы, однако «благодаря малограмотности и неразвитости в моральном отношении, а также неустойчивости их нравственных убеждений»⁵ к службе в милиции являлись непригодными. В начале января 1923 г. для подготовки милиционеров милицией республики была разработана специальная программа усиленных занятий. Программа включала в

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 472. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

себя не только изучение основ постовой службы и военную подготовку, но и знакомство с законодательными нормативными актами и «правилами общения»¹.

Оценивая эффективность занятий с милиционерами, П. Г. Савотин отмечал: «Милиционер подтянулся, не стал таким уж серым мешком, какой можно было встретить в первые годы существования милиции. Да и нравственно-политически он значительно переменялся, усвоил обязанности»². В это же время согласно постановлению СНК была введена система, предусматривавшая зависимость премий личного состава от числа преступлений, связанных с незаконным изготовлением спиртных напитков. Так, штрафные суммы, взыскиваемые в судебном и административном порядке, за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ распределялись следующим образом: 50% штрафной суммы передавалось в фонд премирования милиционеров, 25% на вознаграждение прочих лиц, способствующих обнаружению мест производства, 25% передавалось в кассы местных исполкомов³. Данная система не только способствовала увеличению раскрываемости данных дел милиционерами, но и привлекала к борьбе с кумышковарением местное население.

К началу 1923 г. улучшилось материальное обеспечение милиции и Уголовного розыска. Так, органы охраны правопорядка были на 90% обеспечены гимнастерками, на 70% шароварами, на 30% сапогами, на 50% ватными шароварами, на 20% телогрейками, на 100% винтовками, на 80% винтовочными патронами, на 32% револьверами и на 60% шашками⁴. В то же время в милиции чувствовался острый некомплект лошадей, и часто конные милиционеры исполняли обязанности пеших.

Улучшение обеспечения органов охраны правопорядка позволило снизить срок обязательной службы для милиционеров и командного состава до одного года⁵. В этот же период был издан приказ, предусматривавший передачу униформы

¹ Г. А. в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 183.

² ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 472. Л. 4.

³ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 68.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 190.

и снаряжения в личное пользование милиционеру, если последний прослужил в органах охраны правопорядка не менее полугода¹. Сокращение срока обязательной службы явилось следствием улучшения материального положения милиционеров, а возможность передачи в личное пользование униформы стало показателем налаживания системы снабжения.

7 февраля 1923 г., согласно постановлению Президиума ВЦИК, была запущена процедура проверки и пополнения личного состава милиции². Для проведения проверок были сформированы уездные, губернские и областные комиссии, целью которых являлась «очистка милиции от укрывателей самогонщиков, притонодержателей, уголовных преступников и вымогателей, но с другой стороны, пополнить ряды милиции достойными представителями и слугами трудового народа»³. Комиссии составлялись из членов партийных и профессиональных организаций, которые инспектировали отделения милиции. Проблемы, выявленные в ходе инспекции, обсуждались на внутренних собраниях данных организаций, а пути их решения передавались органам милиции в виде рекомендаций.

Инициатива чистки поступала не только со стороны комиссий сторонних организаций, но и от милицейского руководства. Так, в секретном приказе по милиции Екатеринбургской губернии отмечалось: «Вместе с переходом милиции на местные средства повысились и требования к кадрам. Скомплектованный за предыдущие годы состав не удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям». Согласно документу увольнению из рядов милиции подлежали лица, находившиеся под судом и следствием за преступления по должности, замеченные в предосудительных действиях (пьянстве, воровстве), лица с уголовным прошлым, бывшие жандармы, чины полиции и охранки, участники белогвардейских мятежей, члены буржуазных партий⁴. Составление списков личного состава, подлежащего увольнению, было включено в задачи начальников милиции.

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 5.

² Проверка милиции // Уральский рабочий. – 1923. – № 29. – С. 2.

³ Там же.

⁴ ГАСО Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 32, 32. Об.

В начале марта 1923 г., в соответствии с приказом по милиции Екатеринбургской губернии, всем уездным управлениям следовало произвести чистку рядов с целью увольнения бывших офицеров. В это время был уволен старший дознаватель отдела Екатеринбургской уездно-городской милиции С. В. Марченко (подпоручик), дознаватель отдела снабжения губмилиции С. Ф. Фалеев (штабс-капитан), помощник начальника красноуфимской уездно-городской милиции С. П. Коркунов (поручик), переписчик Красноуфимской уездно-городской милиции Д. И. Поваров (поручик), старший дознаватель уголовного стола милиции г. Шадринск К. Устинов¹. Также в этот период было опубликовано постановление городской Екатеринбургской комиссии о пересмотре личного состава милиции. Результатом деятельности комиссии стало увольнение 49 человек. Самыми популярными причинами увольнения являлось систематическое пьянство, халатность, грубость, нахождение под следствием, а уполномоченный Уголовного розыска Г. А. Духов был уволен за службу в милиции Колчака².

Весной 1923 г. был введен порядок выдачи видов на жительство бывшим офицерам и военным чиновникам. Документ предусматривал взятие всех бывших офицеров, не состоящих на действительной службе в Красной Армии, на милицейский учет и ведение за ними негласного наблюдения³. Увольнение бывших офицеров из рядов милиции было связано с необходимостью подбора кадрового состава, лояльного Советской власти, однако потеря опытных сотрудников оказала негативное влияние на уровень боеспособности органов охраны правопорядка.

В это же время для Уголовного розыска Екатеринбургской губернии были введены новые штаты. Губернское управление Уголовного розыска делилось на отделы: активный отдел, секретный отдел, регистратура, стол привода, канцелярия и хозяйственный отдел. Во главе губернского управления стоял начальник, у которого имелось два помощника. Активным отделом руководил начальник, в отделе были выделены шесть ставок инспекторов, десять ставок агентов первого

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 475. Л. 170.

² Там же. Л. 308.

³ Г. А. в г. Шадринск. Ф. 236. Оп. 4. Д. 18. Л. 15.

разряда и двенадцать ставок агентов второго разряда. В обязанности сотрудников отдела входило проведение дознаний и организация поисков преступников. Секретный отдел, состоявший из начальника, старшего делопроизводителя, регистратора, заведующего по регистрации преступлений, двух дактилоскопистов и разработчика карт, был ответственен за составление отчетов о политическом состоянии вверенных территорий, а также расширение агентурной сети. Сотрудники стола привода производили регистрацию задержанных и вели все делопроизводство, связанное с взятием лиц под стражу и их освобождением. Канцелярия занималась ведением иного делопроизводства, а сотрудники хозяйственного отдела организовывали снабжение Уголовного розыска вооружением, униформой и продуктами питания. Общая численность сотрудников управления губернского Уголовного розыска оставляла 61 человек, к тому же был выделен резерв транспорта, состоявший из одного легкого экипажа, одной повозки и четырех лошадей¹.

Для Шадринского, Камышловского и Нижне-Тагильского Уголовных розысков был выделен отдельный штат, который в документах именуется, как «штат № 4». Отделения Уголовного розыска на данных территориях состояли из начальника, инспектора, суб-инспектора, двух агентов первого разряда, четырех агентов второго разряда, инспектора секретных поручений, регистратора-дактилоскописта, машинистки-переписчицы, курьера и повозочного. Всего в отделениях было выделено 15 ставок². Подразделения Уголовного розыска иных территорий (Ирбитский, Верхотурский, Красноуфимский уезды) были сформированы по «штату № 5», который предусматривал уменьшение количества административных служащих и включал в себя 10 ставок³.

Изменение штатов Уголовного розыска было связано с необходимостью четкого распределения обязанностей, которая выразилась в отделении вспомогательного состава от сотрудников, ведущих оперативную работу. Также,

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 437. Л. 73.

² Там же.

³ Там же.

уменьшение количества работников являлось этапом подготовки к упрощению государственного аппарата и созданию единого органа – центрального административного управления, сформированного в сентябре 1923 г.¹ Стоит сказать, что в соответствии с «штатом № 4» и «штатом № 5» количество работников Уголовного розыска в уездах было недостаточным для ведения качественной оперативной деятельности.

Новая экономическая политика, проводимая советским руководством, привела к значительному увеличению числа коммерческих предприятий, что в свою очередь, вызвало рост преступности. С этого момента основными мотивами деятельности преступных групп являлось обогащение с помощью захвата денежных средств, продуктов питания и бытовых предметов. Летом-осенью 1922 г. на всей территории губернии показатели преступности не опускались ниже значения 500 преступлений в месяц². Причем, больше половины правонарушений были связаны с кражами, грабежами и разбоями.

В июле 1922 г. в Екатеринбурге для определения путей дальнейшей борьбы с бандитизмом было собрано заседание в составе прокурора губернии, представителей отдела управления, губернского Уголовного розыска, отдела ГПУ и уездно-городской милиции. На заседании было решено создать особую комиссию по борьбе с бандитизмом. Председателем комиссии был назначен начальник губернского Уголовного розыска, членами – представители от ГПУ и милиции. За первый месяц работы тройкой было организовано несколько облав, задержано 5 руководителей преступных организаций, 12 воров-рецидивистов, 40 карманников³.

Зимой и весной 1923 г. милиция Екатеринбургской губернии продолжала бороться с кражами, грабежами и разбоями. Так, 17 января в 1923 г. сотрудниками Уголовного розыска г. Екатеринбург в д. 42 по ул. Красноармейской был арестован гражданин Владимир Иванович Бриллиантов, называвший себя помощником

¹ Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. – 1923. – № 11. – С. 9.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 475. Л. 17.

³ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 472. Л. 15.

командира Первого Кавалерийского полка¹. При личном обыске у задержанного была найдена поддельная мастичная печать Первого Кавалерийского полка им. Володарского, дурабель с краской, поддельные документы и бланки с различными печатями. Предварительное дознание показало, что Бриллиантов: «производя впечатление интеллигентного человека, заводил знакомства с девицами, жаждущими замужества»². Подозреваемый входил в доверие к девушкам, которые самостоятельно отдавали ему ценные вещи. После присвоения материального имущества мошенник покинул населенный пункт. Преступник (он же Селюгин) занимался подобным видом мошенничества несколько лет. За этот период он: «посетил город Петропавловск, где он по себе оставил память афериста с поддельными документами – представителя Уралпромбюро, в г. Перми, как нареченный жених оставил несколько несчастных невест. В г. Екатеринбург Бриллиантов совершил кражу золотых и серебряных вещей на сумму до 20 000 000 рублей»³. Все похищенные вещи преступник продавал на «толкучем» рынке, или сдавал в различные ювелирные магазины.

В ночь на 28 января в г. Екатеринбург по ул. Кузнечной, д. № 41 было совершено вооруженное ограбление ледников складов Спиртокуста Губсовнархоза. Злоумышленники в количестве шести человек, вооруженные винтовками и револьверами, представились сотрудниками Уголовного розыска. Не проверив документы, сторож открыл ворота и был связан, а вскоре обезоружены все охранники склада. В результате налета было похищено несколько ящиков ниток, мануфактура и прочее имущество. Со слов охранников грабители сообщили им: «что они не воры, а анархисты и по истечению двух часов велели не поднимать никакой тревоги»⁴. Сотрудникам Уголовного розыска не удалось выйти на след данных грабителей. Однако в то же время по горячим следам были задержаны участники перестрелки в г. Шадринск и грабители склада общества Хлебпродукта в г. Нижний Тагил. Всего за январь и февраль 1923 г. в Екатеринбургское городское

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 434. Л. 16.

² ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 434. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 76.

отделение Уголовного розыска поступило 257 заявлений, из которых 50 дел было раскрыто по горячим следам. За этот же период было арестовано 17 мужчин, 7 женщин и 3 подростка.

В конце 1922 г. начали проявляться тенденции, отражавшие осознание необходимости сближения органов охраны правопорядка с общественностью в целях формирования положительного образа советского милиционера. Одним из направлений общественной деятельности являлось участие милицейских подразделений в городских мероприятиях и праздниках. Так, осенью 1922 г. во всех уездно-городских отделах милиции Екатеринбургской губернии проходила подготовка к празднованию пятой годовщины Рабоче-крестьянской милиции. Для подготовки и празднования юбилея была разработана инструкция и сформированы губернская, уездные и районные комиссии. В задачи комиссий входило общее руководство агитационно-пропагандистскими работами, а также разработка планов церемониалов. В свете подготовки к предстоящему параду с 26 октября 1922 г. начальникам Екатеринбургской уездно-городской милиции и Уголовного розыска было приказано проводить строевые занятия с личным составом ежедневно не менее трех часов. Отработка строя производилась также в Ирбите, Нижнем Тагиле и других городах губернии.

Празднование дня создания милиции прошло довольно широко. По случаю юбилея были проведены ремонты в управлениях уездно-городской милиции (побелка, вставка стекол и т.д.), а помещения были празднично украшены. Утром 12 ноября 1922 г. в уездных городах губернии были проведены парады, которые сопровождалось зачитыванием поздравлений от государственных органов и шефских организаций. В параде Екатеринбургской милиции, прошедшим на площади 1905 г., впервые принял участие сводный милицейский оркестр¹. В некоторых уездах в честь пятилетия милиции сотрудникам было выдано новое обмундирование, организованы праздничные обеды, а каждый сотрудник ирбитской милиции в качестве подарка получил пачку папирос и 1/8 фунта

¹ Г. А. в г. Ирбит Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.

махорки¹. Отличившимся работникам были выданы денежные премии. Так, за продолжительную и полезную работу в милиции премией в размере пятимесячного оклада был награжден начальник административно-строевого отдела губернской милиции Т. Бабинцев².

Снизившиеся масштабы дезертирства привели к упразднению в конце 1921 г. комитетов по борьбе с дезертирством. С этого момента борьба с дезертирами осуществлялась местными военкоматами и милицией, однако правила взаимодействия указанных структур не были официально закреплены. В феврале 1923 г. было решено «в виду недостатка у военных комиссаров сил и средств для борьбы с дезертирством область работы в особенности по части розыска дезертиров возложить на милицию»³. Для закрепления схемы работы и взаимодействия с другими органами были разработаны и опубликованы специальные «правила».

Согласно документу, дезертиром признавался всякий военнослужащий, самовольно отлучившийся из сборного пункта, эшелона, войсковой части, управления, учреждения, заведения военного ведомства на срок более шести дней. К дезертирам также приравнивались военнообязанные граждане, уклонявшиеся от поступления на учет, не вернувшиеся в свою часть после командировки, госпитального или санитарного лечения, а также просрочившие свои отпуска. В случае дезертирства часть или военный орган должны были немедленно донести об этом в уездный военкомат и волостной исполком. В случае проживания дезертира в городе должностные лица уездных военкоматов заявляли в уездно-городское управление милиции, а в тех случаях, когда разыскиваемый проживал в сельской местности, заявление передавалось начальнику района. В первом случае начальник района или отделения милиции был обязан не позднее суток часов с момента подачи заявления назначить уполномоченное лицо, производившее расследование, обыск и задержание дезертира. После проведения дознания весь

¹ Г. А. в г. Ирбит Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.

² Г. А. в г. Ирбит Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 186.

³ Там же. Л. 68.

материал передавался в отделение военкомата по борьбе с дезертирством. В случае проживания разыскиваемого в уезде, волостные исполкомы совместно с начальниками районов обязывались немедленно сообщить о случае дезертирства. После получения сигнала милиционер пытаясь определить место нахождения дезертира, опрашивал местное население и семьи лиц, находящихся в розыске.

Начало 1923 г. было связано с активизацией борьбы с изготовлением и нелегальной продажей спиртных напитков. Неконтролируемый сбыт кумышки приводил не только к увеличению числа бытовых преступлений, но и часто являлся причиной отравлений с летальным исходом. В апреле 1923 г. всем уездным начальникам милиции было приказано приступить к разработке планов борьбы с кумышковарением на подконтрольных территориях. В целях увеличения раскрываемости в дополнение к милиционерам в уездных исполкомах выделялись уполномоченные. В тех случаях, когда производство спиртных напитков осуществлялось для собственного употребления, граждане штрафовались на 300 руб. золотом. В случаях изготовления кумышки с целью продажи, следственные дела задержанных направлялись в ближайшие участки народного суда. Согласно приказу, было необходимо организовать в населенных пунктах показательные суды над лицами, производившими спиртные напитки с участием обвинения и защиты. Милицейскому руководству предписывалось смещать с должностей и подвергать административным взысканиям и арестам «всех начальников милиции, проявивших слабость в борьбе с кумышковарением»¹. Сведения о результатах борьбы Екатеринбургской милиции с самогоноварением в начале 1923 г. представлены в приложении П.

Подводя итог, следует отметить, что 1919 год стал для милиции Екатеринбургской губернии временем становления и формирования. Отказ от основ функционирования систем охраны общественного порядка Российской империи привел к полному отсутствию единой структуры управления и, как следствие, оказал негативное влияние на боеспособность милиции. Тяжелое экономическое положение губернии, политические общественные разногласия,

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 164.

мобилизация в Красную армию стали причинами нехватки грамотных руководящих сотрудников. Наравне с кадровой значимой проблемой милиции Екатеринбургской губернии являлось отсутствие единой системы снабжения сотрудников униформой, вооружением, продуктами питания. С момента занятия территории Екатеринбургской губернии войсками Красной армии и до конца 1919 г. милиция постоянно реформировывалась, изменялась штатная структура, появлялась документация, направленная на формализацию внутренних процессов. Однако до конца 1919 г. спектр кадровых и экономических проблем не был решен, и милиция оставалась структурой не способной выполнять функции по охране общественного порядка и соблюдения революционной законности. Оценивая состояние милиции в начальный период ее существования начальник Главного управления милиции Д. Э. Скалов в 1923 г. писал: «Одним словом, тогдашняя милиция была полуармейской частью местного назначения для выполнения разнообразных домашних надобностей, почти без всякой определенной службы административно-полицейского характера»¹.

В 1920–1921 гг. Рабоче-крестьянская милиция Екатеринбургской губернии находилась в стадии активного поиска оптимальных кадровых и административных форм. Новая экономическая политика, проводимая государством, и изменившиеся социально-политические реалии, вызвали тенденции перехода милиции от военного органа к административно-юридическому. Низкий уровень дисциплины в рядах милиционеров, а также необходимость контроля политического состояния вверенных территорий привели к появлению политических отделов при уездных отделениях. Рост уровня преступности вызвал значительные изменения в структуре системы губернского Уголовного розыска, а изменение политической и криминогенной ситуаций в стране и регионе стало причиной перехода от армейской структуры милиции к территориальным формированиям. Для улучшения качественных показателей

¹ Зайцев И. М. Шесть лет работы уголовного розыска // Рабоче-крестьянская милиция. – 1923. – № 11. – С. 12.

командный состав милиции набирался исключительно из проверенных коммунистов, а милиционеры, имевшие различные противопоказания, постепенно заменялись на более подходящих сотрудников. Однако, по причине низкого уровня заработных плат и недостаточного уровня снабжения, служба в рядах милиции являлась не популярной, а решить проблемы с дефицитом кадров и значительно повысить качественный уровень сотрудников в 1920–1921 гг. не удалось. Из положительных тенденций можно выделить появление руководящей документации для начальников милиции разных уровней, инспекции уездных управлений, проверки артиллерийского имущества, а также более упорядоченное ведение делопроизводства.

За 1922 г. в милиции Екатеринбургской губернии был произведен ряд мероприятий, направленных на упорядочивание делопроизводства и улучшение качественных показателей личного состава. Так, был разработан порядок издания приказов, опубликованы правила хранения оружия, сформированы единые формы учета правонарушителей, а также был закреплен ряд правил в кадровой сфере.

Низкий уровень обеспечения приводил к увеличению объемов преступности среди милиционеров. Основная часть правонарушений была связана с мошенничеством и присвоением чужого имущества, однако не редкими были и уголовные преступления. 17 октября 1922 г. милицейским руководством была пересмотрена система снабжения органов охраны правопорядка. С указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных советских органов. Подобная система, точно воздействуя на проблемные зоны, привела к улучшению снабжения милиционеров униформой, снаряжением и вооружением, а также способствовала росту уровня социально-бытовых условий существования.

В начале 1923 г. произошла активизация деятельности политических секретариатов, велась работа по чистке кадров, обучению личного состава и формированию более привлекательных условий для прохождения службы. В это же время была сформирована специализированная горно-приисково-промышленная милиция, в задачи которой входила охрана рудников, шахт и контроль за оборотом драгоценных металлов.

К середине 1923 г. милиция Екатеринбургской губернии могла эффективно бороться с бандитизмом, мошенничеством, незаконным самогонварением и осуществлять контроль за соблюдением законности во всех сферах социальной жизни. Однако, осенью 1923 г. было завершено формирование новой административно-территориальной единицы – Уральской области. Вместе с территориальными изменениями произошли перемены и в структуре милиции. Была внедрена система звеньевое подчинения, согласно которой милицейские территории делились на области, округа и районы. Необходимость укрупнения привела к расформированию милиции Екатеринбургской губернии, личный состав и материальное имущество которой были взяты за основу при создании новой милиции Уральской области.

Заключение

Екатеринбургская губерния в 1919–1923 гг. находилась в состоянии глубокого экономического, административного и управленческого кризиса. Административные границы региона постоянно менялись за счет включения в состав губернии новых волостных территорий. Сравнительно большая площадь, а также постоянные административно-территориальные изменения отрицательно сказывались на эффективности управления и оперативном контроле. Тяжелый экономический кризис приводил к нехватке производственного сырья, что являлось причиной остановки работы промышленных предприятий, а попытки восстановить экономику путем эмиссии приводили к большим темпам инфляции. Кризис сельскохозяйственного производства, вызванный многократным уменьшением посевных площадей, засухой и другими неблагоприятными природными условиями, стал причиной массового голода, который наравне с высоким уровнем эпидемиологических заболеваний привел к высокой смертности.

Наряду с экономическими и управленческими проблемами Екатеринбургской губернии, напряженной оставалась социально-политическая обстановка. Продовольственная политика государства являлась причиной недовольства крестьянства, которое в отдельных районах губернии перерастало в силовое противодействие. Разногласия в политических установках, а также экономические проблемы приводили к необычным масштабам бандитизма, дезертирства, мошенничества и должностной преступности.

С момента установления Советской власти на территории Урала, советское руководство пыталось создать эффективную структуру политико-административных органов, способных не только контролировать исполнение распоряжений правительства, но, и в случае необходимости, оказать силовое воздействие на политических противников. Однако, отсутствие документов инструкционного характера, а также отказ от привлечения опытных специалистов, не подходящих под теорию классового отбора, привели к отсутствию

единообразной системы формирования и дефициту профессиональных кадров, а начавшаяся летом 1918 г. активная фаза Гражданской войны привела к установлению на Урале власти антибольшевиков. Лишь летом 1919 г. на территории Урала возобновился процесс советского строительства. К этому моменту опыт создания и применения карательных и милиционных органов, накопленный в 1918 г., не отвечал политическим, социальным и экономическим особенностям региона. Создание политико-административных органов губернии было решено начать «с нуля», меняя курс в соответствии с новыми реалиями. В рамках формирования партийно-советских управленческих структур отряды особого назначения и Рабоче-крестьянская милиция, появившиеся на Среднем Урале к осени 1919 г., заняли очень важное положение: коммунистические подразделения планировалось использовать для защиты власти от внутривластных угроз, тогда, как органы милиции являлись средством охраны правопорядка и законности в новом обществе.

Отряды особого назначения являлись военизированными формированиями, комплектуемыми из членов РКП(б), РКСМ и кандидатов в данные организации. В функции подразделений входило отстаивание интересов советской власти на местах, также, помимо силового подавления политических противников, они выполняли задачи тайного наблюдения за территориями, охраняли железные дороги, заводы и фабрики. В задачи милиции входил контроль соблюдения законности и исполнения всех декретов органов власти. Часто в сферах охраны правопорядка и борьбы с политическим и криминальным бандитизмом, деятельность милиции и коммунистических боевых отрядов осуществлялась параллельно.

Период сравнительно недолгого существования ЧОН и РККМ Екатеринбургской губернии имел свою внутреннюю динамику, носившую специфические черты для каждой из структур и выраженную в характере взаимодействия Частей особого назначения и милиции с партийно-советскими административными структурами, в кадровой политике и системе снабжения.

На начальном этапе своего становления (1919 г.) отряды особого назначения и органы милиции характеризовались отсутствием единой системы формирования и управления, для личного состава этих структур был характерен низкий уровень военной подготовки и дисциплины. В это же время, подобные структуры, действовавшие в центральных регионах государства, составляли наиболее лояльную и боеспособную основу Советской власти.

В ноябре 1919 г. отряды особого назначения, имевшие на начальном этапе исключительно партийное подчинение и юридически являвшиеся «общественной организацией», получили двойную систему управления, опирающуюся не только на партийные комитеты разного уровня, но и на отделы Всевобуча. Участие Частей особого назначения Екатеринбургской губернии в подавлении восстаний в Камышловском и Шадринском уездах показало низкую эффективность этих подразделений, что в комплексе с общегосударственным опытом повлекло за собою выделение ЧОН из структуры Всевобуча. Весной 1921 г. были созданы обособленные управленческие органы Частей особого назначения при партийных организациях разных уровней.

Трансформация систем подчинения ЧОН происходила параллельно с изменением кадровой политики. Первоначальный принцип отбора личного состава, основанный исключительно на партийной принадлежности, привел к искусственному дефициту опытных сотрудников, что заставило советское руководство обратиться к более прагматичным критериям отбора. С конца 1922 г. главным критерием отбора постоянного состава ЧОН стала не столько партийная принадлежность, сколько наличие военного и управленческого опыта. Анализ материалов кадрового делопроизводства показывает, что в октябре – ноябре 1922 г. личный состав штаба ЧОН Екатеринбургской губернии лишь на 25% состоял из членов партии, однако, при этом большее, по сравнению с предыдущими периодами, внимание уделялось уровню образования и военному опыту сотрудников. Подобные изменения кадровой политики и структур подчинения Частей особого назначения явились показателем невозможности существования партийных силовых структур без обособленной системы управления и отбора

личного состава. Стоит отметить, что в центральных регионах государства благодаря массовости большевистских организаций, отбор кадров по партийному признаку применялся весь период существования ЧОН. Другим важным фактором усиления эффективности деятельности Частей особого назначения, как боевых подразделений, явилось совершенствование системы снабжения ЧОН, которая выражалась не только в формировании обособленных внутренних хозяйственных подразделений, но и в поиске поддержки со стороны советских и государственных учреждений.

Рабочая милиция первоначально имела тройную схему управления: на государственном уровне Губмилиция подчинялась Главной милиции республики (Главмилиции). Руководящим органом Главмилиции являлась коллегия, включавшая одного представителя ЦК РКП(б), представителя ЧК и сотрудника милиции. На уровне Губернии милиция контролировалась Губотуправом и Губчека. Высшим совещательным органом губернской милиции являлась Коллегия. Стоит отметить, что подобная управленческая структура оказалась относительно эффективной, и за исключением появления дополнительных отделов, направленных на улучшение снабжения, обработки документации, обучения и политического контроля, оставалась неизменной на протяжении всего изучаемого периода.

Одной из важнейших причин характерных для периода становления РККМ выступал недостаточный уровень снабжения. Милиционеры не только имели сравнительно низкие доходы, но и были лишены какой-либо социальной поддержки. Задержки заработной платы, отсутствие продуктового и вещевого снабжения делали службу в милиции непопулярной и являлись причиной текучести кадров. С данной проблемой милицейское руководство боролось путем снижения требований к кандидатам, что негативно сказалось на качестве выполняемых задач. В конце 1922 г. была пересмотрена система снабжения органов охраны правопорядка. Если до этого обеспечение губернской милиции осуществлялось за счет отчислений центральных органов охраны правопорядка, то с указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных

советских органов. Распределение средств на местах не только позволило эффективнее воздействовать на проблемные зоны, но и контролировать целевое применение выделенных финансов. Важным является то, что снабжение милиции Москвы и Петрограда, в отличие от российских регионов, поддерживалось на достаточном уровне и, с момента образования в 1918 г. данные структуры обладали высоким профессионально-кадровым потенциалом.

Проводя сравнительный анализ основных критериев формирования и деятельности изучаемых структур, мы приходим к выводу о том, что Части особого назначения и органы РККМ стали формами мобилизации общественных сил в целях защиты политического строя, охраны общественного порядка и контроля за выполнением распоряжений правительства. Коммунистические отряды являлись не только очагами идейного сплочения, но и центрами отработки управленческих форм и методов обучения, необходимых для дальнейшего формирования армии, построенной на милиционном принципе комплектования. В центральных и восточных регионах коммунистические подразделения являлись серьезной боевой силой, подавлявшей выступления противников новой власти. В Екатеринбургской губернии партийные отряды выполняли роль своеобразной сдерживающей силы, а практическое применение Частей особого назначения не оказало влияния на развитие событий в регионе.

Рабоче-крестьянская милиция являлась структурой, осуществлявшей охрану общественного порядка и контролировавшей исполнение распоряжений правительства на местах. Роль милиции в деле стабилизации политической обстановки в регионе и выстраивании организованных социальных отношений являлась значительной. Проблемы, проявлявшиеся на всем пути существования органов охраны правопорядка, были вызваны не только экономическим кризисом Екатеринбургской губернии, но и прямым следствием отказа от опыта, наработанного в дореволюционной России. Создание милиции можно считать уникальным примером организации силовых структур «с нуля», а основы, сформированные в начальный период, являлись актуальными для органов охраны общественного порядка долгие годы.

Перспективы дальнейшей разработки темы диссертационного исследования сводятся не только к расширению территориальных и хронологических рамок деятельности политико-административных органов советской власти, но и к проведению сравнительного исследования региональных формирований с целью детального выявления местных и общегосударственных тенденций. При этом, углубленное исследование вопроса наравне с определением роли изучаемых структур в сохранении политической системы и выстраивании общественных взаимоотношений способно связать изменения критериев кадрового отбора и характеристик личного состава с общими и частными историческими процессами.

Помимо этого, актуальными остаются вопросы взаимодействия политико-административных органов с иными государственными организациями, а также рассмотрение применения их организационного опыта в последующие периоды.

Список литературы

1. Неопубликованные источники

1. 1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р-130. «СНК РСФСР».

Оп. 23. Д. 2.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

1. Ф. 17. «Политическое бюро ЦК (Политбюро)».

Оп. 1. Д. 3; Д. 6; Д. 147.

Оп. 3. Д. 52; Д. 147; Д. 154; Д. 160; Д. 176; Д. 323; Д. 330; Д. 441.

Российский государственный военный архив (РГВА).

1. Ф. 7. «Штаб Рабоче-крестьянской красной армии».

Оп. 2. Д. 544.

2. Ф. 58. «Штаб частей особого назначения СССР (ЧОН)».

Оп. 1. Д. 6.

3. Ф. 65. «Всевобуч»

Оп. 7. Д. 55.

Оп. 10. Д. 1.

Оп. 13. Д. 9.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО).

1. Ф. Р-128. «Управление советской милиции Исполнительного комитета Верхотурского уездно-городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Оп. 1. Д. 8.

2. Ф. Р-145. «Серовский городской отдел Свердловского областного отдела милиции».

Оп. 1. Д. 187.

3. Ф. Р-162. «Управление советской рабоче-крестьянской милиции Отдела управления исполнительного комитета Нижнетагильского уездно-городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Екатеринбургской губернии».

Оп. 1. Д. 29.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

1. Ф. Р-7. «Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Губисполком. Г Екатеринбург».

Оп. 1. Д. 14; Д. 167; Д. 178.

2. Ф. Р-9. «Екатеринбургское губернское управление рабоче-крестьянской милиции (“ГУБМИЛИЦИЯ”)».

Оп. 1. Д. 97; Д. 20; Д. 26; Д. 152; Д. 170; Д. 188; Д. 198; Д. 213; Д. 215; Д. 362; Д. 396; Д. 472; Д. 478; Д. 494; Д. 498; Д. 506; Д. 508; Д. 509; Д. 510.

3. Ф. Р-511. «Отдел управления губернией Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета».

Оп. 1. Д. 1; Д. 87; Д. 96; 134; 178; Д. 179; Д. 180; Д. 182; Д. 348; Д. 350; Д. 434; Д. 437; Д. 474; Д. 475

4. Ф. Р-574. «Екатеринбургский губернский военный трибунал».

Оп. 1. Д. 94.

5. Ф. 708. «Управление Камышловской уездно-городской рабоче-крестьянской милиции».

Оп. 1. Д. 13

6. Ф. Р-1155. «Штаб Частей особого назначения Екатеринбургской губернии»

Оп. 1. Д. 79; Д. 115; Д. 127; Д. 134; Д. 156.

7. Ф. Р. 1156. «Штаб Частей особого назначения Уральской области».

Оп. 1. Д. 127; Д. 129; Д. 239.

8. Ф. Р-1359. «Екатеринбургская уездная комиссия по борьбе с дезертирством».

Оп. 1. Д. 2.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

1. Ф. 10. «Ленинский районный комитет КПСС г. Свердловска».

Оп. 1. Д. 259.

2. Ф. 41. «Свердловский (Уральский) истпарт».

Оп. 1. Д. 140.

Оп. 2. Д. 499.

3. Ф. 76. «Екатеринбургский губернский комитет РКП (б)».

Оп. 1. Д. 4; Д. 42; Д. 417.

4. Ф. 1364. «Ирбитский уездный комитет РКП (б)».

Оп. 1. Д. 7.

5. Ф. 1494. «Уральское бюро ЦК РКП (б)».

Оп. 1. Д. 42; Д. 77.

Государственный архив в г. Ирбит (Г. А. в г. Ирбит).

1. Ф. 10. «Части особого назначения Ирбитского уезда».

Оп. 1. Д. 23.

2. Ф. Р-21. «Управление ирбитской уездно-городской рабоче-крестьянской милиции»

Оп. 1. Д. 2; Д. 7.

3. Ф. Р-471. «307-й Ирбитский батальон литер “Б” особого назначения».

Оп. 1. Д. 17; Д. 24.

Государственный архив в г. Шадринск (Г. А. в г. Шадринск).

1. Ф. 236. «Отдел Уголовного розыска при шадринской уездно-городской рабоче-крестьянской милиции».

Оп. 4. Д. 18.

2. Ф. Р-236. «Шадринская уездно-городская рабоче-крестьянская советская милиция».

Оп. 4. Д. 16.

3. Ф. Р-1077. «Семенов А. Ф.»

Оп. 1. Д. 67; Д. 76.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА)

1. Ф. 18. «Верхотурский уисполком»

Оп. 1. Д. 19.

2. Ф. 19. «Алапаевский уисполком»

Оп. 1. Д. 18.

3. Ф. 99. «Нижнетагильский уисполком»

Оп. 1. Д. 36; Д. 70.

Филиал ГАСО в г. Каменске-Уральском.

1. Ф. Р-60. «Исполнительный комитет Каменского уездно-городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Оп. 1. Д. 3; Д. 26; Д. 73.

2. Опубликованные источники

2. 1. Нормативно правовые акты и материалы делопроизводства

2. 1. 1. Борьба с трудовым дезертирством (Указания Агитотдела Главкомтруда) / Борьба с трудовым дезертирством. Сборник официальных положений. – М.: Издание Главного Комитета по Всеобщей трудовой повинности, 1920. – С. 16–17.

2. 1. 2. Декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности». 29 января 1920 г. / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М.: Издательство управления делами совнаркома СССР, 1943. – С. 140.

2. 1. 3. Из разговора по прямому проводу руководства камышловского уезда и представителей Екатеринбургского Губисполкома советов. 9 февраля 1921 г. /

- Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х томах. Т 2. (1920-1921 гг.) / В. И. Шишкин. – М.: «Демократия», 2001. – С. 130–131.
2. 1. 4. Инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». 12 октября 1918 г. / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 1. – М.: Издательство Управления делами Совнаркома, 1942. – С. 1031–1037.
2. 1. 5. Положение «О речной советской рабоче-крестьянской милиции». 29 апреля 1919 / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М.: Издательство Управления делами Совнаркома СССР, 1943. – С. 1031–1037.
2. 1. 6. Постановление СНК о трудовом дезертирстве и борьбе с ним / Борьба с трудовым дезертирством. Сборник официальных положений. – М.: Издание Главного Комитета по Всеобщей трудовой повинности, 1920. – С. 8–12.
2. 1. 7. Постановление «О рабочей милиции». 10 ноября 1918 г. / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 1. – М.: Издательство Управления делами Совнаркома, 1942. – 1483 с.
2. 1. 8. Постановление ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны». 21 февраля 1919 г. / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М.: Издательство Управления делами Совнаркома СССР, 1943. – С. 73–74.
2. 1. 9. Протокол четвертого заседания РКП (б) от 20 марта 1919 г. / Восьмой съезд ЦК РКП(б). Март 1919. Протоколы и стенографические отчеты. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 117–160.
2. 1. 10. Разведывательная сводка штаба Приуральского военного округа. 5 февраля 1921 г. / Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х томах. Т 2. (1920-1921 гг.) / В. И. Шишкин. – М.: «Демократия», 2001. – С. 115.
2. 1. 11. Резолюция Бюро ЦК РСДРП (б) о Временном правительстве. 22 марта 1917 г. / Гапоненко Л. С. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 106.
2. 1. 12. Резолюция №7 «О переходе к милиционной системе» / Девятый съезд РКП (б). Протоколы – М.: Партийное издательство, 1934. – С. 450–452.

2. 1. 13. «Резолюция съезда по вопросу строительства и реорганизации вооруженных сил республики» / Протоколы X съезда РКП(б). – Ленинград: «Печатный двор», 1933. – С. 674–675.

2. 2. Статистические сборники

2. 2. 1. Анчутин, С. А. Средняя промышленность Екатеринбургской губернии / С. А. Анчутин – Екатеринбург: Типография Гранит, 1922. – 48 с.

2. 2. 2. Список населенных мест Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. – Екатеринбург: Издание Екатеринбургского статистического бюро, 1923. – 102 с.

2. 2. 3. Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. – Екатеринбург: Издание Екатеринбургского статистического бюро, 1922. – 226 с.

2. 2. 4. Сулькевич, С. И. Административно-политическое строение Союза ССР (материалы о территориальных преобразованиях с 1917 по 1 июля 1925) / С. И. Сулькевич – Ленинград: Издательство Северо-западной области отдела Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 26 с.

2. 3. Периодическая печать

2. 3. 1. Газеты и журналы.

2. 3. 1. 1. Белоусов, В. А. Мы смерти смотрели в лицо / В. Белоусов // Каменский рабочий. – 1965. – № 45. – С. 3.

2. 3. 1. 2. Болдырев, М. Борьба с бандитизмом и уголовщиной / М. Болдырев // Административный вестник. – 1925. – № 3. – С. 6–9.
2. 3. 1. 3. Дисциплинарный устав Екатеринбургского особого отряда // Уральский рабочий. – 1920. – №4. – С. 3.
2. 3. 1. 4. Зайцев, И. М. Шесть лет работы уголовного розыска / И. М. Зайцев // Рабоче-крестьянская милиция. – 1923. – № 11. – С. 8–12.
2. 3. 1. 5. Какой должна быть революционная власть // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 4. – С. 2.
2. 3. 1. 6. Киселев, И. Ф. 10 лет рабоче-крестьянской милиции / И. Ф. Киселев // Административный вестник. – 1927. – № 10. – С. 29–35.
2. 3. 1. 7. Лаптев, А. Н. О состоянии милиции // Еженедельник Советской юстиции. – 1922. – № 42. – С.4–8.
2. 3. 1. 8. О речной советской рабоче-крестьянской милиции // Известия ВЦИК. – 1919. – № 4. – С. 2.
2. 3. 1. 9. О призыве // Известия ВЦИК. – 1919. – № 7. – С. 1.
2. 3. 1. 10. Об обязательном обучении военному делу // Камышловский рабочий. – 1919. № 16. – С. 1.
2. 3. 1. 11. Петкар, И. Историческая справка, необходимая для создания истории Рабоче-крестьянской милиции / И. Петкар // Административный вестник. – 1924. – № 6. – С. 11–13.
2. 3. 1. 12. По губернии // Уральский рабочий. – 1919. – № 28. – С. 2.
2. 3. 1. 13. Проверка милиции //Уральский рабочий. – 1923. – № 29. – С. 2.

3. Литература

3. 1. Книги и брошюры

3. 1. 1. Антонов-Овсеенко, В. А. Записки о Гражданской войне в трех томах / В. А. Антонов-Овсеенко. – М.: Б. И., 1934. – 343 с.
3. 1. 2. Аничков, В. П. Екатеринбург-Владивосток 1917–1922 гг. / В. П. Аничков. – М.: Русский путь, 1998. – 368 с.
3. 1. 3. Аронсон, Г. С. На заре красного террора / Г. С. Аронсон. – Берлин: Б. И., 1929. – 256 с.
3. 1. 4. Афоничев, В. С. История российской милиции / В. С. Афоничев. – М.: Б. И., 1994. – 230 с.
3. 1. 5. Балмасов, С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. / С. С. Балмасов. – М.: Посев, 2006. – 384 с.
3. 1. 6. Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век / Р. А. Белоусов. – М.: Издат, 1999 – 410 с.
3. 1. 7. Биленко, С. В., Желудкова, Т. И., Искрина, Н. А, Косицын, А. П. Советская милиция: история и современность / С. В. Биленко, Т. И. Желудкова, Н. А. Искина, А. П. Косицын. – М.: Издательство юридической литературы, 1987. – 336 с.
3. 1. 8. Гусев, С. И. Гражданская война и Красная армия / С. И. Гусев. – М.: Гос. Изд-во, 1925. – 218 с.
3. 1. 9. Дементьев, И. Б. Руководство партийных организаций Пермской губернии частями особого назначения в 1919–1923 гг. / И. Б. Дементьев. – Пермь: Б. И., 1972 – 18 с.
3. 1. 10. Дерябин, А. Л., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России. Красная армия. 1917–1922 гг. / А. Л. Деябин, Р. Паласиос-Фернандес. – М.: Аст, 2003. – 168 с.

3. 1. 11. Добронравин, Л. За 8 лет. Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска за 1917–12 ноября 1925 гг. / Л. Добронравин. – Ленинград: издание журнала «На посту», 1925. – 179 с.
3. 1. 12. Жук, Ю. А. Цареубийца. Маузер Ермакова / Ю. А. Жук. – М.: Аст, 2014. – 550 с.
3. 1. 13. Захаров, А. ЧОН Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии / А. Захаров. – Н. Новгород: Издание Нижегородского истпартотдела, 1927. – 128 с.
3. 1. 14. Кашин, В. В. На службе у государства: органы государственной безопасности города Нижний Тагил / В. В. Кашин. – Нижний Тагил: Б. И., 2008 – 338 с.
3. 1. 15. Кривошеев, Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Г. Ф. Кривошеев. – М.: Олма-пресс, 2001. – 608 с.
3. 1. 16. Крылов, С. М., Косицын А. П., Биленко С. В. История советской милиции в 2-х томах. Том 1 / С. М. Крылов, А. П, Косицын, С. В. Биленко. –М.: Б. И., 1977. – 346 с.
3. 1. 17. Клименко, В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве (октябрь 1917–июль 1918) / В. А. Клименко. – М.: Наука, 1978. – 191 с.
3. 1. 18. Клименко, В. А. Борьба с контрреволюцией в советском тылу в годы Гражданской войны / В. А. Клименко. – М.: Б. И., 1985. – 80 с.
3. 1. 19. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
3. 1. 20. Козиненко, Б. Н. Управление ФСБ России по Свердловской области 1918-2003 / Б. Н. Козиненко. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 203 с.
3. 1. 21. Конев, А. М. Красная Гвардия на защите Октября / А. М. Конев. – М.: Наука, 1989 – 333 с.
3. 1. 22. Корсак, В. У красных / В. Корсак. – Париж: Б. И., 1929. –169 с.

3. 1. 23. Косицын, А. П. История советского государства и права. Книга 1. Становление советского государства и права (1917–1920 гг.) / А. П. Косицын. – М.: Наука, 1968. – 417 с.
3. 1. 24. Кротов, В. Л. Чоновцы / В. Л. Кротов. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – 127 с.
3. 1. 25. Кудин, М. В. Советская милиция в период организации и упрочения Советской власти / М. В. Кудин. – М.: Б. И., 1957. – 168 с;
3. 1. 26. Логинов, О. В. История Уральской милиции / О. В. Логинов. – Екатеринбург: Б. И., 2002. – 236 с.
3. 1. 27. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – Спб.: Из-во Лендад, 2015. – 152 с.
3. 1. 28. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2010. – 604 с.
3. 1. 29. Молодцыгин, М. А. Красная гвардия на Урале. Календарь-справочник. Свердловская область / М. А. Молодцыгин. – Свердловск: СКИ, 1968. – 188 с.
3. 1. 30. Мулукаев, Р. С. Исторический опыт развития организационных форм участия трудящихся в охране общественного порядка / Р. С. Мулукаев. – М.: Б. И., 1986. – 133 с.
3. 1. 31. Мулукаев, Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных внутренних дел / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. – М.: Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.
3. 1. 32. Найда, С. Ф. О военно-партийных отрядах – Частях особого назначения / С. Ф. Найда // О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. – М.: Воениздат, 1958. – 244 с.
3. 1. 33. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М.: Росспэн, 2001. – 613 с.
3. 1. 34. Николаев, П. Ф. Омская милиция за установление советской власти (1917–1919 гг.) / П. Ф. Николаев. – Омск: Б. И., 1957. – 30 с.
3. 1. 35. Николаев, П. Ф. Подготовка командных кадров милиции в СССР (1917–1929 гг.) / П. Ф. Николаев. – Омск: Б. И., 1969. – 107 с.

3. 1. 36. Николаев, П. Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922 гг.) / П. Ф. Николаев. – Омск: Западно-Сибирское издательство, 1967. – 290 с.
3. 1. 37. Петров, Ю. П. Партийные мобилизации в Красную Армию 1918–1920 гг. / Ю. П. Петров. – М., Б. И., 1956. – 123 с.
3. 1. 38. Подвойский, Н. И. О милиционной организации вооруженных сил РСФСР / Н. И. Подвойский. – М.: Б. И., 1921. – 23 с.
3. 1. 39. Подвойский, Н. И. Доклад начальника Главного управления Всеобуча, терркадров и коммунистических частей т. Подвойского на совещании начальников полковых округов / Н. И. Подвойский. – М.: Б. И., 1920. – 16 с.
3. 1. 40. Разгон, И., Горбункова, В, Мельчин, А. Женщина в Гражданской войне / И. Разгон, В. Горбункова, А. Мельчин. – М.: ОГИЗ, 1938. – 246 с.
3. 1. 41. Рыбников, В. В., Алексушин, Г. В. История правоохранительных органов Отечества / В. В. Рыбников, Г. В. Алексушин. – М.: Щит-М, 2007. – 296 с.
3. 1. 42. Рычкова, Г. П. Красная гвардия на Урале / Г. П. Рычкова. – Свердловск: Уральское областное книжное издательство, 1933. – 170 с.
3. 1. 43. Савинкин, Н. И., Боголюбов, К. М. КПСС о Вооруженных силах Советского союза / Н. И. Савинкин, К. М. Боголюбов. – М.: Воениздат, 1969. – 471 с.
- 3.1. 44. Софинов, П. Г. Очерки истории ВЧК / П. Г. Софинов. – М.: Госполитиздат, 1959. – 260 с.
3. 1. 45. Терентьев, В. Д. Разработка В. И. Лениным, Коммунистической партией форм активного участия масс в вооруженной защите Октября (1918–1920 гг.) / В. Д. Терентьев. – М.: Б. И., 1971. – 78 с.
3. 1. 46. Тулисова, Е. С. Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки / Е. С. Тулисова. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 274 с.
3. 1. 47. Тухачевский, М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями / М. Н. Тухачевский. – М.: Издание журнала «Война и революция», 1925. – 42 с.
3. 1. 48. Устюжанин, Ю. Г. Среднеуральское управление внутренних дел на транспорте МВД России / Ю. Г. Устюжанин. – Екатеринбург: Союз, 2009. – 104 с.
3. 1. 49. Фомин, В. Н. Части особого назначения на Дальнем Востоке в 1918–1925 гг. / В. Н. Фомин. – Брянск: Б. И., 1994. – 162 с.

3. 1. 50. Цыпкин, Г. А. Красная Гвардия в борьбе за власть Советов / Г. А. Цыпкин. – М.: Наука, 1967. – 226 с.

3. 2. Статьи

3. 2. 1. Абраменко, И. А. Создание коммунистических отрядов особого назначения в Западной Сибири / И. А. Абраменко // Ученые записи Томского университета. – 1971. – Т. 43. – С. 83–97.

3. 2. 2. Абраменко, И. А. Партийно-политическая работа в Частях особого назначения (ЧОН) Западной Сибири. Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства / И. А. Абраменко // Ученые записи Томского университета. – 1972. – Т. 47. – С. 77–107.

3. 2. 3. Абраменко, И. А. Формирование коммунистических частей (отрядов) особого назначения в системе Всевобуча Сибири (август 1920–август 1921 гг.). / И. А. Абраменко // Ученые записи Томского университета. – 1971. – Т. 43. – С. 98–112.

3. 2. 4. Абрамовский, А. П., Морозов Е. Г. Особенности формирования Красной гвардии в 1917–1918 гг. / А. П. Абрамовский, Е. Г. Морозов // Вестник Челябинского государственного университета. – 1992. – № 2. – С. 22–29.

3. 2. 5. Андреева, В. Г. Из истории становления уральской милиции / В. Г. Андреева // Проблемы правовых наук и специальных дисциплин. Сборник статей. – М.: Издательство академии МВД СССР, 1977. – С. 38–45.

3. 2. 6. Восстановление среднеуральской милиции и ее деятельность после разгрома Колчака. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/history> (дата обращения 02. 12. 2017).

3. 2. 7. Борисов, А. В., Детков, М. Г., Кузьмин, С. И., Малыгин, А. Я. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А. В. Борисов, М. Г. Детков, С. И. Кузьмин, А. Я. Малыгин. – М.: Б. И., 1996 – 246 с.

3. 2. 8. Верижников, А. В. Части особого назначения как центры военного обучения в 1921–1923 гг. (на примере Орловской губернии) / А. В. Верижников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4 (48). – С.61 - 65.
3. 2. 9. Гольдман, В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 гг. / В. С. Гольдман // Труды высшей школы МООП СССР. – 1968. – Выпуск 20. – С. 5–54.
3. 2. 10. Зарождение милиции на Среднем Урале. [Электронный ресурс]. URL // <https://66.мвд.рф/history> (дата обращения 02. 12. 2017).
3. 2. 11. Зайцев, П. Рабоче-крестьянская милиция / П. Зайцев. – М.: Власть советов, 1930. – 2 с.
3. 2. 12. Зайцев, В. П. Туков В. В. 90 лет на страже правопорядка (Хронологический справочник по истории органов внутренних дел России и Кубани 1917-2017 г.) / В. П. Зайцев, В. В. Туков. – Краснодар: ЭДВИ, 2008. – С. 15.
3. 2. 13. Камалова, Г. Т. Пути совершенствования организационной структуры и управления советской милицией в годы новой экономической политики / Г. Т. Камалова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – № 1. – С. 123–128.
3. 2. 14. Камалова, Г. Т. Эволюция кадрового состава милиции Урала в контексте НЭПа / Г. Т. Камалова // Вестник ЮрГУ. – 2009. – № 6. – С. 10 -16.
3. 2. 15. Камалова, Г. Т., Зорина, Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа/ Г. Т. Камалова, Р. Ф. Зорина // Вестник ЮрГУ. – 2012. – № 3. – С. 15–22.
3. 2. 16. Константинов, С. И. Властные и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. / С. И. Константинов // Российский юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 59–74.
3. 2. 17. Кулаков, Д. В. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. Цели создания. [Электронный ресурс]. URL // <http://demos.eetk.ru.html> (дата обращения 01. 02. 2017).

3. 2. 18. Лошманова, О. А. Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии / О. А. Лошманова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 103–138.
3. 2. 19. Лошманова, О. А. Социально-экономическое и политическое положение Калужской губернии в 1918–1919 гг. и причины создания частей особого назначения (ЧОН) / О. А. Лошманова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история и политология. – 2015. – Выпуск № 1 (198). – С. 121–125.
3. 2. 20. Лошманова, О. А. Организационно-кадровые проблемы становления Частей особого назначения Калужской губернии в 1919 – 1924 гг. / О. А. Лошманова // Вестник Брянского государственного университета. – 2005. – № 3. – С. 129–132.
3. 2. 21. Маландин, В. Г. Коммунистические отряды особого назначения в Москве в годы гражданской войны/ В. Г. Маландин // Материалы к научной конференции кафедры общественных наук I-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова. – М., 1967. – С. 84–93.
3. 2. 22. Манькевич, А. А. Факторы роста преступности в начальный период НЭПа (на материалах Самарской губернии) / А. А. Манькевич // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск. – 2006. – № 6. – С. 71–75.
3. 2. 23. Милованова, Л. В. Создание милиции в России в 1917 г.: результаты и уроки / Л. В. Милованова // История государства и права. – 2003. – № 2. – С. 44–46.
3. 2. 24. Найда, С. Ф. Части особого назначения (1917–1925) Руководство партии созданием и деятельностью ЧОН / С. Ф. Найда // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 4. – С. 106–112.
3. 2. 25. Петров, А. В. Проблемы организации советской милиции на Урале и в Западной Сибири в 1917–1918 гг. / А. В. Петров // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия право. – 2006. – № 13. – С. 140–146.

3. 2. 26. Петров, А. В. Система советской милиции: Проблема развития в 1919-1921 гг. (региональный аспект) / А. В. Петров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 134.
3. 2. 27. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России. Поиски нового видения / Ю. А. Поляков // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 98–117.
3. 2. 28. Старков, Б. А. Красный и белый террор в России (1918-1922 гг.) / Б. А. Старков // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 25–34.
3. 2. 29. Тельнов, Н. С. Из истории создания и боевой деятельности коммунистических частей особого назначения в период Гражданской войны / Н. С. Тельнов // Ученые записки Коломенского педагогического института. – 1960. – Том. 6. – С. 180–201.
3. 2. 30. Тельнов, Н. С. Боевые коммунистические отряды особого назначения в борьбе с контрреволюцией (1918 год) / Н. С. Тельнов // Уч. Зап Московского педагогического института. – 1968. – № 14. – С. 80–95.
3. 2. 31. Токарева, С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 г. / С. Н. Токарева // Историко-правовые проблемы. – 2016. – № 17. – С. 110–124.
3. 2. 32. Фельдман, В., Куренков, Н. Образование Уральской области / В. Фельдман, Н. Куренков // Календарь-справочник Свердловской области. – Свердловск: Б. И., 1968. – С. 175.
3. 2. 33. Фомин, В. Н. Нравственно-психологический настрой коммунаров ЧОН - определяющий фактор их действий и поступков в годы гражданской войны / В. Н. Фомин // Институционализация региональной многопартийности. – 1996. – № 7. – С. 115–130.
3. 2. 34. Чевардин, А. В. Польская этническая группа в России и на Урале в эпоху Гражданской войны / А. В. Чевардин // Лесная наука в реализации концепции уральской инженерной школы: социально-экономические и экологические проблемы лесного сектора экономики материалы 11-й международной научно-технической конференции. – Екатеринбург, изд-во УГЛТУ, 2017. С. 368–370.

3. 2. 35. Шведов, В. В. Формирование структур управления органов милиции на Среднем Урале (1919-1924 гг.) / В. В. Шведов // Историко-педагогические чтения. – 2004. – № 8. – С. 225-230.
3. 2. 36. Шеметов, В. О. О Частях особого назначения / В. О. Шеметов // Армия и революция. – 1923. – № 1. – С. 14–22.
3. 2. 37. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 95-127.

3. 3. Диссертации и авторефераты диссертаций

3. 3. .1. Бельков, Д. А. Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции 1817–1927 гг. / Д. А. Бельков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Великий Новгород: Б. И., 2003. – 219 с.
3. 3. 2. Вдовенко, Г. Д. Коммунистические отряды – Части особого назначения (ЧОН) Восточной Сибири (1920–1924 гг.) / Г. Д. Вдовенко. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск: Б. И., 1970. – 308 с.
3. 3. 3. Гаврилова, Н. Г. Деятельность Коммунистической партии по руководству частями особого назначения в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (на материалах Тульской, Рязанской, Иваново-Вознесенской губерний) / Н. Г. Гаврилова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Рязань: Б. И., 1983. – 203 с.
3. 3. 4. Дементьев, И. Б. ЧОН Пермской губернии в борьбе с врагами Советской власти / И. Б. Дементьев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пермь: Б. И., 1972. – 218 с.
3. 3. 5. Довгяло, В. К. Становление органов милиции на территории Пермской губернии. Февраль 1917–март 1921 гг. / В. К. Довгяло. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пермь. Б. И., 2004. – 296 с.

3. 3. 6. Ковалев, Ю. В. Коммунистическая партия – организатор и руководитель отрядов особого назначения по борьбе с контрреволюцией в годы Гражданской войны / Ю. В. Ковалев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ленинград: Б. И., 1968. – 212 с.
3. 3. 7. Марченко, С. А. Организационно-правовые основы деятельности частей особого назначения (ЧОН) и специфика их функционирования на Кубани. / С. А. Марченко. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Краснодар: Б. И., 2013. – 194 с.
3. 3. 8. Оганесян, М. Н. Части особого назначения Московской губернии / М. Н. Оганесян. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Б. И., 2001. – 245 с.
3. 3. 9. Петров, А. В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в.: историко-правовое исследование / А. В. Петров. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М.: Б. И., 2007. – 428 с.
3. 3. 10. Щеткин, С. В. Милиция на Южном Урале 1921–1928 гг. / С. В. Щеткин. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Челябинск: Б. И., 2002. – 248 с.
3. 3. 11. Яблонский, И. В. Части особого назначения в Кубано-Черноморской области: 1920–1924 гг. / И. В. Яблонский. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Краснодар: Б. И., 2005. – 209 с.
3. 3. 12. Яблочкина, И. В. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России 1921–1925 гг. / И. В. Яблочкина. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: Б. И., 2000. – 506 с.
3. 3. 13. Яркова, Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие / Е. И. Яркова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Екатеринбург: Б. И., 2008. – 256 с.

Приложение А
(справочное)

**Схема подчинения отрядов особого назначения
(14 мая 1919 г.)**

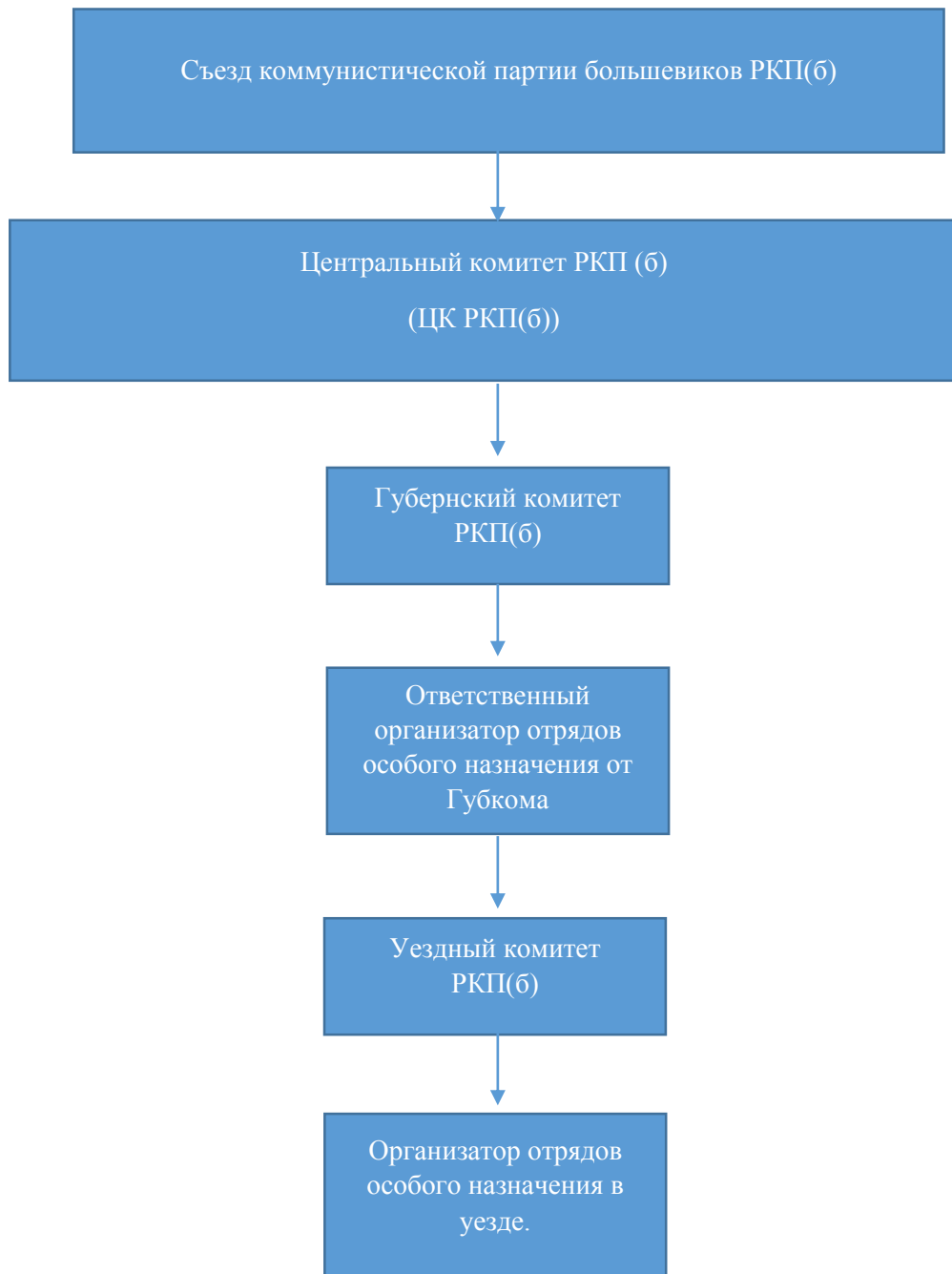
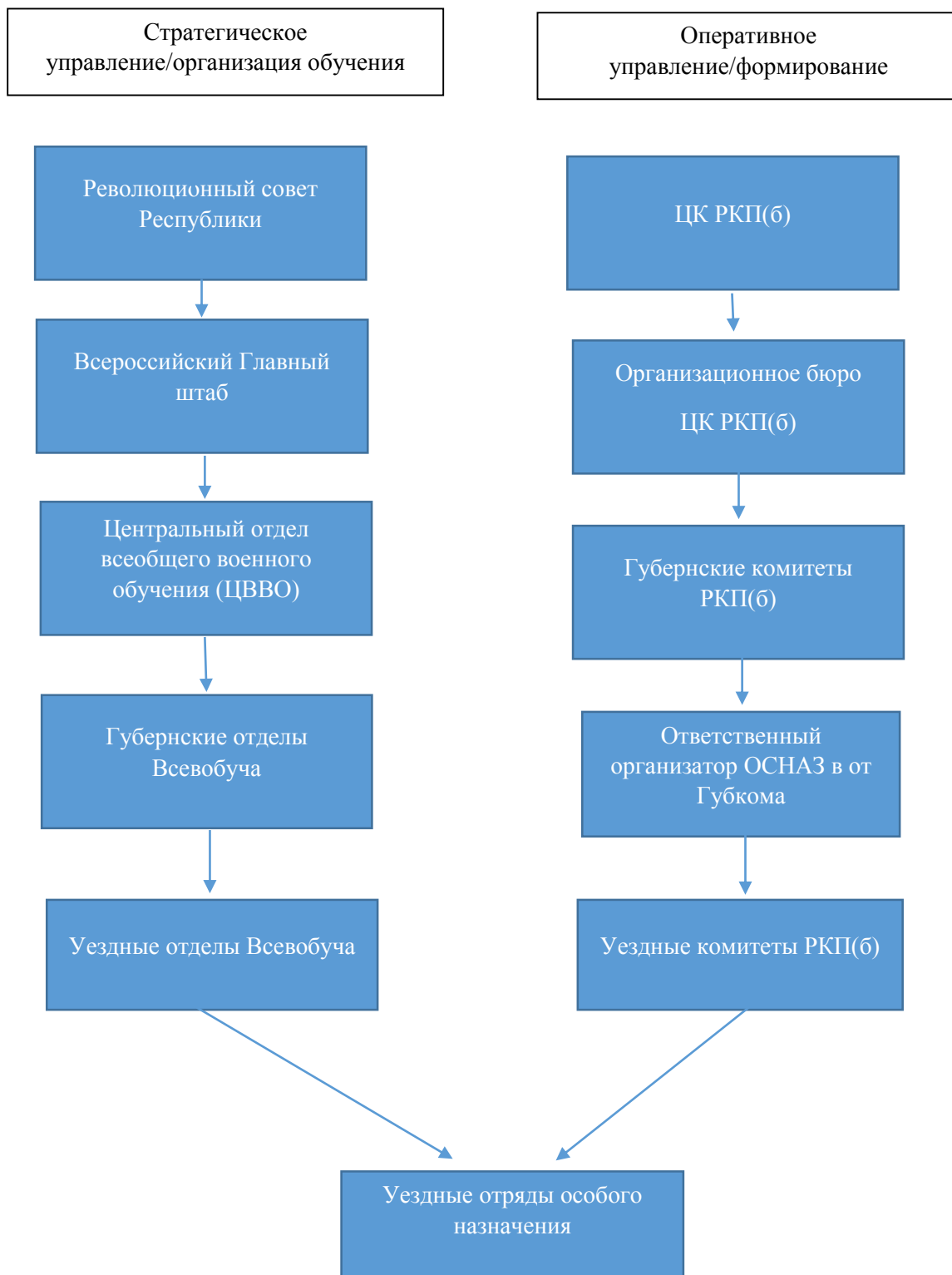

Рис. А. 1.

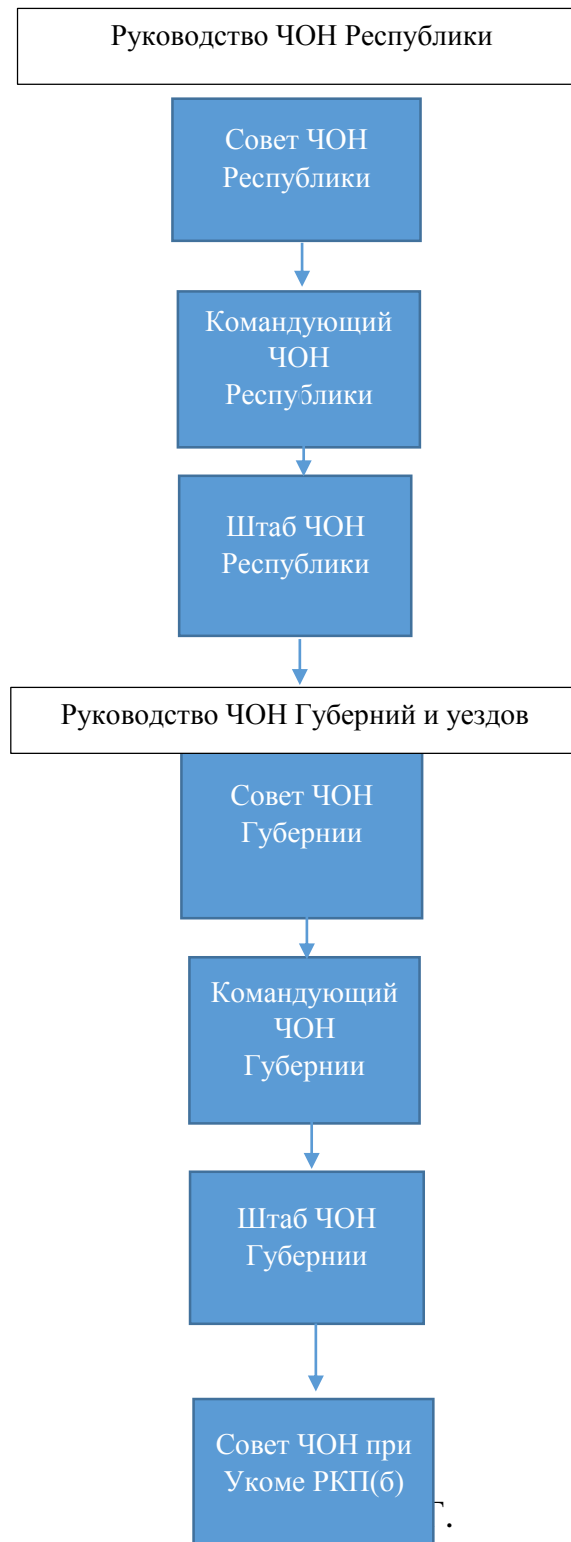
Приложение Б.

(справочное)

Схема подчинения отрядов особого назначения.**(ноябрь 1919 г.)***Рис. Б. 1.*

Приложение В.

(справочное)

Схема подчинения отрядов особого назначения.**(25 марта 1921 г.)***Рис. В. 1.*

Приложение Г.
(справочное)

**Именной список Штаба Частей особого назначения Екатеринбургской
губернии. (сентябрь 1922 г.)¹**

Таблица Г. 1.

ФИО, год рождения	Образование	Звание до революции. Участие в конфликтах.	Партийный стаж	С какого времени в ЧОН	Семейное положение	Награды
Акулов Сергей Трофимович, 1887 г/р.	4 класса начального училища. Противогазная и пехотная учебные команды.	Начальник учебной команды 29-го полка. Фельдфебель. С 1914 по 1918 гг. участник Первой мировой. В. 1918–1921 гг. – участник Гражданской войны.	с 1917 г.	С 18. 09. 1922 г. – Командующий Частями особого назначения Екатеринбургской губернии.	Женат. Сын.	Три пары белья и 2 шинели.

¹ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 156. Л. 145–146.

Криченев Михаил Михайлович.	Ярославцев Николай Лужич, 1893 г/р.
Первые Екатеринбургские четырехклассное городское отделение. Высшая военная школа Сибири. Этапно-транспортное	Екатеринбургские общеобразовательные курсы 1-го разряда. Казанская школа прапорщиков.
С 1918 г. участник Первой Мировой войны. С 1918 Гражданская война	С 1917 г. участник Первой мировой войны.
Беспартийный.	с 1919 г.
С 24. 11. 1922 г. Помощник начальника штаба ЧОН Екатеринбургской губернии	С 16. 11. 1922 г. Начальник штаба ЧОН Екатеринбургской губернии
Женат. Сын.	Женат. Сын.
Нет.	Нет.

Маганцев Николай Александрович, 1896 г/р.	Фельдман Самарий Моисеевич, 1888 г/р.	Тараканов Григорий Владимирович, 1893 г/р.
3-х классное реальное училище. Писарь	Среднее образование.	Реальное училище. I Московские пехотные курсы комсостава Красной армии. Высшая военная школа в Казани.
В 1915-1918 гг. – участник Первой мировой войны.	В 1914-1918 гг. участник Первой мировой войны. Рядовой.	В 1918–1919 гг. участник Гражданской войны. В 1919 г. был ранен.
Беспартийный.	Беспартийный.	С 1915 г.
Делопроизводитель 1-го помощника Начальника штаба.	Начальник отделения снабжения с 23 июня 1922 г.	Помощник начальника штаба ЧОН.
Женат.	Женат.	Женат. Сын.
Нет.	Нет.	Орден Красного знамени.

Соломин Глеб Константинович, 1895 г/р.	Сулямов Иван Потапович, 1897г/р.	Архипов Федор Николаевич
Верхотурское городское училище.	2-х классное училище. Инструкторские курсы Всевобуча.	Реальное 6-ти классное училище. Коммерческая высшая школа в Гамбурге.
В 1915–1918 гг. участник Первой мировой войны. Рядовой. В 1918–1920 гг.	В 1916-1918 гг. участник Первой мировой войны. Унтер-офицер.	В 1916-1917 гг. участник Первой мировой войны.
Беспартийный	С 1919 г.	Беспартийный.
Женат	Женат. Дочь.	Старший делопроизводитель штаба ЧОН Екатеринбургской губернии.
Делопроизводитель при отделе снабжения ЧОН Екатеринбургской	Делопроизводитель второго помощника Начальника штаба ЕКБ	Женат. Сын 23 года. Сын 15 лет. Дочь 21 г. Дочь 17 лет.
Три степени георгиевского креста.	Нет	Нет.

Приложение Д.
(справочное)

**Количественные показатели кадрового и милиционного состава Частей
особого назначения Екатеринбургской губернии.
(январь 1923 г.)¹**

Таблица Д. 1.

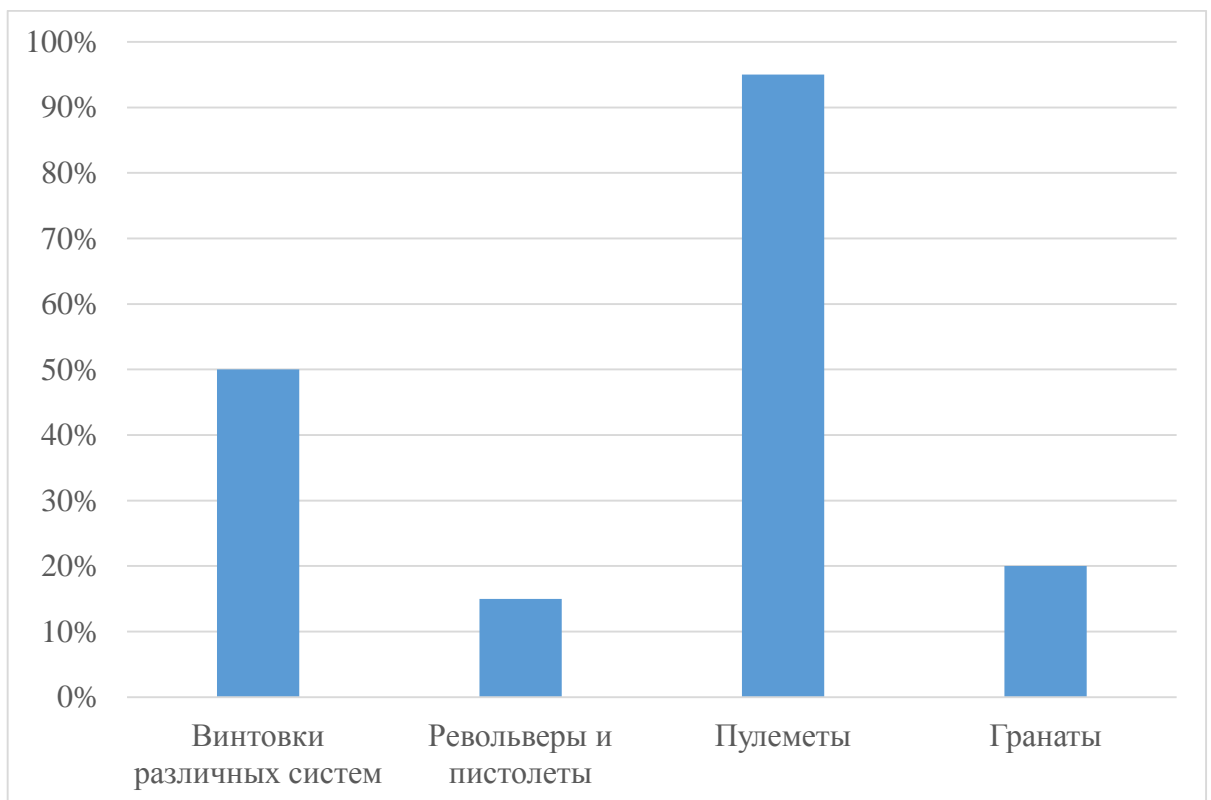
Наименование подразделения	Всего коммунаров в ЧОН всех разрядов военной подготовки.
1-й Отдельного назначения Екатеринбургский батальон.	3 312.
1-я Отдельного назначения Нижне-тагильская рота.	1 255.
2-я Отдельного назначения Ирбитская рота	1 424.
3-я Отдельного назначения Камышловская рота.	1 267.
4-я Отдельного назначения Шадринская рота.	2 074.
1-й Отдельного назначения Камышловский взвод.	465.
2-й Отдельного назначения Верхотурский взвод	410.
ИТОГО	10 774.

¹ ГАСО. Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 115. Л. 29.

Приложение Е.

(справочное)

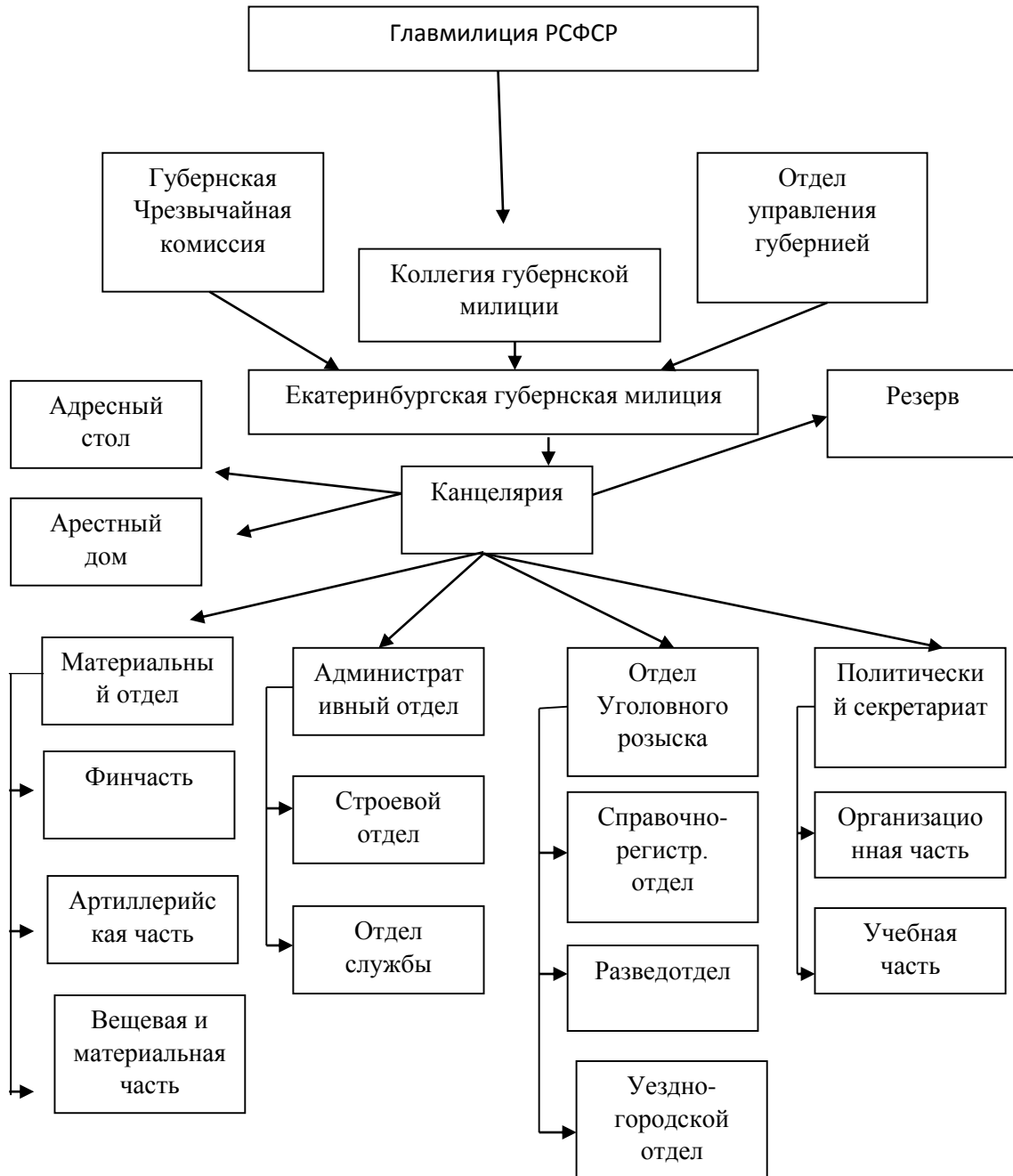
**Процент обеспеченности Екатеринбургских Частей особого назначения
основными видами вооружения.
(январь-февраль 1923 г.)¹**

Рис. Е. 1.

¹ ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1 Д. 156. Л. 4, 5.

Схема работы Екатеринбургской губернской милиции¹

Рис. Ж. 1.

¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1 Д. 167. Л. 1.

Приложение И.

(справочное)

**Сравнение штатных и фактических количественных показателей
промышленной милиции Екатеринбургской губернии
(27 октября 1920 г.)¹**

Таблица И. 1.

Район/ должность	Штатное количество личного состава.							Фактическое количество личного состава.						
	Начальников районов	Помощников	Канцелярских	Ст. пеших	Мл. пеших	Ст. конных	Мл. конных	Начальников районов	Помощников	Канцелярских работников	Ст. пеших	Мл. Пеших	Ст. конных	Мл. конных
-														
Екатеринбургский	1	1	1	38	388	-		1	1	2	2 0	206	-	-
Камышловский	1	1	1	12	126	-		1	1	1	1 0	112	-	-

¹ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 198. Л. 79.

Шадринский	1	1	1	5	51	-		1	1	1	4	32	-	-
Красноуфимский	1	1	1	18	180	-		1	1	2	4	55	-	-
Верхогурский	1	1	1	3	24	2	18	1	1	1	1	46	1	-
Наеждинский	1	1	1	4	43	1	11	1	1	1	2	56	-	-
Н. Тагильский	1	1	1	8	75	3	35	1	1	1	3	74	2	13
Алапаевский	1	1	1	5	52			1	1	1	3	53	-	-
Ирбитский	1	1	1	8	81			1	1	-	1	34	-	-

Приложение К.
(справочное)

Список начальствующего состава Уголовного розыска.
(сентябрь 1921 г.)¹

Таблица К. 1.

Ф.И.О.	Должность	Дата вступления в должность.	Партийность.	Профессия/образование	Должность в старой армии	Должность в РККА
Прокопьев Я. Ф.	Начальник	23. 8. 1920 г.	Член РКП(б)	Каменщик/ Начальное училище	Не служил	Не служил.
Улаев М. С.	Помощник начальника	30. 8. 1919 г.	Беспартийный	Помощник бухгалтера/высший торговый промышленный институт	Не служил	Не служил
Клевин И. И.	Помощник начальника	12. 9. 1919 г.	Беспартийный	Юрист/ Среднее образование	Не служил	Не служил

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 348. Л. 16.

Бабенков К. П.	Калинин В. А.	Коваленко В. П.	Трофимов А. Д.	Шупельцев М. Ф.	Ганич А. М.
Следователь 1-го района	Начальник 5-го района	Начальник 2-го района	Начальник 1-го района.	Начальник 3-го района	Помощник начальника
16.03. 1911 г.	14. 10. 1920 г.	14. 3. 1920 г.	12. 2. 1921 г.	26. 9. 1920 г.	13. 3. 1921 г
Член РКП(б)	Беспартийный.	Беспартийный.	Беспартийный	Член РКП(б)	Беспартийный
Столяр/. Столярская школа.	Шорник/ 6 классов гимназии	Письмоводитель/ 2 класса городского училища	Письмоводитель/ 5 классов гимназии.	Письмоводитель/4-х классов городского училище.	Письмоводитель/ Высшее техническое образование.
Рядовой	Не служил.	Рядовой.	Мл. писарь.	Не служил.	Военный чиновник,
Не служил.	Не служил.	Не служил.	Не служил.	Кавалерист.	Не служил.

Кведер-Розау У. И.	Веселков Н. А.	Кремнев Г. Н.	Ушаков А. Н.	Крашторф Ф. З.	Елизарьев П. К.
Агент 1-го разряда	Следователь 4 района.	Следователь 4-го района	Следователь 5-го района	Следователь 3-го района	Следователь 2-го района
15. 09. 1920 г.	01. 1921 г	24. 8. 1921 г.	18. 07. 1921 г.	14. 10. 1920 г.	28. 05. 1921 г.
Член РКП(б)	Член РКП(б)	Член РКП(б)	Беспартийный	Беспартийный	Член РКП(б)
6 кл. гимназии.	Столяр/. Народная школа	Парикмахер/ 3 класса реального училища.	Химик/ Среднетехническое образование.	Бетонщик/ Церковно-приходская школа	Служащий/ Начальное училище.
Военный летчик.	Мл. унтер-офицер.	Вольноопред.	Мл. унтер-офицер.	Рядовой.	Рядовой.
Не служил.	Красноармеец.	Полиработник.	Не служил.	Не служил.	Красный командир.

Чуркин М. Ф.	Худышкин Ф. С.	Улитин М. С.
Агент 1-го разряда	. Агент 1-го разряда	Агент 1-го разряда
20. 7. 1921 г.	25. 5. 1921 г.	26. 8. 1920 г.
Член РКП(б)	Член РКП(б)	Член РКП(б)
Земледелец/ Сельская школа	Земледелец/ Народная школа.	Токарь/ Сельская школа. .
Артиллерист.	Не служил.	Рядовой.
Не служил.	Красноармеец.	Не служил.

Приложение Л
(справочное)

**Программа школы политграмотности для милиционеров Екатеринбургской
губернии¹**

Таблица Л. 1.

Первая неделя	Февральская революция
Уч. часов	1
Вторая неделя	Разница между октябрьской февральской революцией
Уч. часов	1
Третья неделя	Переход от красной гвардии к организации красной армии
Уч. часов	1
Пятая неделя	Боролся ли рабочий класс России с буржуазией др. стран?
Уч. часов	5
Шестая неделя	Организация советской власти на местах и в центре
Уч. часов	1
Седьмая неделя	Что такое программа? Какой была наша старая программа?
Уч. часов	1

¹ ГАСО Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 140. Л. 216.

Приложение М.

(справочное)

Текст «Обязательства» милиционера¹

Обязательство.

192... года.....дня

Я нижеподписавшийся, сын Трудового народа /имя отчество и фамилия/
Гражданин Российской, Социалистической Федеративной Советской
республики, вступая добровольно в ряды Милиции, даю настоящую подпись в
том, что на службе в Милиции обязуюсь:

1. Стоять на страже революционной законности и порядка и защищать интересы рабочих и крестьян.
2. Беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения своих начальников, поставленных властью рабоче-крестьянского правительства и втайне сохранять все секретные приказы и распоряжения.
3. Хранить народное имущество от расхищения и особенно бережливо относиться в выдаваемом мне обмундированию и оружию
4. Соблюдать порядок и дисциплину согласно применяемы уставов РККА и Милиции.
5. Неуклонно следить за исполнением гражданами декретов постановлений и распоряжений рабоче-крестьянской власти.
6. Беспощадно подавлять все выступления против Рабоче-крестьянского Советского правительства.
7. Быть честным, трезвым, исполнительным и со всеми вежливым.
8. Воздерживаться и самому удерживать товарищей от всякого рода порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской республики и приносящих вред Советской власти.

¹ ГАСО Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 474. Л. 34–36.

9. Прослужить в Рабоче-крестьянской милиции ДВА года, независимо от занимаемой должности.
10. В случае опасности угрожающей советской России прийти на помощь Красной Армии.
11. За нарушение с моей стороны, хотя бы одного из перечисленных пунктов, законов и декретов Рабоче-крестьянской власти, я, как лицо, специально поставленное для наблюдения за революционными порядками блюдением всеми гражданами РСФСР этих законов и декретов, подлежу законной ответственности.
12. Положение о рабоче-крестьянской милиции мне прочитано и разъяснено, все инструкции по таковой обязуюсь знать в точности.

Приложение Н.
(справочное)

**Списки милиционеров, уволенных из милиции Екатеринбургской
губернии (апрель-май 1922 г.)¹**

Таблица Н. 1.

Ф.И.О.	Должность	Причина увольнения
Милиция Каменского уезда.		
Гафаров Г.	Младший милиционер Каменского арестного дома	Неграмотный и неблагонадежный
Гайнетдинов А.	Младший милиционер Каменского арестного дома	За халатное отношение к служебным обязанностям
Сидоров А. А.	Младший милиционер Каменского арестного дома	По инвалидности
Голошейкин П. С.	Младший милиционер Каменского арестного дома	Неграмотный. Часто был замечен спящим на посту.
Макаров С. М.	Младший милиционер Каменского арестного дома	Имеет припадки. Не годен к военной службе.
Голошейкин И.П.	Младший милиционер конного резерва Каменской милиции.	Кража продуктов у милиционеров.
Решетников С .Е.	Младший милиционер конного резерва Каменской милиции.	По инвалидности
Виноградов Н. А.	Младший милиционер Каменской милиции.	Не аккуратен. Не может быть милиционером.
Голошейкин И. И.	Младший милиционер Каменской милиции.	Бронхит, анемия.
Пакуловский С. Ф.	Младший милиционер Каменской милиции.	За халатное отношение к служебным обязанностям.

¹ Государственный архив в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–91.

Салихов З.	Младший милиционер Каменской милиции.	Отрицательно относится к службе в милиции.
Дышаев И. С.	Младший милиционер Каменской милиции.	Катар легких. Не добросовестно относится к службе.
Валин Д. Ф.	Агент первого разряда Уголовного розыска Каменского уезда.	За невыполнение своих обязанностей, как агент.
Овчинников П. Ф.	Младший милиционер Каменской милиции.	По слабости здоровья.
Строшков П. П.	Младший милиционер Каменской милиции.	За халатное отношение к службе.
Аввакумов И. Р.	Старший милиционер четвертого района Каменской милиции.	Политически неблагонадежен.
Федоров К. И.	Старший милиционер четвертого района Каменской милиции.	Политически неблагонадежен.
Милиция Краснотуринского уезда.		
Макаров И.	Младший милиционер городской милиции Краснотуринска.	Сомнительная личность и не соответствует своему назначению.
Захаров Т.	Младший милиционер городской милиции Краснотуринска.	Не тактичен в работе.
Смирнов М.	Младший милиционер городской милиции Краснотуринска.	За взяточничество .
Фарафонов Г.	Милиционер конного резерва Краснотуринской милиции	За сокрытие следов убийства девяти человек на хуторе.
Елкин Р.	Младший милиционер арестного дома Краснотуринского уезда.	Состоящий под судом и следствием за хищение.

Гольшев И.	Младший милиционер арестного дома Красноуфимского уезда.	Беспартийный. К службе в милиции по своему укладу не подходит.
Макушев Ф.	Агент первого разряда Уголовного розыска Красноуфимского уезда.	Нетактичен в поведении и вообще, как исключенный из партии за недисциплинарность.
Пахтерин Н.	Агент первого разряда Уголовного розыска Красноуфимского уезда.	Нетактичен в поведении и вообще, как исключенный из партии за недисциплинарность.
Сенатырев И.	Агент первого разряда Уголовного розыска Красноуфимского уезда.	Подозреваемый в хищении.
Сабуров И.	Младший милиционер первого района Красноуфимской милиции.	Малограмотный и к службе в милиции непригоден.
Милиция Ирбитского уезда		
Никифоров П. А.	Младший милиционер конного резерва Ирбитской милиции	За проведение незаконных обысков.
Воронцов Я. И.	Сапожник при конном резерве Ирбитской милиции.	За нерадивость к службе.
Квашнин Г. М.	Мл. милиционер арестного дома.	За нерадивость к службе.
Трофимов Г. И.	Коновод.	В виду слабого здоровья.
Культивинов А. П.	Младший пеший милиционер городской милиции Ирбита.	Как малограмотный и имеющий слабое зрение.
Никитин Ф. П.	Младший пеший милиционер городской милиции Ирбита.	За незаконные действия.

Устинов Ф. К.	Младший конный милиционер первого района милиции Ирбитского уезда.	За нерадивость к службе и политическую неблагонадежность.
Большедворов К. П.	Младший конный милиционер первого района милиции Ирбитского уезда.	Самовольное отлучение и нежелание продолжения службы.
Галищев И. П.	Младший конный милиционер первого района милиции Ирбитского уезда.	За превышение власти и нерадивость к службе.
Кононов В. П.	Старший конный милиционер	В виду несоответствия и слабого знания следственного делопроизводства.
Серебрянников А. П.	Старший конный милиционер	В виду несоответствия и слабого знания следственного делопроизводства.
Екатеринбургский уезд		
Гакранин П. А.	Агент первого разряда Уголовного розыска.	Как венерически больной.
Воронов И. Д.	Агент первого разряда Уголовного розыска.	Как малолетний.
Чацин И. М.	Младший милиционер.	Преклонный возраст и малограмотный.
Чепуштанов А. С.	Младший милиционер.	По болезни 95% глаза.
Рякин А. М.	Старший милиционер.	Как инвалид.
Симонов М. И.	Младший милиционер.	За халатное отношение.
Чемезов М. В.	Младший милиционер	За преступление по должности.

Приложение П.

(справочное)

Сведения о результатах борьбы с самогонварением в Екатеринбургской губернии (январь-февраль 1922 г)¹

Таблица П. 1.

Уезд	Количество обысков	Обнаружено очагов производства	Задержано за самогонварение	Отобрано аппаратов	Количество отобрано самогонки в ведрах	Возбуждено судебных дел	Процент дел, раскрытый по заявлениям
Екатеринбургский	380	35	762	352	221	571	45%
Н-Тагильский	116	25	92	45	126	80	15%
Шадринский	350	60	485	235	91	374	7%
Верхотурский	60	15	159	36	35	62	2%
Ирбитский	50	10	165	63	16	50	2%
Красноуфимский	213	13	251	91	34	149	2%
Камышловский	108	8	321	64	46	274	10%

¹ ГАСО Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490. Л. 72.